

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 4 2019 №3

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2019
ТОМ 4 №3

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2019

ТОМ 4 № 3

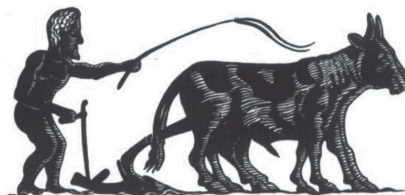
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)
А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
В. Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Крестьянка в саду». А. А. Бучкури (1910, Воронежский областной музей им. И. Н. Крамского)

© Авторы статей, 2019

© РАНХиГС, 2019

Содержание

Теория

- Кедров Н.Г.* Четыре концепции коллективизации
В.П. Данилова 6
- Uleri F.* Capitalism and the peasant mode of production:
A Chayanovian analysis 43

История

- Савинова Т.А.* Последний «семидесятник»: к биографии
Василия Николаевича Григорьева (1852–1927) 61
- Заславская Т.И.* «... У меня сейчас невероятный цейтнот»
(Публикация писем Татьяны Ивановны Заславской 1972–1974 гг.) 78

Современность

- Виноградская О.Я.* От-чего горожане едут в деревню:
феноменология и практика 140
- Пивовар Г.А., Савоскул М.С.* Изменение пешеходных
троп в сельской местности как индикатор трансформации
образа жизни сельчан 156

Интервью с исследователем

- Шнайдер С., Никулин А.М.* «В совместных сравнительных
исследованиях мы еще многому научимся друг у друга» 167

Рецензии

- Гордеева И.А.* Рецензия на книгу: Агарин Е. Трудрами рук
своих: Толстовские земледельческие колонии
в дореволюционной России 186
- Бабашкин В.В.* О пользе консерватизма,
или Чему обязаны?... 195

Научная жизнь

- Куракин А.А.* Пути сельского развития России и Китая. 201

Russian peasant studies

Vol. 4. 2019. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Kedrov N.G.* Viktor Danilov's four conceptions
of collectivization 6
- Uleri F.* Capitalism and the peasant mode of production:
A Chayanovian analysis 43

HISTORY

- Savinova T.A.* The last 'semidesyatnik' (representative of the 1970s):
On the biography of Vasily Nikolaevich Grigoriev (1852–1927) 61
- Zaslavskaya T.I.* "... I am pressed for time now" (Letters of Tatiana
Ivanovna Zaslavskaya of 1972–1974) 78

THE PRESENT TIME

- Vinogradskaya O.Ya.* Why and from what townspeople move
to the village: Phenomenology and practice 140
- Pivovarov G.A., Savoskul M.S.* Changes of footpaths in rural areas
as an indicator of the rural lifestyle transformations 156

INTERVIEWS

- Schneider S., Nikulin A.M.* "In the joint comparative studies,
there is much we can learn from each other" 167

REVIEWS

- Gordeeva I.A.* Book review: Agarin E. By the labor of one's hands:
Tolstoyans' agricultural colonies in pre-revolutionary Russia 186
- Babashkin V.V.* On the benefits of conservatism, or To what
do we owe...? 195

SCIENTIFIC LIFE

- Kurakin A.A.* Ways of rural development of Russia and China 201

Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова

Н.Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, независимый исследователь

Статья посвящена анализу взглядов известного российского историка-аграрника В.П. Данилова на проблему коллективизации. Автор выделяет четыре этапа в изучении исследователем этой темы. Становление Данилова как историка советской деревни происходило в условиях хрущевской оттепели. Ученый включился в начавшийся тогда процесс переосмысления советского исторического опыта и принял активное участие в критике концептов сталинской историографии. Его внимание было сконцентрировано на поиске макроструктур, обусловивших генезис социалистических производственных отношений в советском сельском хозяйстве. Попытка историков-шестидесятников предложить новую концепцию коллективизации не имела успеха в силу произошедших в середине 1960-х годов изменений в политической жизни страны. Во второй половине 1960-х — 1980-х годах основным предметом полемики со стороны Данилова стала новая официальная концепция коллективизации С.П. Трапезникова. На этом этапе научного творчества ученый акцентировал внимание на преобладании в жизни советской доколхозной деревни патриархальных отношений. Перестройка принесла новые надежды историкам даниловского поколения. Вместе с тем Данилов не разделял мнений радикальных критиков колхозной системы и в итоге им была предложена концепция альтернатив сталинской «революции сверху» как упущенных возможностей строительства подлинного социализма. Последний этап в научной работе Данилова был связан с подготовкой к печати фундаментальных документальных серий по истории советской деревни. В связи с этим взгляды историка эволюционировали в направлении идей тоталитарной историографии. Автор отмечает выдающуюся роль Данилова в разработке двух из трех научно-исследовательских программ изучения аграрной истории советского периода, что сделало его главной мемориальной фигурой в истории этого научного направления.

Ключевые слова: аграрная история, историческая наука, советская деревня, коллективизация, В.П. Данилов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-6-42

Однажды, еще в мою бытность аспирантом Санкт-Петербургского института истории РАН, С.В. Яров применил в качестве характеристики В.П. Данилова выражение «трагическая фигура нашей историографии». Вероятно, Сергей Викторович подразумевал то обстоятельство, что в советский период Данилов подвергался давлению со стороны власти и не мог в полной мере реализовать свою академическую карьеру. Но помню, что тогда меня очень уди-

вила эта оценка. Статус нонконформиста и борца за историческую истину сделали Данилова неформальным лидером в среде советских историков-аграрников, в 1990-е годы ученый и вовсе утвердился в образе «светила науки» и общепризнанного мэтра крестьянской историографии. Его оценки и выводы стали концептуальной основой сформировавшейся тогда же парадигмы аграрной истории советского периода, а ссылки на его работы ныне воспроизводятся современными исследователями к месту и не к месту. Мемориализация образа ученого заметна и в первых специальных обращениях к анализу его научного наследия.

Впрочем, Данилову и здесь повезло, ему достались весьма квалифицированные биографы. Так, после смерти Данилова в журнале «Вопросы истории» появилась большая статья М.А. Вылцана, В.А. Емца и И.Н. Слепнева, рассматривающая основные вехи творческого пути ушедшего историка (Вылцан, Емец, Слепнев, 2005). Позже расширенный вариант этого очерка был включен в опубликованное издательством РОССПЭН двухтомное собрание избранных работ ученого (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011). Разумеется, мемориальный характер этих обращений к его биографии предопределил восторженно-панегирический рассказ в них о деятельности историка. Тем не менее обе статьи уникальны тем, что написаны людьми, хорошо знавшими самого Данилова, и содержат факты, почерпнутые из общения с членами его семьи и кругом ближайших соратников и единомышленников. Данилов в этих работах предстает в качестве яркого представителя поколения шестидесятников, диссидента советской науки, непримиримого борца со сталинской концепцией истории, с цензурными ограничениями и бюрократическими препонами, препятствовавшими познанию исторической правды. Все эти характеристики, конечно, вполне применимы к образу историка. Но если рассматривать его фигуру в таком контексте, то Данилов ученый-исследователь оказывается в тени Данилова — общественного деятеля. Если внимательно присмотреться к работам самого историка, то можно заметить, что на разных этапах его научного творчества объектами полемики с его стороны выступали не только постулаты сталинской историографии, но и другие теоретические конструкты. С течением времени менялись те силы, с которыми вел непримиримую борьбу Данилов. Менялись, соответственно, и оценки историком тех или иных реалий. Таким образом, представленный в отмеченных выше работах взгляд на научное творчество Данилова несколько упрощает наше восприятие фигуры последнего.

Немногим позже свое понимание научного творчества В.П. Данилова представил известный российский историк-аграрник В.В. Кондрашин (Кондрашин, 2013; Кондрашин, 2014). Его работы также не лишены апологетического отношения к своему герою. Более важным, однако, представляется другое. В них на основе анализа многочисленных научных трудов Данилова Кондрашин

попытался реконструировать его синтетическую концепцию аграрной истории России второй половины XIX–XX века. Похожие интенции заметны и в статье А.М. Никулина, который обратил свое внимание на теорию исторических альтернатив — важнейший конституирующий элемент даниловского мировоззрения на поздних этапах его творческого пути (Никулин, 2014). Излагая различные альтернативные сценарии аграрных реформ, к рассмотрению которых в той или иной степени обращался историк, автор попытался увидеть некие сущностные черты политической социологии Данилова. В отличие от предшествующих работ, Никулин отмечал уже не только сильные, но и слабые места теоретических конструкций, созданных ученым. Впрочем, это не единственное концептуальное отличие этих работ Кондрашина и Никулина. Исследователи придали несколько отличные векторы своим реконструкциям даниловского мировоззрения. Так, у Кондрашина идеей, связующей многочисленные труды Данилова, выступает концепция крестьянской революции, под которой в обобщенном плане понимается некий естественный процесс интеграции крестьянства в индустриально-рыночную модернизацию России. Политические верхи вольны избирать по отношению к последней различные стратегии: от запоздалой поддержки при П.А. Столыпине до откровенного противодействия при И.В. Сталине, однако главным субъектом исторического процесса в историософии Данилова по Кондрашину оставалось само крестьянство. Избранный Никулиным фокус альтернатив уже сам по себе предполагает понимание исторических изменений как программируемого человеком движения. Он тоже пишет о крестьянской революции, но она рассматривается им лишь как один из факторов, обусловивших успех или неудачу тех или иных реформ. «Революция снизу» проигрывает в этом анализе детерминант исторических изменений «революции сверху», а потому автор статьи фиксирует внимание читателей на поиске Даниловым тех политических сил, которые смогли бы осуществить позитивную программу аграрных реформ. Иными словами, историческая концепция Данилова у Кондрашина объектна, так как социальные процессы в ней выступают самодетерминантами развития, в анализе же Никулина она, напротив, субъектна, так как предлагает выявление тех сил, которые являлись носителями программ социальных изменений.

Уже представленный здесь обзор работ о Данилове свидетельствует о том, насколько яркой и многогранной была личность ученого. В полной мере охарактеризовать фигуру историка в одном, ограниченном по объему очерке вряд ли возможно, поэтому мы сосредоточимся лишь на одном (хотя и важнейшем на протяжении всего творческого пути) аспекте — эволюции взглядов на коллективизацию. По нашему мнению, в осмыслении ученым этой темы отчетливо выделяются четыре, отличные по своим интенциям, теоретическим основам исследований, направленности полемики и,

разумеется, оценкам исторических реалий, самостоятельных этапа его научной работы. В частности, это: 1) середина 1950-х — вторая половина 1960-х годов — период борьбы за новую историческую концепцию коллективизации; 2) вторая половина 1960-х — конец 1980-х годов — период борьбы с новой официальной концепцией коллективизации; 3) конец 1980-х — начало 1990-х годов — период историографической революции; 4) начало 1990-х — 2004 год — период работы над фундаментальными документальными сериями. Таким образом, речь в нашей статье пойдет о Данилове — ученом историке. Этот ракурс важен еще и потому, что общественно-политические взгляды и организаторская деятельность Данилова неплохо изложены в современной научной литературе (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011; Кондрашин, 2014; Кондрашин, 2018).

Выявление макроструктур генезиса социализма

В 1950 году, когда выпускник Оренбургского государственного педагогического института В.П. Данилов приехал поступать в аспирантуру Института истории АН СССР, он вынужден был поменять тематику своих исследований с дореволюционной истории на советскую. Как оказалось, этот выбор определил его дальнейшую творческую судьбу. Уже первая кандидатская диссертация Данилова принесла ему общесоюзную известность. Еще бы, автор осмелился утверждать, что коллективизация — как тогда считалось, одна из важнейших вех на пути к социализму, была проведена без достаточной материально-технической базы, что тем самым бросало тень на методы ее осуществления. Однако вряд ли сам диссертант ожидал подобного результата. Скорее, напротив, он со студенческой прямолинейностью попытался применить знания, полученные во время своего обучения в институте и аспирантуре, а теоретической основой работы стали законы марксистской политэкономии. Как известно, сам Сталин в «Кратком курсе» не настаивал на необходимости технического перевооружения в качестве необходимого условия коллективизации. Там говорилось скорее о пропагандистском воздействии новой техники на крестьянство (История, 1938: 284). Мысль о наличии «индустриальной базы» упоминалась в краткой биографии Сталина, но и там речь шла не о реальном насыщении новой техникой колхозов и совхозов накануне коллективизации, а о возможности ее производства в необходимых объемах советской промышленностью (Иосиф Виссарионович Сталин, 1947: 116). Однако в начале 1950-х годов «вождь» принял участие в обсуждении учебника политэкономии социализма, в результате чего увидела свет его брошюра «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней Сталин писал об открытом марксизмом законе обязательного соответствия производительных отношений характеру производительных сил (Сталин И.В., 1952). Нет никаких сомнений,

что тогда эта книга в обязательном порядке прорабатывалась всеми советскими научными кадрами. По сути дела, именно от этого положения и оттолкнулся в своем исследовании Данилов. Вряд ли изначальная задача заключалась для него в том, чтобы подтвердить или опровергнуть сталинские утверждения. Скорее объективный марксистский закон просто представлялся молодому аспиранту самым логичным объяснением перехода к «социалистическому преобразованию». Однако проанализировав данные статистики, он пришел к выводу, что количество новой техники в советском сельском хозяйстве накануне коллективизации было ничтожно мало. Из этого следовало, что «переустройство социально-экономических отношений в деревне было завершено намного раньше, чем техническая реконструкция» (Данилов, 1955). Получалось, что Сталин действовал вопреки объективным марксистским законам, знание которых сам же превозносил. На самом деле и диссертация и вышедшая вслед за ней книга Данилова «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР» (Данилов, 1957) в той или иной форме фактически повторяли многие положения концепции «Краткого курса». В частности, это были тезисы об отсталости доколхозной деревни и исчерпании экономических возможностей крестьянского мелкотоварного хозяйства, усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и революционном характере произошедших в сельском хозяйстве преобразований. Само изложение исторического материала и в диссертации в некоторой степени оставалось субъективным, что нашло отражение в названиях обеих работ. Вместе с тем помимо обнаруженного противоречия в сталинских умозаключениях, бесспорно, обращала на себя внимание читателей самостоятельность мышления молодого исследователя. Данилов не стал прибегать к характерному для науки сталинского времени приему комментирования официальных текстов. Он, отталкиваясь от эмпирики, строил свою собственную теорию. Эта, казалась бы, естественная для любого исследователя практика в то время ученым, воспитанным в духе официальной догматики, виделась методической новинкой. Хотя повествование конструировалось автором главным образом посредством описания деятельности советского государства, Данилов тем не менее признавал наличие объективных факторов. Диалектика производительных сил и производственных отношений, несмотря на наличие некоторых специфических особенностей, проявившихся в ходе коллективизации в СССР, реально рассматривалась им в качестве источника исторического развития.

В 1957 году Данилов был назначен руководителем только что организованной при Институте истории группы по изучению советского крестьянства. Задачей этого научного коллектива стала подготовка обобщающего издания по истории коллективизации, в котором самому Данилову должно было принадлежать несколько глав, посвященных истории советской деревни 1920-х годов. Исходя

из этих задач, историк, по сути, дела продолжил уже начатое им исследование социально-экономических процессов в доколхозной деревне. Теперь, однако, он переместил основной акцент исследования с изучения производительных сил на анализ производственных отношений. Некоторые итоги работы в этом направлении были представлены Даниловым в 1961 году на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства СССР (Данилов, 1961). В своем докладе ученый опять же критиковал представление сталинской историографии о том, что до коллективизации в советской деревне господствовали капиталистические отношения. В подтверждение этого Данилов обосновывал тезис о глубоком отличии капиталистического и мелкотоварного хозяйства. И то и другое, согласно ученому, были основаны на частной собственности и включены в систему рыночных отношений, но если капиталистическое производство было изначально нацелено на получение прибыли, то для мелкотоварного крестьянского хозяйства главной целью его деятельности являлось «удовлетворение потребностей непосредственного производителя». Отличие капиталистического и мелкотоварного хозяйства заключалось также в том, что первое базировалось на найме рабочей силы, а второе функционировало главным образом за счет труда крестьянской семьи. Далее на основе статистических данных Данилов писал об изменении пропорций социальных групп на селе на протяжении 1920-х годов. Основной тенденцией в этой сфере стало осереднячивание деревни. Так, по подсчетам историка, из 100 крестьянских хозяйств 70,7% относились к середняцкой группе, а в их руках было сосредоточено 79% средств производства. Исходя из этих данных, Виктор Петрович делал вывод о том, что основной фигурой в земледелии вплоть до коллективизации оставался крестьянин-середняк, а производственные отношения в советской доколхозной деревне носили мелкобуржуазный характер (Данилов, 1961: 15, 20). Также Данилов указывал на широкое распространение форм производственных отношений, которые не могут считаться ни капиталистическими, ни социалистическими. К числу последних он относил различные виды сбытоснабженческой кооперации, систему государственного кредита, распространение контрактации, появления на селе прокатных пунктов и возникновение машинных, мелиоративных и посевных товариществ. Распространение этих форм экономического взаимодействия, по мнению исследователя, способствовало вытеснению буржуазных отношений из жизни доколхозной деревни. В результате к 1927 году в области обмена последние на $\frac{3}{4}$ были замещены отношениями, которые Данилов характеризовал как переходные к социалистическим (Данилов, 1961: 38). Развивались, согласно историку, и собственно социалистические типы хозяйствования (колхозы, совхозы, товарищества по совместной обработке земли), но они в анализе Данилова так же, как и капиталистические отношения, были представлены некой эксплоярной

формой экономической жизни деревни. В целом картина социально-экономических отношений до коллективизации рисовалась Даниловым гораздо более дифференцированной, чем это представлялось в предшествующей историографии.

К 1963 году первый том «Истории коллективизации» был готов. Состоялось его обсуждение в Институте истории, и книга была отправлена в издательство «Мысль». Ожидалось, что она выйдет в свет в течение 1964 года. Однако произошедший в стране политический переворот резко изменил ситуацию. Люди из окружения Л.И. Брежнева, пришедшие на руководящие должности в науке, сочли книгу недостаточно идеологически выдержанной. После нескольких повторных обсуждений в Институте истории и Отделе науки ЦК КПСС и трех лет кампаний по «доработке» текста уже готовый набор первого тома был рассыпан в издательстве. В результате неизданная «История коллективизации» превратилась в один из символов движения шестидесятников, что в дальнейшем, безусловно, наложило на ее восприятие в научном сообществе определенный отпечаток (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011: 43).

Тем не менее книга действительно содержала ряд новых и острых для своего времени оценок. Эти инновационные положения очень ясно обозначил Данилов в своем вводном выступлении на повторном обсуждении первого тома «Истории коллективизации» в Институте истории АН СССР 29 июля 1965 года (Вступительное слово, 2011). Первое из них было связано с тем, что авторы монографии настаивали на недостаточной степени зрелости объективных предпосылок коллективизации. Причем важно подчеркнуть, что Данилов вовсе не отрицал наличие последних как таковых, а именно говорил о незавершенности к 1929 году процесса их формирования, в силу чего, по мнению авторов книги, осуществление «социалистического преобразования сельского хозяйства» имело «колоссальные трудности». В ходе обсуждения против этой трактовки предпосылок коллективизации высказались Ю.А. Поляков, В.М. Селунская и И.Б. Берхин. И если первый в расширительном ключе утверждал, что это положение бросает тень на всю историю коллективизации¹, то двое других ученых приводили вполне резонные аргументы. Дело в том, что в ходе самой коллективизации никто не представлял, какими должны быть эти самые необходимые для ее проведения предпосылки. Данилов в данном случае,

1. В частности, Ю.А. Поляков утверждал: «а значит (такой вывод напрашивается), что без объективных предпосылок коллективизацию проводить было нельзя. Значит, она проводилась неправильно и несвоевременно» (Стенограмма, 2011: 289). Вероятно, на позицию Полякова в ходе обсуждения «Истории коллективизации» серьезно повлиял их недавний идейный конфликт с Даниловым по вопросу о хронологических границах аграрной революции. См. об этом их острую полемику на страницах журнала «Вопросы истории» (Данилов, 1962а; Поляков, 1962; Данилов, 1962б; Поляков, 1963).

по их мнению, оперировал некими априорными, слабо верифицируемыми, представлениями (Стенограмма, 2011: 273–274, 292–293). Второе новое положение заключалось в том, что авторы книги пересматривали вопрос о социальной базе колхозного движения. Так, согласно утверждениям Данилова, вплоть до осени 1930 года основной фигурой последнего была сельская беднота и лишь после этого произошел «поворот основных середняцких масс на путь коллективизации». Таким образом, в книге оспаривались сталинская трактовка, высказанная вождем еще в его знаменитой статье «Год великого перелома». Третьим положением — было указание на обусловленные осуществлением коллективизации негативные экономические последствия (падение производства зерна, уничтожение скота, ухудшение агротехники). Следующий важный момент, который также зафиксировал в своем выступлении Данилов, был связан с тем, что авторы «Истории коллективизации» расширяли хронологические и социальные границы раскулачивания, справедливо указывая на то, что репрессии в отношении крестьян проводились и до 1930 года, а в числе раскулаченных оказались и середняки. Пятым пунктом этой концептуальной программы стала мысль о том, что «коллективизация — это революционное преобразование деревни, проводившееся по инициативе и под непосредственным руководством государственной власти». В этом вопросе Данилов полностью расходился с появившейся в то время трактовкой С.П. Трапезникова о том, что коллективизацию осуществили «сами крестьяне», однако при этом фактически смыкался с концепцией «Краткого курса». На это обстоятельство указал и сам Данилов, отмечая, что «этот вывод, сделанный еще в 30-х годах, подкрепляется всем фактическим материалом» (Вступительное слово, 2011: 254). Столь однозначная оценка явно расходилась с объективными посылами исследовательской программы изучения советской деревни второй половины 1950-х годов. В ходе обсуждения она вызвала своего рода возражения со стороны В.М. Селунской и Х.Н. Дриккер². Наконец, шестое, наиболее острое положение

2. Любопытно, что обе они говорили о том, что изображение процесса коллективизации «как революционного творчества масс» является одним из достоинств книги. В частности, Селунская утверждала следующее: «Замечательны страницы, которые показывают, как в период между XV съездом и серединой 1929 года крестьянин добровольно остается в колхозе и это намного опережает те темпы, которые были предусмотрены XV партийным съездом по коллективизации. Напор снизу опережает все наметки планирующих органов. Крестьянин добровольно идет в колхоз, напор очень большой» (Стенограмма, 2011: 269). Дриккер уже более остро ставила этот вопрос. Также отмечая, что представленные в книге материалы изображают коллективизацию как движение «снизу», она указывала на то, что это обстоятельство несколько расходится с итоговыми формулировками (Стенограмма, 2011: 283–284). Опубликованные ныне несколько принадлежащих перу Данилова глав неизданной книги действительно

концепции авторов двухтомника, заключалось в ответе на вопрос об ответственности за насилие, допущенное в ходе осуществления коллективизации. В книге доказывалась мысль, что ошибки и перегибы были «отнюдь не неизбежны», а их главным виновником называлось руководство СССР и лично И.В. Сталин. Этот вопрос вызвал наиболее широкую полемику во время обсуждения работы. С критикой этого тезиса в той или иной степени жесткости выступили Б.А. Абрамов, В.М. Селунская, Д.А. Коваленко, Ф.М. Ваганов, Ю.А. Поляков. В противовес ими приводились различные аргументы: от идеологизированных упреков в том, что авторы следуют политической конъюнктуре хрущевского времени, до вполне резонной мысли о невозможности оценивать роль исторической личности однобоко. Даже морально и организационно поддерживавший авторов книги на протяжении всей эпопеи с ее изданием М.П. Ким в своем заключительном слове на том обсуждении признал некоторую политизированность такой трактовки и высказал мысль о том, что вряд ли возможно отделять фигуру Сталина от партии, которой он руководил, и народа, которым управлял (Стенограмма, 2011: 304–305). Вместе с тем Данилова в этом вопросе поддержали Х.Н. Дриккер, И.Б. Берхин, А.В. Снегов. Судя по звучавшим из зала вопросам и аплодисментам на яркое выступление Снегова, поддерживала авторов «Истории коллективизации» и собравшаяся на обсуждение аудитория.

Обычно, когда современные исследователи рассказывают историю «загубленного властями» двухтомника, они упускают из виду одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что, несмотря на явно скептическое отношение отдельных представителей брежневского руководства в науке к творчеству В.П. Данилова, они не помешали последнему спустя десятилетие издать две свои книги по истории доколхозной деревни, хотя в них и содержалась критика официальной на тот момент концепции коллективизации С.П. Трапезникова. Увидели свет и труды других членов авторского коллектива неизданной книги. Все это заставляет думать, что сложность ситуации вытекала не только из резкости представленных в книге оценок, но и из характера самого издания. Неслучайно в ходе обсуждения почти все выступавшие подчеркивали мысль о том, что «История коллективизации» является первым (очевидно, что после «Краткого курса») обобщающим трудом по этой теме. В условиях советской науки издание, подготовленное ведущим акаде-

свидетельствуют о том, что экономические и социальные процессы в тексте рассматривались практически как самодетерминируемая реальность. Ответ на вопрос о значении акторов коллективизации был дан ученым немного ранее. В своем докладе на Сессии по истории крестьянства в 1961 году Данилов, рассматривая двойственность мелкотоварного хозяйства, отмечал, что оно не может «стихийно, само по себе, под действием только внутренних сил, перерасти в социалистическое» (Данилов, 1961: 12).

мическим институтом на материалах всего СССР, автоматически превращалось в новую официальную версию трактовки рассматриваемых событий и процессов. Именно на нее стали бы равняться историки в регионах и республиках. Таким образом, «копья» ломались именно во имя утверждения новой официальной концепции коллективизации. Данилов к тому времени уже одержал одну существенную победу в этой борьбе. В 1965 году в «Советской исторической энциклопедии» вышла его статья о коллективизации, в которой он не только писал о трудностях осуществления «революции сверху» и ошибках Сталина, но и делал намеки на вызванный этим голод 1932/33 года (Данилов, 1965а). Разумеется, брежневское руководство, всеми силами стремившееся продлить существование сложившейся системы общественных отношений, не желало распространения подобного рода оценок. Поэтому основной новой официальной концепцией коллективизации стал изданный в 1967 году двухтомник заведующего отделом науки ЦК С.П. Трапезникова, куда менее конкретный, чем неизданная «История коллективизации», но при этом сглаживающий практически все «острые углы» темы (Трапезников, 1967). В более широком контексте история с не вышедшей книгой может рассматриваться как эпизод в борьбе ученых и представителей партаппарата за то, кто должен был определять лицо советской науки. Неслучайно Данилова первоначально активно поддерживали как дирекция Института истории, так и академические круги. Результат этого конфликта также хорошо известен. Он закончился разделением Института истории в 1968 году и «разгромом» «нового направления» в советской исторической науке в 1972 году.

Советская доколхозная деревня как царство архаики

Изменения организационного свойства коснулись и лично В.П. Данилова. В 1969 году группа по изучению советского крестьянства была преобразована в сектор социалистического преобразования сельского хозяйства (впоследствии сектор истории советского крестьянства и сельского хозяйства), который возглавил И.М. Волков. Несмотря на то обстоятельство, что с последним Данилов вполне мирно уживался и неплохо ладил, потеря руководящего статуса свидетельствовала об утрате прежних позиций. Авторы биографической статьи о историке отмечали, что: «С конца 1964 года вплоть до начала перестройки в середине 1980-х гг. продолжался наиболее тяжелый период в научной жизни Данилова», когда «он беспрестанно подвергался необоснованным наскокам, несправедливой критике и в Институте, и на различных научных конференциях, в том числе на аграрных симпозиумах» (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011: 45). Однако говоря об этом времени в жизни ученого, следует заметить, что именно тогда были написаны самые силь-

ные в научном отношении из его трудов. Сам Данилов со своим поражением не смирился, однако теперь он перенес основной акцент своей критики с концептов сталинской историографии на концепцию коллективизации С.П. Трапезникова. Это потребовало от него некоторого видоизменения структур своего анализа. Трапезников, в отличие от Сталина, противопоставлял друг другу не колхозную и доколхозную деревню, а деревню дореволюционную и послереволюционную. Уже первые преобразования советской власти, по его мнению, привели к тем сдвигам, которые коренным образом изменили социальное лицо советской деревни. В результате последняя в 1920-е годы стала ареной генезиса социалистических отношений в сельском хозяйстве. Интересно, что и Данилов и Трапезников называли практически один и тот же набор факторов, способствовавших переходу крестьян к коллективному ведению хозяйства. Сложно сказать, что в данном случае сыграло большую роль: общие умонастроения эпохи или та критика, которой Данилов подвергал Трапезникова в бытность последнего докторантом Института истории, но и тот и другой проникновение в деревню новой техники, широкое распространение кооперации, создававшей почву для более глубокого кооперирования деревни, деятельность первых колхозов, совхозов и машинно-тракторных колонн, усиление классовой борьбы на селе и сплочение бедняцкого актива называли в качестве объективных предпосылок коллективизации. Предметом спора была степень их зрелости на момент ее начала. Трапезников, правда, к этому перечню добавлял еще один фактор. Еще с 1950-х годов он утверждал, что осуществлению «великого перелома» способствовала деятельность крестьянской общины, являвшейся носителем традиций крестьянского коллективизма. По его мнению, земельные общества под воздействием ряда политических акций власти превратились в «опорные пункты коллективизации» (Трапезников, 1967). Однако, несмотря на декларации о том, что коллективизацию осуществили «сами крестьяне», изложение материала в двухтомнике Трапезникова оставалось вполне субъективным. Фигура партии в его анализе также оказывалась главным действующим лицом истории, хотя ее роль в сравнении с концепцией «Краткого курса» и была немного видоизменена. В силу этого осмысление собственно экономических и социальных процессов развития деревни оставалось слабой стороной работ Трапезникова. Этот недостаток ясно увидел Данилов. Теперь основной акцент своего анализа доколхозной деревни он сосредоточил на ряде системообразующих для нее социальных институтах.

Прежде всего Виктор Петрович обратился к изучению крестьянского двора. С целью более глубокого познания процессов, протекавших внутри последнего, ученый стал активно привлекать работы экономистов-аграрников организационно-производственного направления. Следует заметить, что имена А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева в то время еще оставались в числе пре-

данных «остракизму» в советской науке. Свободно говорить о них можно было, лишь критикуя. Критиковал, разумеется, и Данилов, называя во введении своей книги названных ученых теоретиками и идеологами сельской буржуазии. Однако в тексте самой монографии историк воспроизводил их полемику 1920-х годов с экономистами марксистского направления по вопросу о социальной дифференциации крестьянства и фактически признал их правоту в этом споре. При этом ученый едва ли не высмеивал аргументы их идейных оппонентов (Данилов, 1977: 233–253)³. В результате Данилов не только констатировал правоту экономистов-аграрников организационно-производственного направления, но и пришел к выводам о том, что «двор (семья) являлся основной производственной и социальной микроячейкой единоличной деревни», а «взаимопереплетения и взаимодействие (социально-экономических и социально-демографических процессов. — *Н.К.*) играло немаловажную роль в механизме социальных перемещений, непрерывно происходящих и постепенно меняющих определенную социально-классовую структуру» (Данилов, 1977: 252, 264). Вместе с тем эти признания означали серьезную трансформацию во взглядах самого ученого, изменения в иерархии исследуемых им факторов эволюции доколхозной деревни. Если ранее Данилов в соответствии с марксистской традицией рассматривал производительные силы и производственные отношения как самостоятельные величины, то теперь стал характеризовать их как своего рода производные от института крестьянского двора. По поводу первых он писал: «мелкое индивидуальное производство неотделимо от господства ручного труда, живой тягловой силы и соответствующей техники», «возможность воспроизводства основных производительных сил внутри крестьянского хозяйства поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его традиционность и автаркизм» (Данилов, 1977: 268). Что касается вторых, то теперь их картина складывалась из взаимодействия трех подсистем отношений: 1) вну-

3. Помимо апологетического и формально-критического моментов в прочтении Даниловым работ экономистов организационно-производственного направления заметен и еще один оттенок восприятия их научного наследия. Это уже не формальная, а вполне реальная критика ряда их идей с позиций марксистского учения. Данилов указывал на то, что ученые чайновской школы не в полной мере учитывали фактор капиталистической эволюции. По мнению Данилова, по мере включения крестьянского двора в сферу товарного производства и последующего раскрестьянивания, прежние, характерные для парцеллярного хозяйства, закономерности развития, утрачивали свою силу. Вся соль, однако, заключалась в том, что капиталистические отношения в советской доколхозной деревне, согласно Данилову, находились на раннем, начальном этапе их развития. В такой трактовке возможно увидеть попытку синтеза историком идей экономистов организационно-производственного направления со своими прежними канонически марксистскими подходами прочтения темы.

три крестьянского двора (семейной кооперации); 2) дворохозяйства с подобными ему в рамках функционирования сельской общины; 3) с другими социальными институтами (государством и обществом в целом) (Данилов, 1979: 13–14). Наконец, отталкиваясь от трудопотребительской сущности крестьянского хозяйства, Данилов теперь выводил свое понимание социальной структуры доколхозной деревни. Вслед за сторонниками А.В. Чаянова он стал настаивать на серьезном влиянии социально-демографических факторов на зажиточность крестьянского двора. Именно исходя из этого положения вырастала даниловская трактовка кулачества как слоя внутри крестьянства⁴.

Совершенно иную характеристику, нежели в работах Трапезникова, получила у Данилова крестьянская община. В споре со своим давним оппонентом исследователь выдвинул ряд важных аргументов. Данилов отмечал, что и в 1920-е годы земельные общества, несмотря на утрату ряда своих прежних фискальных и полицейских функций, продолжали играть важнейшую роль в хозяйственной жизни деревни. Их влияние основывалось прежде всего на контроле за сферой крестьянского землепользования. Однако присущая их деятельности практика уравнительного распределения земли отнюдь не способствовала росту коллективных начал, а, напротив, была механизмом репродукции мелкого крестьянского хозяйства. Далее Данилов писал о том, что чересполосная система землепользования, так или иначе, заставляла крестьян подчиняться одной общей системе севооборота, практически синхронно произ-

4. Последнюю, вероятнее всего, следует считать продуктом именно этого этапа творчества Данилова. Конечно, он и раньше сближал крестьянство и кулачество, что хорошо заметно по протоколам заседаний их сектора. За это Данилова критиковали еще на Сессии по истории советского крестьянства в 1961 году. Тогда, правда, упрек состоял в том, что историк записывает трудящихся крестьян в число эксплуататоров (История, 1963: 152–153). Однако, как самостоятельный концепт, понимание крестьянства и кулачества в рамках одной социальной общности сложилось у Данилова, вероятно, только по мере его погружения в исследование системы социально-экономических отношений, связанных с функционированием крестьянского двора. Во всяком случае, в советской исторической энциклопедии он еще следующим образом характеризовал социальную природу данной общности: «Кулачество в России — деревенская буржуазия. Кулаки — это крупные (по сравнению с середняками и крест. беднотой) зем. собственники, арендаторы, эксплуатировавшие батраков и беднячко-средняцкую часть деревни. Однако в массе своей они мало чем отличались по уровню культуры и быта от крестьян, участвовали в крест. физич. труде. Составляя небольшое меньшинство крестьянства, К. вместе с тем было самым многочисл. слоем капиталистич. предпринимателей в земледелии» (Данилов, 1965б: 262). Двойственность данной формулировки социальной природы кулачества можно объяснить не только официальным энциклопедическим характером издания, но и незавершенностью формирования этого концепта в сознании ее автора.

водить отдельные виды работ (внесения удобрений, пахоту, посев, жатву и т. д.). Но на деле это оказывалось отнюдь не плюсом, а пороком хозяйственного развития деревни. Незначительные размеры и сложная конфигурация таких участков затрудняли применение технических новшеств, а постоянные переделы лишали крестьянина стимула вложения средств для улучшения плодородия почвы. В итоге ученый пришел к выводу о том, что: «Общинная форма землепользования с присущей ей неустойчивостью размеров и расположения земельных наделов отдельных хозяйств, принудительным севооборотом, чересполосицей и дальнотемельем сковывала развитие производительных сил деревни...» (Данилов, 1977: 136). Таким образом, функционирование общины способствовало не решению, а углублению народно-хозяйственных проблем страны. Наконец, конкретные материалы о деятельности земельных обществ в 1927–1929 годах показывали совсем не процесс их перерастания в колхозы, а юридическое сокращение круга функций и постепенное вытеснение сельсоветами из общественной жизни деревни (Данилов, 1977: 188–201). При этом в тогдашней трактовке Данилова исчезновение общины в результате коллективизации обрело характер практически объективного процесса. Дело в том, что, согласно ученому, в результате «социалистического преобразования» утратил свою системообразующую роль в деревне и порождавший необходимость функционирования земельных обществ институт крестьянского двора. В целом община в работах Данилова, в отличие от трудов Трапезникова, была представлена отнюдь не одной из ступенек к новому общественному строю, а, напротив, рудиментом архаики, препятствовавшим дальнейшему прогрессу села⁵. Впоследствии Данилов вспоминал, что апробация им этих наблюдений на состоявшейся в 1970 году сессии Аграрного симпозиума в Сигулде, а также публикация их в одном из региональных сборников, вызвала такой гнев Трапезникова, что стала одной из при-

5. Уже в 1990-е годы В.В. Кабанов выдвинул новый аргумент в этом споре. Согласно его мнению, и община, и колхозы в том виде, в каком они стали действовать после коллективизации, выступали по отношению к крестьянину силами социального принуждения. Таким образом, в ходе «великого перелома» один институт, диктующий свою волю мужику, просто-напросто сменился другим (Кабанов, 1995: 233–236). Однако нам представляется, что данная оценка историка была высказана прежде всего «в пику» своему учителю В.П. Данилову, во взглядах которого Кабанов первым из российских аграрников узрел новую догму. Все дело в том, что любой социальный институт обладает определенными свойствами принуждения по отношению к конкретной личности. Однако община личность крестьянина как социальный тип не разрушала. Напротив, в связи с деятельностью общины у крестьян формировались базовые представления о самих себе как социальной общности. Практика функционирования колхозов после коллективизации вела к разрушению норм крестьянской идентичности.

чин закрытия так называемой «общинной» секции в работе самого симпозиума (Современное крестьяноведение, 2015: 319–323).

Помимо взаимодействия крестьянского двора с общиной он также был включен в систему рыночных отношений и деятельность в системе кооперации. Анализ степени товаризации крестьянской продукции привел Данилова к выводу, что на рынок поступали только излишки от собственного потребления, а крестьянское хозяйство вплоть до конца 1920-х годов сохраняло «натурально-потребительскую сущность» (Данилов, 1979: 177, 186). Система кооперации в нэповской деревне теперь получала у Данилова новую оценку. Казалось бы, историк писал о том же, о чем и раньше, однако теперь он совершенно иначе расставлял акценты. Если в работах Данилова начала 1960-х годов кооперативные институты рассматривались как элементы генезиса социалистических отношений, то в монографиях по истории доколхозной деревни на первое место была вынесена проблема их соотношения с институтом крестьянского двора. Проанализировав различные аспекты этого взаимодействия, историк пришел к следующим выводам. Во-первых, он отмечал, что «использование преимуществ и выгод, предоставляемых торгово-кредитными формами кооперации, способствовало развитию и укреплению мелкобуржуазных и капиталистических отношений». Такого рода формы кооперации укрепляли крестьянский двор, делали его более независимым от власти кулака и ростовщика, но, с другой стороны, они же были источником его собственных накоплений, служили росту его зажиточности и возможностью для превращения в кулацкое хозяйство. Во-вторых, в рамках простейших производственных форм кооперирования (машинных, семеноводческих, мелиоративных товариществ) и даже ТОЗов крестьянин не отказывался от собственной обработки земли. В силу этого многие из них играли подсобную роль по отношению к крестьянскому хозяйству (последнее «осталось важнейшей, иногда преобладающей составной частью в этом дуалистическом организме») (Данилов 1979: 205–295). Исходя из этих наблюдений у Данилова сформировалась, по сути, новая оценка социальной природы производственных отношений в доколхозной деревне. Если в 1961 году он писал о процессе перехода от буржуазных отношений к отношениям, «которые могут быть охарактеризованы как переходные к социалистическим» (Данилов, 1961: 59), то теперь декларировал преобладание на селе до коллективизации мелкотоварного и патриархального укладов (Данилов, 1979: 357)⁶. Патриархальность до-

6. Показательно, что в докладе 1961 года определение «патриархальные отношения» вообще не встречалось среди итоговых характеристик аграрного строя советской деревни 1920-х годов. Любопытно также, что эта характеристика вызвала небольшую дискуссию в ходе обсуждения монографии Данилова «Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения» на заседании сектора истории социалисти-

колхозной деревни ученый явственно противопоставлял тем сдвигами в направлении социализма в социально-экономической жизни села, которые утверждала официальная концепция коллективизации. В целом совокупность характеристик деревни 1920-х годов в обновленной системе взглядов Данилова ясно свидетельствует о нем, как ярком представителе «нового направления» в советской исторической науке.

Работа над фундаментальным проектом по социально-экономической истории доколхозной деревни потребовала значительно больше времени, чем рассчитывал Данилов. Так, изначально он предполагал закончить монографию на эту тему еще в 1970 году⁷. Однако первый вариант книги был представлен в секторе только перед новогодними праздниками 1972 года (его обсуждение состоялось 28 декабря)⁸. Несмотря на самые положительные отзывы, некоторые участники обсуждения все же отмечали, что рукопись нуждается в сокращении. По-видимому, это мнение разделял и сам автор. Во всяком случае, о сокращении своей книги он отчитывался на заседании сектора в 1974 году⁹. Вероятно, только после этого Данилову пришла в голову мысль разделить исследование на две части (они увидели свет отдельными книгами в 1977 и 1979 годах). Публикация этих монографий открыла перед их автором возможность защиты докторской диссертации, которая состоялась только в 1982 году (Данилов, 1982). После этого Виктор Петрович занялся новым исследовательским проектом — монографией «Культура и быт советской доколхозной деревни». Эта тема интересовала историка еще с конца 1970-х годов и, вероятно, первоначально мыслилась исследователем как своего рода продолжение двух предыдущих книг. Во всяком случае, в пилотной статье проекта Данилов опять остро критиковал присущую советской официальной историографии модель изучения культурной жизни деревни 1920-х годов: фиксируемым в рамках последней прогрессивным изменениям в жизни села (рост грамотности, снижение религиозности, расширение сферы культуры и научных знаний, рост политического сознания) он противопоставлял идею самодостаточности крестьянской культуры. Основной вывод статьи заключался

ческого преобразования сельского хозяйства в 1978 году, ибо некоторые из участников решили, что такая трактовка бросает тень на предпосылки Октябрьской революции (Архив РАН Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1095. Л. 53–56 (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 1 июня 1978 г.)).

7. Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1095. Л. 53–56 (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 1 июня 1978 г.).
8. Там же. Д. 411. Л. 1–5. (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства 28 декабря 1972 г.).
9. Там же. Д. 640. Л. 25. (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 28 мая 1974 г.).

в том, что, несмотря на проникновение в деревню ряда инноваций, ее духовная жизнь сохраняла в значительной мере традиционный характер» (Данилов, 1883: 384)¹⁰. Данилов подчеркивал глубокую связь крестьянской культуры с хозяйственной деятельностью крестьянского двора, природными циклами и функционированием локальных сообществ. Таким образом, отмечаемое им ранее влияние архаики на хозяйственную и общественную жизнь доколхозного села он распространял теперь и на сферу деревенской культуры. По ходу работы над темой даниловская полемика приобрела и иные направления, однако все говорит о том, что первоначально она вполне соответствовала намерениям, в целом характерным для данного этапа научного творчества Данилова. Окончание работы над книгой планировалось ученым на 1987 год¹¹. Но учитывая тщательность, с которой Данилов приступил к сбору материалов и их осмыслению, смело можно утверждать, что и этот срок оказался бы в итоге им не выполнен. Однако начавшаяся перестройка и последовавшие за ней события серьезно поменяли планы ученого.

Перспективы НЭПа и альтернативы «революции сверху»

Сам Данилов хронологическим рубежом нового периода своей жизни определял 1987–1988 годы. В 1987 году он вернулся на руководящую должность заведующего сектора. Тогда же, вместе с прозвучавшим лозунгом «гласности», историки-шестидесятники почувствовали долгожданное освобождение из тисков идеологического и бюрократического контроля и принялись за освоение ранее запретных тем. Происходившие в жизни страны перемены вселяли в Данилова и политические надежды на построение подлинного демократического социализма (Данилов, 2011д: 649–650). Однако со времен оттепели общественное восприятие советского исторического опыта существенно изменилось. В результате в период перестройки Данилов столкнулся с новым идейным течением, претендующим на иное прочтение истории советской деревни (и коллективизации, в частности). Этот новый взгляд формировался постепенно. Так, еще в 1970–1980-е годы деревенская проза, ро-

10. Интересно, что в этой статье Данилов также акцентировал внимание на том, что политическая культура не тождественна общественно-политической жизни» (Данилов, 1883: 387). В данном случае показательным то, что на предшествующем этапе своей научной деятельности он сам немало сделал для утверждения критикуемого здесь подхода, предполагающего характеристику политического сознания крестьян посредством анализа общественных организаций, функционировавших в деревне (Данилов, 2011).

11. Архив РАН. Ф 1841. Оп. 1. Д. 1334. Л. 35 (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 22 апреля 1980 г.)

мантизируя крестьянский быт и призывая вернуться к истокам, красочно воспела мир ушедшего в прошлое традиционного русско-го села. Стагнация сельского хозяйства и проблемы в сфере потребления накладывали критическое восприятие на функционирование колхозной системы. Приоткрывшийся «железный занавес» привел к тому, что многие увидели достижения либеральной модели, а решение проблем сельского хозяйства стало связываться с деятельностью фермерских хозяйств. Данилов всего этого не разделял. Позже А.В. Журавель вспоминал: «Он очень иронично отозвался о пресловутом, широко рекламируемом тогда «архангельском мужике», неодобрительно — о писателе Б. Можяеве и очень резко о публицисте Ю. Черниченко» (Журавель, 2011)¹². Еще бы, ученый слишком хорошо знал историю доколхозной деревни с ее нищетой, антагонизмами и примитивной техникой, приводившей к колоссальной растрате производительных сил, чтобы идеализировать этот строй. Крупное производство ему представлялось куда более эффективным с экономической точки зрения, нежели мелкие разрозненные крестьянские или фермерские хозяйства. В колхозах, при условии устранения государственного контроля над ними, Данилову виделись кооперативные предприятия-социумы, своего рода микроячейки социализма. Однако критическая модель восприятия колхозной системы к концу 1980-х годов набрала уже значительную силу. Ее стали поддерживать не только литераторы и публицисты, но и некоторые политики, а также многие академические ученые. Этот критический взгляд переносился ими на историю коллективизации. Учитывая, что предпринятые некоторыми из историков слабые попытки реанимировать в немного видоизменном виде официальную советскую концепцию коллективизации, особого успеха не имели, именно идеи радикально-критического направления на данном этапе даниловского творчества стали главным для него объектом полемики.

В идейном отношении в работах Данилова той поры в некоторой степени наблюдалось возвращение к его концепции эпохи оттепе-

12. Сегодня мало кому известный «архангельский мужик» Н.С. Сивков в то время стал чуть ли не одним из символов эпохи. В прошлом рабочий-связист, в 1982 году он поселился на хуторе «Красная горка» в Виноградском районе Архангельской области, взял в аренду участок земли и заключил с местным совхозом договор по откорму молодняка крупного рогатого скота. Это начинание сразу привлекло внимание сначала местной, а затем общесоюзной прессы. В 1986 году появился документальный фильм М. Голодовской «Архангельский мужик», принесший Сивкову общесоюзную известность. Вполне понятна ирония В.П. Данилова по поводу его фигуры. Этот едва ли не единичный случай окрестьянивания был представлен в СМИ как магистральный путь спасения России. Автор благодарит за информацию о Н.С. Сивкове и содержательные консультации по этому вопросу журналиста и краеведа из пос. Березник Архангельской области В.Г. Захарова.

ли. Так же как и тогда речь зашла об ошибках, допущенных Сталиным в ходе аграрных преобразований. Вновь заострялось внимание на вопросе об ответственности за насилие «революции сверху». Однако теперь исследование Даниловым темы коллективизации все более перемещалось в плоскость политической истории. Он принял участие в подготовке книги «Историки спорят. Тринадцать бесед», представлявшей собой одну из первых системных попыток переосмысления советского исторического опыта. Оттолкнувшись от обсуждаемого еще в советской исторической науке вопроса о хронологических границах нэпа, ученый остро противопоставлял на страницах книги период 1921–1929 годов — последующему развитию СССР, свободу торговли и методы экономического регулирования — чрезвычайщине и директивному планированию. По мнению Данилова в экономической и политической жизни эпохи нэпа преобладали позитивные тенденции, создававшие условия для построения социализма, которые были разом разрушены актом осуществления сталинской «революции сверху» (Данилов, 1988б). В том же издании Данилову возражали В.П. Дмитренко и В.С. Лельчук. Первый противопоставил даниловскому тезису о разрывности истории 1920-х и 1930-х годов идею континуитета. Он отмечал, что помимо элементов рынка нэп изначально предполагал постепенное усиление государственного регулирования экономикой. Вместо возможностей для построения подлинного социализма Дмитренко указывал на опасности утраты партией контроля над экономикой и общественной жизнью страны (Дмитренко, 1988). Лельчук к этим доводам добавлял еще один аргумент. По его мнению, ориентация на военно-коммунистические методы управления была изначально заложена в этосе большей части членов ВКП(б), что обуславливало периодическое возникновение кризисов нэпа, и в конечном итоге предопределило его судьбу (Лельчук, 1988). С точки зрения Данилова, эти аргументы являлись возвращением к старой советской модели осмысления темы. В то же время ученый признавал существование сложнейших хозяйственных проблем в жизни страны на рубеже 1920–1930-х годов, связанных с диспропорциями экономики и низкой производительностью сельского хозяйства. За предыдущие несколько десятилетий своих исследований он уже вполне смог убедиться в ограниченности возможностей крестьянского хозяйства в качестве основы аграрной экономики. По-видимому, сам осознавая некоторую «зыбкость» своих трактовок НЭПа, Данилов обратился к антропологической по своей природе концепции выбора. Ученый писал: «Историю делают люди, одаренные разумом и волей, влекомые интересами и потребностями. Иначе говоря, субъективный фактор играет заметную роль, а подчас приобретает значение совершенно исключительное. История предоставляет людям возможность выбора путей и способов дальнейшего развития (в пределах определенных объективных условий)...» (Данилов, 1988а: 174). Отсюда вытекала тема так называемых альтерна-

тив, с этого времени ставшая главным «фетишем» в исследованиях Данилова. Обращение к этому идейному концепту означало усиление субъектных начал в исследовательской практике и нарративах ученого, предполагало его переход от анализа процессов к осмыслению деятельности тех или иных политических фигур.

В качестве силы, способной в конце 1920-х годов изменить ход истории, Даниловым были названы «правые» (группа Бухарина в рядах ВКП(б)). Впоследствии историк жестко критиковал созданный либеральной прессой миф о П.А. Столыпине как возможном спасителе России (Данилов, 2011д: 659–661). Однако, по сути дела, похожий миф он сам создал о Н.И. Бухарине. Как кажется, Данилов впал в такую же апологию своего героя. В получившей широкую известность статье «Бухаринская альтернатива» Николай Иванович был представлен и как носитель идей «кооперативной коллективизации» А.В. Чаянова, и самым последовательным учеником В.И. Ленина. Увлеченность Бухарина военно-коммунистическими методами управления в «Экономике переходного периода» представлялась Данилову как «ошибки молодости», а призывы к наступлению на кулака, прозвучавшие из уст партийного лидера на XV съезде ВКП(б), объяснялись запалом борьбы с «левыми». Личность Бухарина в этом очерке противопоставлялась фигуре Сталина. И если первый представлялся в изображении Данилова бескорыстным и искренним борцом за строительство социализма, то второй — циничным прагматиком, обманывающим партию ради достижения личной выгоды (Данилов, 2011а). Еще одна идея, которую неоднократно подчеркивал Данилов в ходе своего исследования альтернатив коллективизации, — это мысль о принципиальном отличии осуществленного Сталиным варианта аграрной реформы от идей «левых» и, в частности, Л.Д. Троцкого (Данилов, 2011а: 125; Данилов, 1988б: 130; Р. Дэвис — В. Данилов, 1990: 93). Таким образом, как ни парадоксально, в даниловской трактовке альтернатив в зеркальном виде отразились положения концепции «Краткого курса», признававшего в «революции сверху» единственный доступный на тот момент выход из тупика народнохозяйственного развития конца 1920-х годов. В итоге Данилов, напротив, оказался готов признать правоту в соотношении с позицией Сталина практически всех его оппонентов.

В октябре 1988 года на состоявшейся в редакции журнала «История СССР» дискуссии по вопросам коллективизации В.П. Данилов представил свою концепцию кооперативного пути социалистического преобразования как объективной основы альтернативы «осуществления коллективизации в сталинском варианте». При этом заметны существенные изменения в трактовке историком кооперации по сравнению с его прежними работами. Если раньше он подчеркивал отличие торговых и производственных форм кооперирования, то теперь писал о том, что их не следует противопоставлять. Если раньше историк констатировал зависимость различных форм кооперации от института крестьянского двора,

то теперь настаивал на успешности их развития в 1920-е годы с точки зрения задач социалистического преобразования советского хозяйства. Данилов писал: «Кооперирование приобретало характер органического процесса, т.е. добровольного и постепенного, но совершающегося в силу собственных потребностей крестьянских хозяйств» (Коллективизация, 1989: 14; Данилов, 2011з). Получается, что собственные потребности крестьянского двора уже не вели к индивидуальному накоплению? Теперь Данилов утверждал, что процесс кооперативной кооперации выражал основную хозяйственную тенденцию развития деревни 1920-х годов и являлся реальной возможностью осуществления ненасильственной коллективизации. Разумеется, эта модель решения аграрного вопроса, по мнению Данилова, и лежала в основе бухаринской программы конца 1920-х годов. Еще одной проблемой, оценка которой Даниловым по сравнению с предыдущим этапом его творчества претерпела существенные изменения, был вопрос о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года. В своей книге «Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения» исследователь говорил об объективной основе кризиса. Там Данилов фактически воспроизводил размышления Ю.А. Мошкова из его «Зерновой проблемы» об увеличении потребления зерна в деревне 1920-х годов за счет той части, которая до революции реализовывалась вне села, но делал из них собственный вывод. «В природе мелкого товарного производства, отчуждающего для обмена только излишек над собственным потреблением, — писал ученый, — и заключались главные причины хлебозаготовительного кризиса конца 1920-х годов» (Данилов, 1979: 186). В работах же эпохи перестройки Данилов стал объяснять кризис вслед за Н.И. Бухариным неудачной конъюнктурой цен и ошибками советских плановых и заготовительных организаций (Данилов, 2011а: 134–135; Данилов, 1990: 13). В совокупности эти изменения в подходах и оценках Данилова свидетельствуют о глобальном переосмыслении историком всей темы коллективизации.

В ходе уже упомянутой дискуссии о коллективизации 1988 года произошло острое столкновение взглядов между историками-аграрниками эпохи оттепели (В.П. Данилов, Ю.А. Мошков, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, Н.Я. Гуцин) и представителями радикально-критического направления (в работе круглого стола приняли участие академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов и секретарь правления Союза писателей СССР Ю.Д. Черниченко). В частности, между Даниловым и Тихоновым разгорелся жаркий спор по вопросу о социальной дифференциации в доколхозной деревне. Тихонов, используя приемы формальной логики, доказывал отсутствие кулака как социального класса накануне коллективизации. Он исходил из утверждения, что любое кулацкое хозяйство должно было использовать не менее трех постоянных рабочих (иначе его нельзя считать эксплуататором). А исходя из своих подсчетов численности постоянных рабочих в 668 тыс. человек, он предполагал, что в таком случае к кулачеству можно

было отнеси не более 233 тыс. хозяйств. Разумеется, наемные работники не обязательно распределялись по трое на хозяйство, а оттого итоговая цифра получилась еще меньше. В результате этих исчислений Тихонов приходил к мысли о том, что раз кулачество отсутствовало как социальное явление, то политика власти имела исходной целью «уничтожить не кулаков, а класс крестьянства». Опять же, исходя из формальных данных об изменении количества дворов, Тихонов указывал людские потери в результате коллективизации и сопутствующих ей факторов в 21–23 млн душ крестьян (Коллективизация, 1989: 21–28). Данилов, возражая ему, оперировал главным образом двумя аргументами. Во-первых, ученый, основываясь на своем представлении о преобладании в доколхозной деревне раннекапиталистических и докапиталистических структур, отмечал, что эксплуататорские отношения в ней не исчерпывались наймом рабочей силы. Найм и сдача средств производства, аренда земли, кабальный кредит так же создавали их экономическую основу. Он повторял свой прежний вывод о том, что кулачество еще окончательно не выделилось, из крестьянской среды. Тем не менее, согласно Данилову, оно было вполне реальным слоем внутри крестьянства и к осени 1929 года составляло 2,5–3% его численности (600–700 тыс. хозяйств). Во-вторых, Данилов настаивал на том, что на сокращение численности крестьянских дворов в 1920–1930-х годах повлияла не только коллективизация, но иные факторы, среди которых ученый называл и избыток рабочей силы в доколхозной деревне. На основании своих подсчетов историк определял число раскулаченных дворов в 1–1,1 миллиона хозяйств (у Тихонова 3 млн) (Коллективизация, 1989: 31–38). Эти оценки явно не устроили сторонников радикально-критического подхода. А поскольку Данилов оперировал хорошо выверенными статистическими данными, в ход пошли полемические приемы и риторические упрёки. Так, Тихонов упрекнул Данилова в том, что тот в косметически подправленном виде пытался возродить советскую официальную модель исследования этой темы, а Черниченко и вовсе обвинил историка в попытке «отмывания черного кобеля» (Коллективизация, 1989: 38–39, 52). Однако присутствовавшие на мероприятии историки, несмотря на наличие некоторых расхождений в своих трактовках и оценках обсуждаемых проблем, не поддержали радикальных критиков.

Спустя полтора года после этих событий Данилов опубликовал в журнале «История СССР» статью «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», в которой свел в единое идейное полотно сюжеты, над которыми работал в течение нескольких предыдущих лет (Данилов, 1990). Она почти сразу приобрела программный характер среди историков. Похожие оценки вскоре стали появляться в работах коллег Данилова по Институту российской истории, а затем были широко «растиражированы» региональными исследователями коллективизации. Таким образом, если политическим надеждам Данилова на построение подлинного социализма так и не суждено было сбыться, то в науке победила именно декларируемая им позиция.

В чем же заключались причины этой победы? Прежде всего следует отметить, что на момент начала перестройки Данилов оказался самым фундированным из специалистов, занимавшихся историей советской деревни. С его знаниями и авторитетом (сформировавшимся во многом в силу ранее занимаемой неконформистской позиции) были вынуждены считаться даже его оппоненты. Историк, как оказалось, знал предмет дискуссии гораздо лучше своих идейных противников. Далее можно заметить, что многие историки его поколения пребывали в своего рода растерянности и не знали толком, как реагировать на предлагаемое критиками колхозной системы радикальное переосмысление концептов прежней советской историографии коллективизации. Ведь в таком случае пересматривать приходилось и их собственные работы. Данилов предложил такую модель прочтения темы, которая интегрировала достижения советской историографии с не вызывающими особых возражений (как правило, документально верифицируемыми) критическими интенциями эпохи. В силу этого он стал естественным лидером для историков своего поколения. Говоря об этой победе, нельзя не отметить и организаторские качества ученого. Данилов смог наладить сотрудничество с ведущими западными специалистами в области советской аграрной истории и предложил ряд научно-издательских проектов, в которых оказалось задействовано большое число как московских, так и региональных историков советской деревни. Общее дело, как известно, сближает людей. К этому следует добавить, что организованные Даниловым проекты оказались отнюдь не очередными «братскими могилами», наподобие коллективных монографий брежневской эпохи, а реально способствовали профессиональному и интеллектуальному росту их участников (Кондрашин, 2014: 164–173). Наконец Данилов оказался готов к сотрудничеству с молодым поколением историков, некоторые из которых занимали на тот момент куда более радикальную позицию, нежели он сам. Пожалуй, лучшим примером подобного взаимодействия может служить творческое сотрудничество Данилова и С.А. Красильникова, благодаря которому увидела свет серия документальных сборников о раскулачивании в Западной Сибири. Говоря об этом, следует отметить, что и собственная позиция Данилова была далека от догматизма. Воззрения историка на коллективизацию продолжили эволюционировать и после его победы в историографической революции.

Коллективизация в контексте утверждения сталинской диктатуры

Отсчет последнего периода в жизни и творчестве Данилова следует вести с 1992 года. Тогда, в феврале, с обсуждения безусловной классики западного крестьяноведения — книги Дж. Скотта «Мо-

ральная экономика крестьянства» (Лондон, 1976) стартовала работа теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития». Этот организованный совместно с Т. Шаниным проект имел огромное значение для развития отечественной аграрной историографии. Конечно, далеко не все идеи западных классиков были приняты (и тем более использованы) российским научным сообществом, тем не менее сам семинар стал местом методологического просвещения российских историков-аграрников. В ходе дискуссий на его заседаниях выработывались магистральные линии прочтения тех или иных сюжетов. Семинар сыграл важную роль и в судьбе самого Данилова, который был ведущим и фактически главным действующим лицом на этих заседаниях. Вероятно, именно тогда историк осознал себя уже состоявшимся мэтром. Действительно, в 1950—1960-е годы он пребывал еще в качестве молодого и талантливого ученого. Несмотря на то что уже первые работы принесли ему известность и уважение коллег, Данилов, несомненно, уступал авторитетом и влиянием на научную жизнь таким «мастодонтам» Института истории, как А.Л. Сидоров, М.В. Нечкина, М.П. Ким, И.И. Минц и ряду других ученых старшего поколения. Затем в конце 1960-х — первой половине 1980-х годов, остро ощущая свое полудиссидентское положение в академическом мире, Данилов нередко вынужден был лавировать, ища поддержку у тех или иных сил. Протоколы заседаний их сектора свидетельствуют о том, что ученый мог быть вполне дипломатичным, проявлять выдержку и чувство такта. В дискуссиях рубежа 1980—1990-х годов Данилов на равных спорил со своими оппонентами в мире науки. Теперь же он превратился в подлинного патриарха аграрной истории советского периода. В частности, на заседаниях семинара он порою настолько увлекался менторским тоном, что, не замечая хода развития дискуссии, декларировал свои собственные выводы¹³. Также в 1992 году началась работа по подготовке двух крупнейших издательских проектов, посвященных истории деревни 1920—1930-х годов: «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами

13. Например, это хорошо заметно на материалах семинара 26 октября 1995 года по книгам Д. Филда «Повстанцы во имя царя» (Бостон, 1976) и Т. Шанина «Революция как момент истины» (Лондон, 1986). В ходе этого обсуждения разгорелся спор по вопросу о так называемом «наивном монархизме» крестьянства. И хотя многие участники семинара (среди них столь авторитетные ученые, как Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, Ю.А. Мошков) увидели в распространенном в СССР культе «вождей» своеобразное развитие (новое воплощение) прежних крестьянских представлений о власти, В.П. Данилов в своем заключительном слове декларировал, что дискуссия однозначно показывает: «крах идеологии наивного монархизма уже в годы Первой русской революции» (Современное крестьяноведение, 2015: 462–510).

ми ВЧК-ОГПУ-НКВД»¹⁴. Эти масштабные серии потребовали кооперации усилий большого числа историков и архивистов и стали своего рода «визитной карточкой» постсоветской аграрной историографии. Однако говоря об эволюции собственных взглядов Данилова, следует обратить внимание еще на один издательский проект. Это осуществленная совместно с О.В. Хлевнюком и А.Ю. Ватлиным публикация стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 годов в сборниках «Как ломали НЭП».

Стенограммы пленумов были подлинными хрониками сталинской «революции сверху». Для Данилова работа по их публикации стала одним из источников дальнейшего пересмотра взглядов на коллективизацию. В частности, в фокусе зрения ученого опять оказался вопрос об истоках хлебозаготовительного кризиса 1927/28 годов. В связи с этим ученый вновь обратился к истории о «мифических», по выражению Бухарина, 900 миллионов пудов хлебных запасов крестьянства накануне кризиса. Однако если в 1990 году Данилов писал о том, что этот «легковесный хлебофуражный запас ЦСУ» стал источником заблуждений верхов партии насчет экономических возможностей деревни (Данилов, 1990), то теперь история в изложении Данилова приобрела иной оборот. Заблуждения превратились в «аферу со статистикой хлебных запасов хлеба» — одной из многоходовых комбинаций Сталина, рассчитанных на удержание контроля над партией в борьбе со своими врагами в Политбюро (Данилов, 2011: 434). Историк обратил внимание на то, что появлению этого нереалистичного хлебофуражного баланса предшествовал ряд кадровых перестановок: смена руководства ЦСУ в 1925 году и назначение в 1926 году наркомом внешней торговли СССР вместо Л.Б. Каменева верного подручного Сталина А.И. Микояна. В результате в 1927 году, несмотря на то что и Микоян, и тогдашний управляющий делами ЦСУ В.П. Милютин сомневались в выполнении намеченных хлебозаготовительных планов, публично на пленумах они озвучивали лишь угодные Сталину суждения (Данилов, Хлевнюк, 2011: 413–414). Как известно, неверные данные о хлебных запасах крестьян стали одним из идеологических обоснований применения в деревне «чрезвычайных методов». Критика последних со стороны Бухарина и его сторонников порождала борьбу с так называемыми «перегибами». Эта категория оказалась столь удобна для Сталина не только потому, что позволяла свалить всю вину за репрессии на местное руководство, но и потому, что делала региональные верхи партии своего рода заложниками сталинского курса. В дальнейшем Сталин и его единомышленники, умело маневрируя и используя формулу «одно-

14. Калужский государственный университет. Личный архив В.П. Данилова (Данилов В.П. О ходе и результатах работы над международным научно-исследовательским проектом «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1937 (1940) гг.»).

временного утверждения и отрицания», формально поддерживая критику, на практике дезавуировали ее и продолжили свою линию на эскалацию репрессий. А затем, когда проявления кризиса в экономике Советского Союза стали уже очевидны, обвинили «правых» в том, что они радуются трудностям, которые переживает страна (Данилов, Хлевнюк, 2011: 419; Данилов, 2011е: 432, 437; Данилов, Хлевнюк, Ватлин, 2011б: 439, 454, 457; Данилов, Хлевнюк, Ватлин, 2011а: 474–475). Разумеется, Сталин в борьбе за власть использовал не только манипуляцию информацией, но и другие приемы: кадровые перестановки, разжигание конфликтов между представителями правящих верхов, дискредитацию оппонентов. Обо всем этом также писал Данилов. Показательно, однако, что теперь предыстория коллективизации описывалась посредством изложения конфликта внутри советской политической элиты, а ее истоки виделись ученому исключительно в сфере борьбы за власть.

Этот взгляд был успешно применен Даниловым и в его «Введении» к первому тому «Трагедии советской деревни». В отличие от работ конца 1980-х — начала 1990-х годов, в которых Даниловым обычно подробно излагалось состояние сельского хозяйства и проблемы, стоявшие перед страной накануне коллективизации, в этом тексте он лишь вскользь говорил о трудностях догоняющего развития и необходимости модернизации. Очень кратко (практически конспективно) упоминались им прежние выкладки о роли кооперации и бухаринской альтернативе. Главными темами этого очерка стали политическая борьба в верхах ВКП(б) и нарастание государственного насилия в деревне по мере утверждения сталинского курса. Главной фигурой повествования — Сталин и его окружение. Так же как и в случае со статистикой хлебных запасов, Данилов показывал использование генсеком в своих собственных интересах информации о возможной военной угрозе в 1927 году (Данилов, 2011б: 507–513). Ставилась историком и проблема степени ответственности центральной и местной элит за эскалацию насилия. В этом вопросе Данилов хотя и признавал то, что на «местах» «было немало горячих голов», тем не менее доказывал, что импульсы репрессивной политики исходили «сверху», а произвол партийных и советских организаций в деревне порождался, соответственно, предписаниями центральных органов власти. В качестве своеобразных регуляторов, поддерживающих устойчивость этой системы отношений, исследователем назывались репрессии против представителей власти на местах, многочисленные партийные чистки и кампании по борьбе с перегибами (которые, несмотря на видимую антирепрессивную направленность, также были призваны поддерживать в тоне мобилизационные способности аппарата). «Сталинская политика нуждалась в исполнителях, способных беспрекословно выполнять любое задание», — писал ученый (Данилов, 2011б: 524–532). По мере формирования сталинского курса Данилов отмечал усиление роли органов ОГПУ в деревне и в стране в целом (Да-

нилов, 2011б: 525). В тексте «Введения» изложение отдельных сюжетов полностью сводилось историком к описанию деятельности этой организации, изложению ее секретных директив и инструкций. Фактически ОГПУ наряду со сталинским руководством, бухаринской оппозицией и местными кадрами стала одним из главных действующих лиц даниловского нарратива. Подобное внимание открывало возможность для перенесения некоторой доли ответственности за развязывание насилия в деревне на органы политического контроля. Немногим позже Данилов и сам заметил эту свою оплошность. Рассмотрению этого вопроса он посвятил отдельную статью «Необычный эпизод в истории отношений ОГПУ и сталинского Политбюро» (Вопросы истории, 2003, № 10). История эта связана с попыткой в 1931 году ряда руководящих работников ОГПУ (явно не справлявшегося с размещением и обустройством спецпереселенцев), немного сократить «лимиты» репресслируемых, а также внести коррективы в масштабы, сроки и условия раскулачивания. Закончилась она «проработкой» и кадровыми перемещениями сотрудников, посмевших поставить под сомнение «генеральную линию» партии и волю генсека (Данилов, 2011к). Смысл этой «притчи» однако был в том, что даже сотрудники политической полиции оказались человечнее сталинского руководства. Обращением к этому эпизоду Данилов еще раз (для того чтобы ни у кого не возникло сомнений) давал понять, кто является главным виновником постигших деревню бедствий.

Таким образом, очевидно, что взгляды Данилова от поисков в эпоху перестройки — идеальной, но так и не реализованной формулы построения подлинного социализма, — развивались в направлении постулатов тоталитарной историографии. Апофеозом этого подхода в творчестве ученого следует считать предисловие к первой книге 5-го тома «Трагедии советской деревни», посвященной эпохе Большого террора. Прежде всего обращает на себя внимание, что Данилов расширял хронологические границы самого этого явления. Он писал о том, что программа террора сложилась у Сталина еще в конце 1920-х годов, а «начиная с 1927 года репрессии в деревне стали постоянным явлением». Поэтому, по мнению историка, период 1937–1938 годов был всего лишь их очередным пиком (Данилов, 2011в). Показательно и то, что если раньше репрессивные кампании власти рассматривались историком в контексте осуществления тех или иных задач (будь то хлебозаготовки или коллективизация), то теперь он писал о том, что основной целью репрессий было формирование атмосферы страха, как основы сталинского правления. Главным инициатором репрессий исследователем назывался лично сам Сталин. На фоне этого персонажа в данном тексте растворялись даже характерные прежде для Данилова отсылки к абстрактной фигуре сталинского руководства. В связи с этим весьма характерна одна маленькая деталь. В ходе работы над составлением сборника историк обратил внимание на письмо, адре-

сованное Л.М. Кагановичем Г.К. Орджоникидзе, в котором первый характеризовал Сталина словом «хозяин». Этот эпитет так понравился Данилову, что он затем многократно повторил его на страницах своего очерка о Большом терроре. Интересно также и то, что на рубеже 1990–2000-х годов в российских научных журналах состоялась дискуссия по поводу применимости подходов западных историков ревизионистского направления к советской истории 1920–1930-х годов (Павлова, 1998; Игрицкий, 1999; Олегина, 1999; Щербань, 1999; Соколов, 1999; Советское прошлое, 2000; Павлова, 2001; Жуков, 2002; Павлова, 2003). В ее ходе звучали и иные определения Большого террора — такие как «ежовщина» и «великие чистки». Данилов также коснулся этого вопроса. На него он однозначно отвечал, что ни руководство НКВД, ни местные работники не являлись инициаторами репрессий 1937–1938 годов. В частности, ученый писал ««ежовщина» была всего лишь практикой сталинщины» и «местный произвол имел место, но по существу своему являлся продолжением произвола центра» (Данилов, 2011в: 591). Там, где только мог, Данилов подчеркивал личное участие Сталина: «“Хозяин” не только давал или не давал пострадавшим районам продсуды, но и разрешал или не разрешал использовать эти ссуды на конкретные нужды!», «инициатива и в проведении «кулацкой операции» принадлежала Сталину» «однако в целом вся операция до конца декабря проходила, как свидетельствуют публикуемые документы, под личным контролем Сталина...» и т. д. (Данилов, 2011в: 576, 588, 601). Конечно же, Данилов нигде прямо не называл генсека параноиком и садистом, но в своем очерке о Большом терроре он очень много сделал для формирования именно такого образа. Точно так же историк не декларировал поддержку исследователей тоталитарного направления, однако оценки, высказанные Даниловым на этом этапе его научной деятельности, оказались вполне созвучны их идеям, а его введение к 5-му тому «Трагедии советской деревни» и вовсе могло бы на полном основании претендовать на статус классики тоталитарной историографии.

После победы в историографической революции, казалось бы, у Данилова не осталось реальных конкурентов в формировании представлений о коллективизации в научном сообществе. Его взгляды и концептуальные проходы стали идейной основой новой парадигмы прочтения истории «революции сверху» и постепенно превращались в ее догмы. По мере ужесточения с каждой новой редакцией даниловских оценок сталинского режима наблюдалось даже их сближение с идеологией бывших противников из числа радикальных критиков советской системы. Сама новая историографическая парадигма стала своего рода результатом синтеза идей этих двух течений, сложившихся на закате советской эпохи. Тем не менее внимательное знакомство с работами Данилова второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов свидетельствует о появлении нового полемического адресата в его творчестве. Так, в незаконченном введении

ко 2 книге V тома «Трагедии советской деревни», приводя итоговые данные о численности репрессированных за 1937–1938 годы, он в издательской форме описывал своих мыслимых оппонентов: «Эти цифры должны были бы явиться предметом размышления сталинских поклонников, если бы они размышляли» (Данилов, 2011л: 615). Именно наметившаяся в российском обществе тенденция к реабилитации сталинизма (а тем более попытки восхваления и новой мифологизации фигуры генсека) теперь вызывала наиболее острое противодействие со стороны Данилова. В этот период он подготовил ряд обобщающих статей по проблемам советской истории (Данилов, 2011г; Данилов, 2011ж; Данилов, 2011м; Данилов, 2011н). Основные тезисы всех этих работ едины: узурпация власти Сталиным посредством формирования контроля над административно-бюрократическим аппаратом, антисоциальность сталинизма, манипуляция информацией и репрессии как основы сталинского господства, разрушительные для экономики и народа последствия его правления, деградация с каждым новым поколением советской политической элиты. Это целостный набор аргументов направлен против вновь появившихся ревнителей сталинизма. Данилов всеми силами стремится защитить те знания о советском политическом режиме, за которые так дорого пришлось заплатить историкам его поколения. В силу этого можно сказать, что его позиция на данном этапе общественной полемики о советском историческом опыте приобрела охранительный характер. Однако и в этом случае историк очень тонко уловил общее движение умонастроений эпохи.

Заключение

Творческий путь Виктора Петровича Данилова убеждает нас в том, что один человек может существенно изменить историографию. Данилов стал ключевой фигурой при формировании двух из трех существовавших научно-исследовательских программ изучения коллективизации в отечественной науке. Причем если интенции программы исследования аграрной истории советского общества середины 1950-х — начала 1960-х годов так никогда и не были воплощены в жизнь в полной мере, то реализация второй в постсоветской историографии завершилась торжеством даниловских подходов и оценок. Все это делает Данилова центральной фигурой в развитии аграрной историографии советского периода, как отдельного направления российской исторической науки. Однако, говоря об этом, следует заметить, что по ходу эволюции дискурса о коллективизации менялись и взгляды самого ученого. Каждая новая редакция его оценок этой темы предполагала если не полное отрицание предшествующей концепции, то во всяком случае серьезное ее переосмысление. Так, если в 1950-х — первой половине 1960-х годов основным направлением усилий Данилова было выявление форм генезиса социа-

листического способа производства, то на следующем этапе своей научной деятельности ученый подчеркивал преобладание патриархальных институтов и отношений в советской доколхозной деревне. Затем вместе с надеждами и иллюзиями перестройки тема деревенской архаики оказалась отброшена, и исследователь снова увидел в социально-экономической жизни эпохи НЭПа ростки (в отличие от первого прочтения темы, так и не проросшие) подлинного социализма. Последняя редакция даниловских взглядов на аграрное развитие СССР также предполагала смещение акцентов исследования с упущенных возможностей на трагические последствия коллективизации. Вместе с эволюцией Данилова как ученого-исследователя деревни изменялось и соотношение субъектно-объектных посылок в его работах. Первую предложенную им модель исследования темы можно охарактеризовать как объектно-субъектную, поскольку во главу угла историк ставился объективный процесс складывания социалистической формации. Тем не менее в соответствии с существовавшей традицией значительная роль в нем отводилась партии и советскому государству. В работах конца 1960-х — первой половины 1980-х годов историк предложил уже в полной мере объектную модель изложения, ибо социально-экономические и социально-демографические процессы в его анализе доколхозной деревни теперь выступали как самостоятельная реальность. Перестройка открыла для Данилова не только возможность выступать в печати на ранее табуированные в советской науке темы, но и видоизменить собственные концептуальные подходы и методологию. Теперь на первый план в исследовании коллективизации для него вышли явления, обусловленные борьбой советских политических элит за программу аграрных реформ. Однако изложение тех или иных процессов в развитии деревни все еще сохранялось в даниловском нарративе, поэтому данную модель исследования можно назвать субъектно-объектной. Для дальнейшей эволюции подходов Данилова характерно усиление субъектной составляющей. В работах второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов история коллективизации в трудах ученого излагалась целиком и полностью посредством описания деятельности сталинского государства.

Итак, мы видим, что противоречие между объектной и субъектной моделями анализа на различных этапах творческого пути В.П. Данилова разрешалось им не одинаково. Однако само по себе оно оставалось действенным источником эволюции взглядов ученого на историю советской деревни. Вместе с тем следует заметить, что ученый, по-видимому, так и не сделал окончательного выбора в пользу одной из них. На всех этапах его научной биографии мы можем увидеть постоянный поиск ученым оптимального набора факторов, способных объяснить исторические реалии. Так, в работах 1960—1980-х годов, несмотря на однозначный выбор ученого в пользу процессуальной истории, деятельность советского государства оставалась в его анализе одной из важнейших движущих

сил описываемых им социальных изменений деревни. Равным образом, на последнем этапе даниловского творчества, связанного с абсолютным торжеством субъектных трактовок, в числе проблем, интересовавших историка, мы можем обнаружить концепт крестьянской революции как некоего естественного социального движения. В совокупности все это и придает фигуре Данилова как исследователя-аграрника известную сложность и глубину. Французский философ Л. Гольдман на материалах «Мыслей» Б. Паскаля и трагедий Ж. Расина вывел специфический вид мировоззрения, который он назвал «трагическим видением мира». Представители данного интеллектуального типа людей, согласно ему, осознают антагонистический характер любой человеческой реальности и стремятся к ее синтезу, поскольку «истина всегда соединение противоположностей» (Гольдман, 2001: 233). Стратегия исследований и представления Данилова о советской деревне и науке в целом, как кажется, вполне соотносятся с таким типом сознания. Постоянная «игра в бисер», поиск новых концептуальных подходов и решений способствовали интеллектуальному росту историка, поскольку требовали от него скрупулезного изучения многообразия источников, внимания к деталям, серьезнейшего теоретического осмысления проблем. В итоге Данилов поднял качественную планку исследований в области аграрной истории практически на недостижимую высоту и сам стал главной мемориальной фигурой этого направления. Ибо, говоря словами Л. Гольдмана, «знание является главной привилегией трагического персонажа» (Гольдман, 2001: 448).

Библиография

- Вступительное слово (2011). В.П. Данилова на повторном обсуждении первого тома «Истории коллективизации сельского хозяйства СССР» // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1.* М.: РОССПЭН. С. 252–257.
- Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. (2011). Виктор Петрович Данилов — фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1.* М.: РОССПЭН. С. 16–68.
- Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. (2005). Творческий путь Виктора Петровича Данилова // *Вопросы истории.* № 9. С. 150–162.
- Гольдман Л. (2001). Сокровенный Бог. М.: Логос.
- Данилов В.П. (1955). Борьба советского государства за создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Автореферат дисс. к.и.н. М.
- Данилов В.П. (2011а). «Бухаринская альтернатива» // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Т. 2.* М.: РОССПЭН. С. 123–148.
- Данилов В.П. (2011б). Введение. Истоки и начало деревенской трагедии // *Данилов В.П. (2011). История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2.* М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (2011в). Введение. Советская деревня в годы Большого террора // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2.* М.: РОССПЭН.

- Данилов В.П. (2011г). Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 742–759.*
- Данилов В.П. (2011д). Из истории «перестройки» (переживания шестидесятника-крестьяноведа) // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. М.: РОССПЭН.*
- Данилов В.П. (2011е). Июльский пленум ВКП(б) 1928 г. Введение // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.*
- Данилов В.П. (1983). К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // *Советская культура. История и современность. М. С. 376–389.*
- Данилов В.П. (1990). Коллективизация сельского хозяйства в СССР // *История СССР. № 5. С. 7–30.*
- Данилов В.П. (1965а). Коллективизация сельского хозяйства СССР // *СИЭ. Т. 7. М.: ГИЗ «Советская энциклопедия». С. 484–499.*
- Данилов В.П. (2011з). Кооперация 20-х годов: опыт становления // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 628–641.*
- Данилов В.П. (2011ж). К проблеме альтернатив 20-х годов // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 724–741.*
- Данилов В.П. (1965б). Кулачество // *СИЭ. Т. 8. М.: ГИЗ «Советская энциклопедия». С. 262–266.*
- Данилов В.П. (2011и). К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 712–762.*
- Данилов В.П. (1962а). Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни // *Вопросы истории. № 2. С. 33–46.*
- Данилов В.П. (2011к). Необычный эпизод в истории отношений ОГПУ и сталинского Политбюро // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 762–773.*
- Данилов В.П. (2011л). Незаконченное введение ко второй книге V тома «Трагедии советской деревни. 1927–1939» // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.*
- Данилов В.П. (1961). О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства. М.
- Данилов В.П. (1962б). По поводу так называемого третьего этапа аграрной революции (ответ Ю. А. Полякову) // *Вопросы истории. № 9. С. 9–14.*
- Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население землепользование, хозяйство. М.: Наука. Данилов В.П. (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука.
- Данилов В.П. (1982). 1. Советская доколхозная деревня: население землепользование, хозяйство; 2. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. Автореферат дисс. ... д.и.н. М.
- Данилов В.П. (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во АН СССР.
- Данилов В.П. (2011м). Сталинизм и крестьянство // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 680–695.*
- Данилов В.П. (2011н). Сталинизм и советское общество // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 710–723.*
- Данилов В.П. (1988а). Судьба первых пятилеток // *Историки спорят. Тринадцать бесед. М. Данилов В.П. (1988б). 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. С. 122–137.*
- Данилов В.П., Хлевнюк О.В. (2011). Апрельский пленум 1928 г. Введение // *Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.*

- Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. (2011а). Апрельский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. (2011б). Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Дмитренко В.П. (1988). Сущность нэпа, диалектика его развития // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. С. 137–151.
- Жуков Ю.Н. (2002). Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. № 1. С. 3–26.
- Журавель А.В. (2011). Памяти Виктора Петровича Данилова (воспоминания несостоявшегося ученика) // Суждения. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/1392> (Дата обращения 19.05.2019).
- Игрицкий Ю.И. (1999). Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // Отечественная история. № 3. С. 180–200.
- История (1938) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: ОГИЗ.
- История (1963) советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М.: Изд-во АН СССР.
- Иосиф Виссарионович Сталин (1947). Краткая биография. М.: Географгиз.
- Кабанов В.В. (1995). Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства. М.
- Коллективизация (1989): истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. № 3. С. 131–137.
- Кондрашин В.В. (2013). Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 160–186.
- Кондрашин В.В. (2018). «Даниловский сектор» Института российской истории РАН: прорыв в исследованиях аграрной истории России первой половины XX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. С. 187–195.
- Кондрашин В.В. (2014). Историко-аграрники России XX — начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».
- Лельчук В.С. (1988). Выбор путей и методов строительства социализма // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. С. 151–172.
- Никულიн А.М. (2014). В поисках альтернатив российского развития: переосмысливая наследие аграрника В.П. Данилова // Мир России. № 1. С. 8–34.
- Олегина И.Н. (1998). Будем уходить от схематизма // Отечественная история. № 5. С. 121–125.
- Павлова И.В. (2001). Власть и общество в 1930-е годы // Вопросы истории. № 10. С. 46–56.
- Павлова И.В. (1998). Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика ревизионистского подхода) // Отечественная история. № 5. С. 30–37.
- Павлова И.В. (2003). 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. № 10. С. 19–37.
- Поляков Ю.А. (1963). Еще раз о некоторых вопросах истории аграрной революции // Вопросы истории. № 2. С. 28–36.
- Поляков Ю.А. (1962). К вопросу о содержании и этапах аграрной революции в СССР // Вопросы истории. № 8. С. 26–34.
- Современное крестьяноведение (2015) и аграрная история России в XX веке. М.: РОССПЭН.
- Р. Дэвис — В. Данилов (1990): диалог историков // История СССР. № 2. С. 91–97.
- Советское прошлое (2000): поиски понимания // Отечественная история. № 4. 5.
- Соколов А.К. (1998) Спасибо за науку // Отечественная история. № 5. С. 102.
- Сталин И.В. (1952). Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Гос. Изд-во политической литературы.
- Стенограмма (2011) заседания ученого совета Отдела истории советского общества. 29 июля 1965 г. // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН.

Трапезников С.П. (1967). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1–2. М.: Изд-во ВПШ и АОН. 656 с.

Щербань Н.В. (1998). Наука или политическая конъюнктура // Отечественная история. № 5. С. 127–130.

Н.Г. Кедров
Четыре концепции
коллективизации
В.П. Данилова

Viktor Danilov's four conceptions of collectivization

Nikolai G. Kedrov, PhD (History), Independent Researcher

The article considers the views of the famous Russian agrarian historian V.P. Danilov on collectivization. The author identifies four stages in his studies. First, Danilov's becoming a historian of the Soviet village under the Khrushchev's "thaw", when he joined the reconsideration of the Soviet history and took an active part in the critical analysis of Stalin's historiography. Danilov focused on the search of macro-structures in the genesis of socialist relations in the Soviet agriculture. However, his attempts to develop a new conception of collectivization were not successful due to the political changes in the country in the mid-1960s. In the second half of the 1960s—1980s, the new official conception of collectivization introduced by S.P. Trapeznikov became the main subject of criticism from Danilov: he emphasized the prevalence of patriarchal relations in the Soviet village before collectivization. "Perestroika" gave new hopes to the historians of the Danilov's generation. However, he did not share the views of radical critics of the collective-farm system and developed a conception of the alternatives to the Stalin's "revolutions from above" as the lost opportunities to create a true socialism. The final stage in Danilov's scientific work consisted of preparing fundamental documentary series on history of the Soviet village, and of thinking on the ideas of totalitarian historiography. The author stresses Danilov's outstanding role in developing two of three research programs for the study of the agrarian history of the Soviet period.

Keywords: agrarian history, historical science, Soviet village, collectivization, V.P. Danilov

References

- Vstupitel'noe slovo V.P. Danilova na povtornom obsuzhdenii pervogo toma "Istorii kollektivizatsii selskogo khozyaistva SSSR" (2011). [V.P. Danilov's opening address at the second discussion of the first volume of *History of Agricultural Collectivization in the USSR*]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch. Vol. 1*, Moscow: ROSSPEN.
- Vyltsan M.A., Emets V.A., Slepnev I.N. (2011) Viktor Petrovich Danilov — frontovik, grazhdanin, ucheny, borets za demokratiyu i svobodu [Victor Petrovich Danilov — a front-line soldier, citizen, scientist, and fighter for democracy and freedom]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch. Vol. 1*, Moscow: ROSSPEN.
- Vyltsan M.A., Emets V.A., Slepnev I.N. (2005) Tvorchesky put Viktora Petrovicha Danilova [Victor Petrovich Danilov's scientific career]. *Voprosy Istorii*, no 9.
- Goldman L. (2001) *Sokrovenny Bog* [Secret God], Moscow: Logos.
- Danilov V.P. (1955) Borba sovetskogo gosudarstva za sozdanie materialno-tehnicheskikh predposylok kollektivizatsii selskogo khozyaistva (1926–1929 gg.) [Struggle of the Soviet state for creating material preconditions for agricultural collectivization (1926–1929)]. Avtoreferat diss. k.i.n. Moscow.
- Danilov V.P. (2011a) "Bukharinskaya alternative" ["Bukharin's alternative"]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch. Vol. 1*, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2011b) Vvedenie. Istoki i nachalo derevenskoi tragedii [Introduction. Sources and beginning of the rural tragedy]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch. Vol. 2*. Moscow: ROSSPEN.

- Danilov V.P. (2011v) Vvedenie. Sovetskaya derevnya v gody "Bolshogo terror" [Introduction. The Soviet village in the years of "the big terror"]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2011g) Vozniknovenie i padenie sovetskogo obshchestva: sotsialnye istoki, sotsialnye posledstviya [The rise and fall of the Soviet society: Social sources and social consequences]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2011d) Iz istorii "perestroiki" (perezhivaniya shestidesyatnika-krestianoveda) [From history of "perestroika" (perception of the "shestidesyatnik" — representative of the 1960s and of the Peasant Studies)]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2011e) Iyul'sky plenum VKP(b) 1928 g. Vvedenie [July Plenum of the CPSU(B) in 1928. Introduction]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (1983) K izucheniyu kultury i byta sovetskoj dokolkhoznoj derevni [On the study of culture and everyday life of the Soviet village before collectivization]. *Sovetskaya kultura: Istoriya i sovremennost.* Moscow, pp.376-389.
- Danilov V.P. (1990) Kollektivizatsiya selskogo khozyaistva v SSSR [Agricultural collectivization in the USSR]. *Istoriya SSSR*, no 5, pp.7-30.
- Danilov V.P. (1965a) Kollektivizatsiya selskogo khozyaistva SSSR [Agricultural collectivization in the USSR]. *Sovietskaya istoricheskaya ensiklopediya*, vol. 7.
- Danilov V.P. (2011z) Kooperatsiya 20-kh godov: opyt stanovleniya [Cooperation of 1920s: History of development]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2011zh) K probleme alternativ 20-kh godov [On the alternatives of the 1920s]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (1965b) Kulachestvo [Kulaks]. *Sovietskaya istoricheskaya ensiklopediya*, vol. 8, pp.262-266.
- Danilov V.P. (2011i) K kharakteristike obshchestvenno-politicheskoi obstanovki v sovetskoj derevne nakanune kollektivizatsii [On the social-political situation in the Soviet village on the eve of collectivization]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (1962a) Nekotorye itogi nauchnoi sessii po istorii sovetskoj derevni [Some results of the scientific session on the history of the Soviet village]. *Voprosy Istorii*, vol. 2, pp.33-46.
- Danilov V.P. (2011k) Neobychny epizod v istorii otnoshenii OGPU i stalinskogo Politbyuro [An unusual episode in the history of relations between the JSPD and Stalin's Political Bureau]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2011l) Nezakonchennoe vvedenie ko vtoroi knige V toma "Tragedii sovetskoj derevni. 1927–1939" [Unfinished introduction to the second book of volume V of the *Tragedy of the Soviet village. 1927–1939*]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (1961) O kharaktere sotsialno-ekonomicheskikh otnoshenii sovetskogo krestyanstva do kollektivizatsii selskogo khozyaistva [On the Features of the Social-Economic Relations of the Soviet Peasantry Before Agricultural Collectivization], Moscow.
- Danilov V.P. (1962b) Po povodu tak nazyvaemogo tretiego etapa agrarnoi revolyutsii (otvet Yu.A. Polyakovu) [On the so-called third stage of the agrarian revolution (answer to Ju.A. Poljakov)]. *Voprosy Istorii*, no 9, pp. 9-14.
- Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie zemlepolzovanie, khozyaistvo* [Soviet Village Before Collectivization: Population, Land Tenure, Economy], Moscow: Nauka.

- Danilov V.P. (1979) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya* [Soviet Village Before Collectivization: Social Structure, Social Relations], Moscow: Nauka.
- Danilov V.P. (1982) 1. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie zemlepolzovanie, khozyaistvo*; 2. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya* [1. Soviet village before collectivization: Population, land tenure, economy; 2. Soviet village before collectivization: Social structure, social relations]. Avtoreferat diss. d.i.n. Moscow.
- Danilov V.P. (1957) *Sozdanie materialno-tekhnicheskikh predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva v SSSR* [Creation of Material Preconditions for Agricultural Collectivization in the USSR], Moscow: Izdatelstvo AN SSSR.
- Danilov V.P. (2011m) *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and peasantry]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN, pp. 680-695.
- Danilov V.P. (2011n) *Stalinizm i sovetskoe obshchestvo* [Stalinism and Soviet society]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN, pp. 710-723.
- Danilov V.P. (1988a) *Sudba pervykh pyatiletok* [Fate of the first five-year plans]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed*, Moscow.
- Danilov V.P. (1988b). 20-e gody: NEP i borba alternativ [The 1920s: NEP and the struggle of alternatives]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed*, Moscow.
- Danilov V.P., Khlevnyuk O.V. (2011) *April'skoye plenum 1928 g. Vvedenie* [April Plenum of 1928. Introduction]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P., Khlevnyuk O.V., Vatlin A.Yu. (2011a) *April'skoye plenum TsK VKP (b) 1929 g.* [April Plenum of the CC CPSU(B) in 1929]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P., Khlevnyuk O.V., Vatlin A.Yu. (2011b) *Novyabrskoye plenum TsK VKP (b) 1928 g.* [November Plenum of the CC CPSU(B) in 1928]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Dmitrenko V.P. (1988) *Sushchnost NEPa, dialektika ego razvitiya* [Essence of the NEP, and dialectics of its development]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed*, Moscow, pp. 137-151.
- Zhukov Yu.N. (2002). *Repressii i Konstitutsiya SSSR 1936 g.* [Repressions and the Constitution of the USSR of 1936]. *Voprosy Istorii*, no 1, pp. 3-26.
- Zhuravel A.V. (2011) *Pamyati Viktora Petrovicha Danilova (vospominaniya nesostoyavshegoya uchениka)* [In memory of Victor Petrovich Danilov (memories of a might-have-been student)]. *Suzhdeniya*, no 11. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/1392>.
- Igritsky Yu.I. (1999) *Eshche raz po povodu "sotsialnoi istorii" i "revizionizma" v izucheniі stalinskoi Rossii* [Once again on "social history" and "revisionism" in the study of Stalin's Russia]. *Otechestvennaya istoriya*, no 3, pp. 180-200.
- Istoriya Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (bolshevikov). Kratky kurs (1938)*. [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). A Short Course.], Moscow.
- Istoriya sovetskogo krestyanstva i kolkhoznogo stroitelstva v SSSR (1963)* [History of Soviet Peasantry and Collective Farms in the USSR], Moscow: Izdatelstvo AN SSSR.
- Iosif Vissarionovich Stalin. Kratkaya biografіya (1947)* [Iosif Vissarionovich Stalin. A Brief Biography], Moscow: Geografiz.
- Kabanov V.V. (1995) *Sudby kooperatsii v sovetskoi Rossii: problemy, istoriografіya* [Fate of cooperation in Soviet Russia: Problems and Historiography]. *Sudby rossiiskogo krestyanstva*, Moscow.
- Kollektivizatsiya: istoki, sushchnost, posledstviya. *Beseda za kruglym stolom (1989)* [Collectivization: Sources, essence, and consequences. A round-table discussion]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 131-137.
- Kondrashin V.V. (2013) *Viktor Petrovich Danilov — vydayushchiysya issledovatel agrarnoi istorii Rossii XX veka* [Victor Petrovich Danilov — an outstanding researcher of the

- agrarian history of Russia in the 20th century]. *Krestyanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenye zapiski*. Vyp. 8, Moscow, pp. 160-186.
- Kondrashin V.V. (2018) "Danilovsky sector" Instituta rossiiskoi istorii RAN: proryv v issledovaniyakh agrarnoi istorii Rossii pervoi poloviny XX veka ["Danilov's sector" at the Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences: A breakthrough in the studies of the agrarian history of Russia of the first half of the 20th century]. *Ezhegodnik po Agrarnoi Istorii Vostochnoi Evropy*, no 1, pp. 187-195.
- Kondrashin V.V. (2014). *Istoriki-agrarniki Rossii XX — nachala XXI vv.: tvorchesky put i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Russian Agrarian Historians of the 20th — Early 21st Centuries: Career and International Cooperation]. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».
- Lelchuk V.S. (1988). Vybory putei i metodov stroitelstva sotsializma [The choice of ways and methods to build socialism]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed*, Moscow, pp. 151-172.
- Nikulin A.M. (2014) V poiskakh alternativ rossiiskogo razvitiya: pereosmyslivaya nasledie agrarnika V.P. Danilova [In search of alternatives for the development of Russia: Rethinking the legacy of the agrarian historian V.P. Danilov]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 8-34.
- Olegina I.N. (1998) Budem ukhodit ot skhematizma [Getting away from sketchiness]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 5, pp. 121-125.
- Pavlova I.V. (2001) Vlast i obshchestvo v 1930-e gody [Power and society in the 1930s]. *Voprosy Istorii*, no 10, pp. 46-56.
- Pavlova I.V. (1998) Sovremennyye zapadnye istoriki o stalinskoj Rossii 30-kh godov (kritika revizionistskogo podkhoda) [Contemporary Western historians on Stalin's Russia in the 1930s (criticism of revisionism)]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 5, pp. 30-37.
- Pavlova I.V. (2003) 1937: vybory kak mistifikatsiya, terror kak realnost [1937: Elections as a mystification, terror as a reality]. *Voprosy Istorii*, no 10, pp. 19-37.
- Polyakov Yu.A. (1963) Eshche raz o nekotorykh voprosakh istorii agrarnoi revolyutsii [Once again on some issues in the history of the agrarian revolution]. *Voprosy Istorii*, no 2, pp. 28-36.
- Polyakov Yu.A. (1962) K voprosu o sodержanii i etapakh agrarnoi revolyutsii v SSSR [On the content and stages of the agrarian revolution in the USSR]. *Voprosy Istorii*, no 8, pp. 26-34.
- Sovremennoe krestyanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* (2015). [Contemporary Peasant Studies and Agrarian History of Russia in the 20th century], Moscow: ROSSPEN.
- R. Davis — V. Danilov: dialog istorikov (1990) [R. Davis — V. Danilov: A dialogue of historians]. *Istoriya SSSR*, no 2, pp. 91-97
- Sovetskoe proshloe: poiski ponimaniya (2000) [The Soviet past: In search of understanding]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 4-5.
- Sokolov A.K. (1998) Spasibo za nauku [Thanks for the science]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 5, p. 102.
- Stalin I.V. (1952) *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Challenges of Socialism in the USSR], Moscow: Isdatelstvo politicheskoy literatury.
- Stenogramma zasedaniya uchenogo soveta Otdela istorii sovetskogo obshchestva 29 iyulya 1965g. (2011) [Transcript of the meeting of the Academic Council of the Department of the Soviet Society History on July 29, 1965]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2- kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.
- Trapeznikov S.P. (1967) *Leninizm i agrarno-krestyanskii vopros* [Leninism and the Agrarian-Peasant Question]. Vol. 1-2, Moscow.
- Shcherban N.V. (1998). Nauka ili politicheskaya konyunktura [Science or political situation]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 5, pp. 127-130.

Capitalism and the peasant mode of production: A Chayanovian analysis

F. Uleri

Francesca Uleri, PhD Researcher, Agrisystem Doctoral School, Università Cattolica del Sacro Cuore, Piacenza (Italy). E-mail: francesca.uleri@unicatt.it

Although the disappearance of the peasantry under capitalism was repeatedly announced, peasants are still here, and the peasant mode of production still serves as a livelihood basis for millions of rural households. Based on Chayanov's ideas, the article identifies some reasons for this resistance to capitalism by describing the internal functional logic of the peasant economy and the difference of the peasant mode of production from the capitalist one. The complexity and spatial-temporal variability of agricultural production and social-economic formations of the mature capitalism are replacing agriculture in the process of changes that consist of multiple transformations (Geels, 2002; van der Ploeg, 2008). One of the most debated agrarian changes is the trajectories of rural development under the persistence or dissolution of the peasant mode of production in the course of modernization that characterizes the evolution and consolidation of capitalist societies. The fate of the peasantry, or the "peasant question", is the core part of the larger debate on the "agrarian question", which the Marxist political economy defines as a set of agrarian transformations leading to the penetration of capitalist relations into agriculture and to the transfer from pre-capitalist, feudal or semi-feudal modes of production to capitalism (McMichael, 2006; Akram-Lodhi, Kay, 2010a; 2010b; Lerche, 2014). However today the empirical scenario is contrary to the Marxist perspective for the peasant mode of production expands and reappears in the *repeasantization* as a viable alternative to the capitalist agriculture (Domínguez, 2012; Corrado, 2013; Carrosio, 2014; van der Berg et al., 2018). The author presents an overview of the classical conceptualizations of the fate of the peasantry and explains "why peasants are still here" by the spatially and temporally contextualized analysis of the peasant economy in the microeconomic perspective with the help of the theory of peasant economy (TPE) proposed by Chayanov in the early 20th century.

Keywords: peasantry, capitalism, Chayanov, capital, labor

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-43-60

The disappearance perspective

According to Byres, "one of the most fascinating problems in the field of social and economic history is the delineation of the complex and varied means, whereby capitalism became the dominant mode of production in agriculture: growing out of simple commodity production, here via a landlord class and there via a peasantry which gradually became differentiated (so providing, at the extremes, a stratum of rich peasants who ultimately became capitalist farmers and a stra-

tum of poor peasants who were transformed into agricultural laborers or who joined the urban proletariat); slowly penetrating the countryside; developing the forces of production in manifold ways and raising agriculture's productiveness; eroding feudal and semi-feudal relations of production and replacing them with the stark opposition of class of capitalist farmers and one of wage laborers" (Byres, 1977: 258). Here agriculture is defined by the patterns of unequal accumulation, dominated by the rise of proletariat, placed in the pathway of transformations eroding other pre-capitalist ways to organize social relations and forces of production such as the peasant mode of production with its orientation to subsistence, a basis of non-capital-labor relations centered in the household and direct ownership of the means of subsistence, mainly land and labor (Bhaduri, 1981; Araghi, 1995; 2009; Kelly, 2011).

For Marx, it was the ownership of the means of subsistence that at the first stage of capitalism distinguished peasants from proletariat (Archetti, Aass, 1978). However, for Marx the way this direct ownership on land was managed in peasant societies was a symbol of backwardness that locked peasants in the past and condemned them to the dissolution in new capitalist formations: "their mode of production isolates them from one another instead of bringing them into mutual intercourse [...] a small-holding, a peasant and his family; alongside them another small-holding, another peasant and another family. A few score of these make up a village, and a score of villages make up a department. In this way, the great mass of the French nation is formed by simple addition of homologous magnitudes, much as potatoes in a sack form a *sack of potatoes* [...] what is now causing the ruin of the French peasant is his small-holding itself, the division of the land, the form of property which Napoleon consolidated in France (Marx, 1976: 230-233).

According to Gibbon and Neocosmos (1985: 156), capitalism is a "generalized commodity production founded upon the contradictory relation between capital and wage-labor. Capital and wage labor are two sides of the same social contradiction and, among other things, individually represent functions, class places or class bases indispensable to capitalism". For Marx, who focused on the transition to capitalism in Britain, the evolution of agriculture developed mainly through the displacement or dispossession of the peasant economy ("backward" and marginal) by capitalist system in a sort of "enclosure model or effect" (Bernstein, 2003: 5). Although Marx and Engels wrote relatively little about agriculture — if we exclude the extensive argumentation about land tenure in the third volume of *Capital*, there are only few more mentions of the topic (such as *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*, *Critique of Gotha Program* and *The Peasant Question in France and Germany*), the Marxist agrarian political economy started a still ongoing discussion on the peasant disappearance and class subordination (Goodman, Redclift, 1985).

This transition is marked and based mainly on the separation of the producer from his means of subsistence and then turning him into the wage worker that produces commodities not in the family-based organization but in the industrial manufacturing or at the service of new landowners.

This perspective was described by Lenin in *The Development of Capitalism in Russia*, in which he forecasted a trajectory of class differentiation with an unavoidable disintegration of the peasant form of production resulting in the polarized class structure based on the agrarian bourgeoisie (mostly landowners) and the rural proletariat (Long et al., 1986). Lenin (1960) identified three “ranks” among the peasantry — poor, middle and rich peasants, and the positioning in each group depended on the land property, agricultural machinery and the power to determine the labor organization (Saka, 2014: 98). Lenin’s intent was to highlight that capitalism was developing in the countryside and pushing the peasantry to find a way to socially reproduce itself as differentiated and differentiating class (Araghi, 1995). “The old peasantry was not only “differentiating”, it was being completely dissolved, it was ceasing to exist, it was being ousted by absolutely new types of rural inhabitants [...] a class of commodity producers in agriculture and a class of agricultural wage-workers” (Lenin, 1960: 174). Bernstein illustrates this differentiation tendency by specifying that “poor peasants are subject to a simple reproduction “squeeze” as capital or labor, or both. Their poverty and depressed levels of consumption (reproduction as labor) commonly express intense struggles to maintain their means of production (reproduction as capital), loss of which entails proletarianisation. Middle peasants are those able to meet the demands of simple reproduction; while rich peasants are able to engage in expanded reproduction: to increase the land and/or other means of production at their disposal beyond the capacity of family/household labor, hence hiring wage labor” (2001: 30).

For Lenin, inequality in the concentration of the ownership and control of means of production among (Russian) peasants was evidence of capitalist class formation, in which social differentiation was forcing direct producers into selling their labor so that the minority was able to capitalize the production process and absorb them as wage labor (Deere, de Janvry, 1981). This process was — and still is for (neo)Marxists — what determined the erosion and disappearance of the peasantry together with its societal transformation into other social groups (Byres, 1991; 1996; Akram-Lodhi, Kay, 2010; 2010b; Bernstein, 2010; Moyo et al., 2013). For instance, in Latin America in the 1970s, the theory of disappearance and class differentiation found a fertile ground in the *decampesinista* debate defining peasants as participants of proletarianisation due to the increasing dependence on external inputs such as remittances, NGOs aid and government welfare programs but mainly on (wage) labor (Kay, 2006; 2015; Murray,

2006; Rocha, 2011). Thus, “peasants become petty commodity producers [...] when they are unable to reproduce themselves outside the relations and processes of capitalist commodity production, when the latter become the conditions of existence of peasant farming and are internalized in its organization and activity” (Bernstein, 2001: 29).

Hobsbawm in his *Age of Extremes* proves that the disappearance of the peasant form of production was “the most dramatic change of the second half of this century [the 1990s], and the one which cuts us forever from the world of the past” (Bernstein, 2001: 25). Seen as a stage of social-economic development that puts a boundary between past and present, the death of the peasantry — even on other theoretical assumptions that the Marxist ones — since the 1950s was announced by the modernization theorists as an inevitable step of modernity. Many small and low-input agricultural realities from the 1950s to the 1980s were in the pathway of transformation that affected both developed and developing countries to guarantee economic growth and efficiency. This result was to be achieved by intensification of production, sectorial specialization, market orientation, industrialization and vertical control, replicability and standardization (Zanfrini, 2001; Meloni, 2013). According to Hoogvelt (2001), modernization turned the abstract and general history of Northern countries into a necessary logic of development for all countries. Development became a matter of social order and economic stability that entailed the removal of dysfunctional elements in order to change the peasant mode of production into specialized market activities (Long 1990; Hilmi, 2013). This pathway corresponded to the concept of repeasantization as “the erosion of an agrarian way of life that combines subsistence and commodity agricultural production with an internal social organization based on family labor and village community settlement” (Bryceson, 1999: 175), i.e. depeasantization is a product of modernity determined mainly by the acceleration of urbanization, i.e. deruralization. Araghi also considered global repeasantization as an expression of deruralization (depopulation and decline of the rural areas) and overurbanization (massive concentration of peoples and activities in urban), both of which reflect the differentiation of geographical space under the post-WWII development of world capitalism (1995: 338).

Contrasting realities

Despite the above predictions, today, after radical changes in the global capitalist economy such as intensification of rural-urban migration, deregulation of financial markets, implementation of liberalization measures, consolidation of agribusiness corporations etc., the reality is quite different (van der Ploeg, 2018: 1) with 560 million peasant farms, i.e. there are more peasants in the world than ever before. On

the one hand, there is a significant decrease in the rural population; on the other hand, there is a growing number of rural workers engaged in commodity production. One of the key explanations is the form and logic of peasant production as defined by peasants themselves. In the agrarian studies of the last four decades, peasants are basically defined as people engaged in agricultural production, with a direct access and control of their means of production and subsistence (mainly land and labor); this is not a direct ownership, although in the Marxist perspective this ownership distinguishes peasantry from proletariat: they can access the land they work on as tenants, smallholders or common users; by their production activities they can satisfy their family needs (subsistence) beyond the mere realization of profit (Archetti, Aass, 1978; Bernstein, 1979; Araghi, 1995; Hilmi, 2013; van der Ploeg, 2013; Vanhaute, Cottyn, 2017). Thus, instead of disappearance and differentiation as envisaged by the Marxist political economy and modernization paradigm, peasants maintain their own logic of production (Long et al., 1986).

This idea is supported by the “neo-populist tradition” that emerged in Russia in the late 19th century emphasizing the viability of the peasant production given its ability to survive and prosper under any circumstances (Harrison, 1975; 1977). In peasant studies, the theoretical core of neo-populism consists of “the idea of an economically undifferentiated, virtually homogenous peasantry, which shows extreme stability and viability vis-a-vis the competition of capitalist production” (Patnaik, 1979: 375). By the 1920s, the agrarian economist Chayanov had become the most influential representative of this tradition, and his school influenced the contemporary research of the evolution and “fate” of peasants (Harrison, 1975; Bernstein, 2009; Shanin, 2009; van der Ploeg, 2013; Kerblay 2018). In his main works — *Peasant Farm Organization* and *On the Theory of Non-Capitalist Economic Systems* — and minor contributions such as *The Current State of Agriculture and Agricultural Statistics in Russia*, Chayanov (1966; 2018) defined the peasant family farm as an economic form that differs from the capitalist mode of production and capitalist farming even under the dominance of capitalism (Shanin, 1986). Chayanov was the first to recognize in the peasant organization a mode of production not definable within the feudal or semi-feudal mode of production (as the Marxists did), and considered it as an alternative that survives, develops and prospers even under capitalism for it does not represent something that must be destroyed in the transition to capitalism. The peasant farm “is drawn into commodity production and is a petty commodity producer, selling and buying at prices laid down by commodity capitalism, and its circulating capital might be based on bank loans [...] Through these connections, every small peasant undertaking becomes an organic part of the world economy, experiences the effects of the world’s general economic life, is powerfully directed in its organization by the capitalist world’s eco-

conomic demands, and, in turn, together with millions like it, affects the whole system of the world economy” (Chayanov, 1966: 222-258). In the basis of the peasant economy functioning, there is a need to provide livelihoods to satisfy family needs; the production activities are carried out by family labor; therefore, labor is not dominated by commoditized capital-labor relations and the labour market does not control its allocation or remuneration (van der Ploeg, 2013). Long (2001) and van der Ploeg (2016) referred to Chayanov to describe the peasant economy as a labour-intensive organization where inputs are generated and replicated through the work of the household or — if the resources are not available internally — through the exchange of labor within the peasant community. According to Chayanov, the peasant economy can survive even if there are no longer necessary conditions for capitalist activities: peasant farms can “continue to produce where capitalist farms stop” due to the nature of the peasant production unit — the main objective of the peasant economy is to ensure through agricultural activities family needs and livelihoods. Thus, the economic success is measured in terms of goods produced rather than profit (Kula, 1976; Kochanowicz, 1983; Galasso, 1986).

Today, after years of marginalization, the TPE seems to be more relevant than ever for peasants — despite the Marxist and Leninist predictions and the modernization paradigm — still play a fundamental role beyond the boundaries of their production units. The recent United Nations Declaration on the Rights of Peasants and Other People Working in Rural Areas recognizes the peasants’ contribution “to development and to conserving and improving biodiversity, which constitute the basis of food and agricultural production throughout the world, and their contribution in ensuring the right to adequate food and food security, which are fundamental to attaining the internationally agreed development goals, including the 2030 Agenda for Sustainable Development”. Pérez-Vitoria (2007) states that the ability of the peasantry to go beyond the production of commodity goods is the key to understand the new peasant production units and explain the persistence of the peasant class. Polanyi (1944) also emphasized that “the relationships sustained between a class with the rest of the society mark its evolution, consequently, the success and the reproduction of this class is determined by the breadth and variety of interests that the class is able to serve beyond its specific needs” (Uleri, 2018: 131).

Functioning of the peasant economy

This section presents an analysis of the peasant economy starting from the micro-level — describing the peasant (family) production unit as the center and engine of this system. The micro-level analysis does not reject the macro-level analysis; it serves as a lens to under-

stand the variability of the impact of macro-operations on the small-scale units. According to Mitchell (2002), van der Ploeg (2013; 2017) and Shulga (2017), many of the social-economic contradictions and network strategies that make up the trajectory of macro-phenomena are reflected and expressed at the micro-level, at which they are often more perceptible and distinguishable. In agrarian studies, one of the main barriers in detecting and understanding the effects or outcomes of macro-operations at the micro-level are determined by the fact that there is a frequent tendency to use a linear perspective from macro-causes to macro-effects, which ignores the micro-dimension of macro-causes such as the implementation of agrarian reforms, reduction of trade barriers or deregulation of national economies; however, local agrarian structures always contribute to the new course of action. In the local agrarian structure, peasants play an active role, even when they are “squeezed” or “crushed” by macro-movements that place them in the pathway of disappearance: peasants’ reaction and interaction with the broader social structure determines real and entire effects of the macro-processes. Thus, macro causes “are actively interpreted and translated by farmers (and other actors) into a course of action, creating the macro-effects that actually occur”; therefore “stimuli (prices, policies, etc.) from the macro-level are always [...] mediated by and through the actors operating at the micro-level” (van der Ploeg, 2013: 23).

Such a methodological approach allowed Chayanov to avoid too deterministic understandings of the agrarian realities. It was Chayanov who stressed the analytical relevance of this approach: “undoubtedly, beyond the general national economy analysis we cannot fully understand the nature of a single private economic undertaking. However, [...] to make clear the general economic processes [...] we must fully elucidate to ourselves the work mechanisms of the economic machines (i.e. the peasant family production unit) which is subject to the pressure of national economic factors, organizes a productive process within itself and, in its turn, with others like it, influence the national economy as a whole” (Chayanov, 1966: 120). Chayanov refers to the *national* economy because he considered the Russian agrarian situation of the early 20th century, in which the macro-phenomena that influenced the micro-level of the peasant family production developed within the national political-economic borders. Today, especially after the WWII, the agrarian situation has been affected by the forces of global and/or inter-national nature (market liberalization, intensification of the global commodities flows, dependence on the international input and output markets, financialization of agriculture, etc.) that go beyond the limits of any single nation (McMichael, 1997; von Braun, Diaz Bonilla, 2008; Friedmann, 2009; Clapp, 2014). Therefore, contemporary peasants interpret and mediate a variety of macro-causes of different nature and extension, thus, contributing to changing them into a new course of action.

ТЕОРИЯ The peasant family production unit (PFPU) is the center of labor provision (Thorner, 1986: 13), and the Chayanovian peasant family farm is “pure” in the sense that the members of the household depend solely on their labor at the farm. Thus, this labor is on-farm labor without market conjectures. Van de Ploeg (2013) believes that the fact that labor is mobilized — with a few exceptions — by the family farm is self-evident and non-significant, and it creates logical limits that distinguish peasant agriculture and production cycles from the capitalist ones. This differentiation is due to the absence of salaries in agricultural activities; if no wages are paid, then, according to the Marx’s theory of value, profits cannot be calculated. It is this absence of a labor market that allows to analyze the peasant economy at the micro-level (Harrison, 1975).

In the Marxist perspective, labor of the Chayanovian PFPU is unproductive for it does not produce capital in the capitalist way: while the capitalist mode of production is centered on the capital accumulation and self-expansion of value through the generation of surplus value and its conversion into capital, the peasant mode does not produce surplus value and capital in the Marxist sense. The aim of the accumulation in capitalist economies is not only the maintenance of the “previously produced value” but also the “productive reinvestment of surplus value” (Savran, Tonak, 1999: 116). For the self-expansion, capital needs to be exchanged with productive labor that can produce surplus value. Therefore, the distinction between productive and unproductive labor is a fundamental basis for the analysis of different modes of production and understanding the principles of the PFPU: “only the exchange for productive labor can satisfy one of the conditions for the reconversion of surplus value into capital” (Marx, 1976: 1048). Marx specifies that “the difference between productive and unproductive labor consists merely in whether labor is exchanged for money as money or for money as capital. Where I buy the commodity, as e.g. in the case of the self-employed laborer, artisan, etc., the category does not come into consideration at all, because there is no direct exchange between money and labor of any kind at all, but rather between money and a commodity” (Marx, 1864: 485).

In the PFPU, labor does not pursue maximization of profit or cost reduction (often through the limitation of labor input), and it is the size and composition of the household that completely determines the amount, intensity and division of labor needed to satisfy family needs. It is the family composition that defines the maximum and minimum levels of labor to support the economic activity; therefore, the limit of labor depends on the amount of labor that the family members can use with a maximum intensity.

Although the Marxist theory is useful to define the nature of labor in the PFPU, Chayanov argued that neither Marxism nor the neo-

classical theories of Smith and Ricardo could be applied to the Russian PFPU. Chayanov mainly criticized the distinction between capital and labor and between production and reproduction which did not exist in the PFPU but were assumed by both Marxism and neo-classical economics (Roberts, Mutersbaugh, 1996). In the neoclassical perspective, the economic rationality of the capitalist production unit is achieved by maximization of the net profit (NP) resulting from the difference between the gross product (GP) (through the market sales), outlays on materials (OM) (to carry out the production activities), and wages, i.e. $GP - OM - W = NP$. If no wages are paid, profits are absent and the labor product is the only category of income for the PFPU, there is no sense in “decomposing it analytically and objectively” (Chayanov, 1966: 5). “The difference between the gross product [...] and material expenditure [...] is referred to as the labor product (or sometimes the family labor product). This is identical to what today’s studies refer to as “labor income”. It is the income that results from the work done” (Van der Ploeg, 2013: 24). In the peasant economy, economic rationality is not measured by net income or profit but by goods produced for the PFPU livelihoods (Kula, 1976; Kochanowicz, 1983; Galasso, 1986). Therefore, peasant labor is not “productive” in the Marxist sense but it is productive in the peasant rationality where the “engine” or the “machine” that generates labor is fueled by the product of labor itself, and this “peasant labor productivity” is essential for the survival and reproduction of the PFPU.

The analysis of the origin of labor is not sufficient to discern without any doubt the two different units of production and their logics of functioning. It is necessary to admit that in the PFPU capital is subject to the circulation rules that do not respond to the capitalist unlimited cycle in which money (M) are transformed into commodities (C), and this conversion returns to money (M) of altered value (Hean et al., 2003). It is classical Marxist formula of circulation of capital: $M - C - M'$. For Marx, capital is primarily an accumulation of money, but it is not just money, it is a relation. The distinction between money and capital derives from the difference in their circulation: money is acquired and used to buy things as an instrument to facilitate the exchange of commodities ($C - M - C$), while capital is reintroduced in the economic cycle to produce surplus value. “The simple circulation of commodities — selling in order to buy — is a means of carrying out a purpose unconnected with circulation, namely, the appropriation of use-values, the satisfaction of wants. The circulation of money as capital is, on the contrary, an end in itself, for the expansion of value takes place only within this constantly renewed movement. The circulation of capital has therefore no limit” (Marx, 1906: 169).

Chayanov sketches the capital circulation in the capitalist unit by highlighting that capital is invested in factors of production (labor, machineries, land, etc.): when they pass through their production cycle, they are sold for money to ensure gross income. The advanced

capital is first renewed from the gross income and consequently the rest is the farm's net profit. Profit is the target of the production unit, and "the elements of production are compounded in a way that, at the particular price levels, is optimal and gives the greater excess of gross income over capital advanced" (Chayanov, 1986: 197). On the contrary, in the PFPU, the circulation of capital follows a different logic for capital has a different nature and the family provides its own labor in the production cycle. The capital of the PFPU is composed of such elements as house, land, improvements made to it (roads, canals, terraces, increased soil fertility, etc.), cattle, and the specific knowledge to perform agricultural activities (Mendras, 1970) — *art de la localité* — concept retaken years later by Lacroix (1981) in his definition of *savoir faire paysan* — that refers to the set of stratified knowledge, know-hows, craft skills consolidated over time at the territory and in the PFPU, which determines the way in which a product is produced, consumed or exchanged (Wiskerke, van der Ploeg, 2004; 2013; Milone, 2009).

Chayanov notes that labor and capital provided by the family constitute the main production factors used in the production process to generate gross income. A part of this gross income is "devoted to renewal of capital advanced to its former level in order to keep activity at the former volume, and part to expanded reproduction if the family is expanding its economic activity. All the remainder is [...] to satisfy usual family demands, or for the reproduction of the work force" (1986: 197). The peasant capital has primarily a value related to the functioning of the PFPU: it allows the family farm to produce and have a livelihoods base; moreover, even if a hypothetical rate of return is negative the peasant farm continues to produce because its first aim is not making profit but ensuring a living (van der Ploeg, 2013).

Labor-consumer and utility-drudgery balances

The basis of the peasant rationality is a simple but essential relation that links family consumption needs to labor provision; Chayanov assumes that labor and consumption are balanced under a conscious, rational and voluntary strategy of the household that makes them stay at the point of equilibrium. He stresses that the family is the "primary initial quantity in constructing the farm unit, the customer whose demands it must meet and the work machine by whose strength it is built" (1966: 128). In this logic, the balance of labor and needs of consumption results from the equalization of labor provided by family members (the hands available and able to work in the PFPU) with the number of mouths.

According to van der Ploeg (2013), today, as in the past (though to a lesser degree), it is impossible for the PFPU to survive and reproduce without entering the market and by being isolated from the commodity circuits; thus, the balance is composed of the total produc-

tion (the part for the market and the part for self-consumption) and the consumption satisfying the family needs, many of which are satisfied by entering the market as a seller and a buyer (the family members paid for various needs with the money earned by selling the part of the produce). Labor and consumption are different elements but the fact that they are generated by the same entity implies that they need to converge to a balanced point, because in the PFPU one cannot survive without another being a cause and effect of the same cycle. “Without consumption there would be no labor. And labor would be pointless if there was no consumption” (van der Ploeg 2013: 33).

Despite the “vital” correlation between the two elements, the balance of labor and consumptions is neither constant nor linear or easily predictable in the long run. The most obvious relations that compose this equilibrium is the determination of the farm size by the family size: the peasant farm changes its volume, following the phases of family development; however, it can be influenced by other factors such as the extent to which labor (hands available) can be used; intensity of labor; technical means of production; influence of natural conditions on the productivity of labor, etc. All these elements are elaborated by the family in a broad and holistic strategy of production and survival. The understanding and elaboration of these elements constitute what Chayanov calls the organizational plan of the peasant farm (OPPF) in which every element or factor is not intended by the family as a disarticulated cell; on the contrary, the OPOP is an interdependent whole in which every single part is not “free”; therefore, the elements interact and determine one another’s size or process of development (Chayanov, 1966: 203).

In the organization of the farm another balance also plays a fundamental role — between utility and drudgery. By drudgery Chayanov means the amount of extra effort (e.g. increase in the working-hours per day) needed to increase the total production (and the total farm income), while by utility — the opposite of drudgery referring to an extra benefit or advantage resulting from the increase in production. Every member of the PFPU “stimulated to work by the demand of his family develops *grater energy* as the pressure of these demands become stronger; [...] this brings an increase in well-being” (van der Ploeg, 2013: 38). Thus, the energy developed by a member of the PFPU in the production process depends on the family consumer demands: if the number of consumers per worker increases, the worker’s drudgery has to be increased too, and the output per worker will be higher (e.g., more land to work per single worker).

According to van der Ploeg (2013; 2017), although the balance of utility-drudgery seems to be the same balance that binds labor to consumption, it differs from the latter for it refers to a different level of correlation: the labor-consumer balance comprises the household level by relating number of consumers with number of workers, while the drudgery-utility balance takes into account the worker and his

ability to increase and improve the family well-being with the given labor, by his personal effort, by engaging in more drudgery. This allows the PFPU to both satisfy immediate family consumer demand and (given the enlargement of utility as a consequence of the increase in drudgery) create capital (material and technical improvements of the farm). Thus, the farm is not in the situation of simple survival as a product of the labor-consumer balance, it is a dynamic whole that evolves contributing to the development of its single parts.

Conclusion

Chayanov provided us with essential analytical tools to understand in detail the operation of the peasant mode of production. Moreover, the recent contributions of authors such as van der Ploeg provide a more complete overview of the system of balances that Chayanov described. However, the micro-level analysis alone cannot explain the complexity of the evolution of the TPE in the contemporary capitalist societies. This is not because the TPE is incomplete or not valid, but because the Chayanovian focus was mainly on the peasant household resource allocation and on “the determination of the family labor product in households that were units of production as well as of consumption” (Deere, de Janvry, 1981: 338). Such a micro-lens allowed Chayanov to identify a mode of production that was not necessarily transitory, as argued by the Marxists of his time, especially by Lenin. Therefore, in the current analysis of the peasant economy within the mature capitalism, the ideas of Chayanov are not always univocal but certainly necessary and inevitable.

Quite often the studies of peasantry tend to rely in a univocal and unidirectional manner on the Marxist-Leninist or Chayanovian theoretical frameworks to explain respectively the disappearance of the peasantry or its reproduction (Cortés, Cuellar, 1986; Deere, 1990; Bernstein, 2009). For instance, in Latin America this contraposition is reflected in the debate of *campesinistas* and *decampesinistas*: the former are based on the neo-populist school and stress the impenetrability of the peasant mode of production by capitalism given its internal logic, thus, rejecting the proletarianization (or capitalization) drift (Kay, 1995; Cogua, 2003); while the latter, on the contrary, forecast a pathway of disappearance and social differentiation (Murray, 2006; Zajdband, 2008; Rocha, 2011). Chayanov was not primarily interested in investigating the fate of the peasant mode of production: “we are not concerned with the fate of the peasant farm, nor its historical and national economy conception, nor even the historical development of economic systems. Our task is incommensurably more modest. We simply aim at understanding what the peasant farm is from an organizational viewpoint: What is the morphology of the production machine called the peasant labor farm [...] how the organi-

zational equilibrium is achieved, what are the mechanics of the circulation and replacement of capital in a *private economic sense*, what are the methods for determining the degree of satisfaction and profit [...]. We investigate only *organizational forms of the family farms in agriculture*" (Chayanov, 1966: 44-47).

Thus, if we consider the *campesinista* (persistence) and *decampesinista* (disappearance) views through the Chayanovian theorization, their debates lack theoretical rigor and accuracy, because Chayanov did not see the peasant mode of production as the one to be replaced by capitalism, he did not exclude the possibility for capitalism to "penetrate" peasant farming. Referring to the Russian situation of the early 20th century, Chayanov believed that the peasant "natural economy" was "quite true" for the countryside "was not homogenous" and, besides peasant labor farms (reproduction of the PFPU), it consisted of "numerous semi-proletarian and semi-capitalist farms" (erosion and disappearance tendency) (Chayanov, 1966: 47). Thus, based on the natural limits and functioning of the PFPU, in *The Family Farm as a Component of the National Economy and Its Possible Forms of Development*, Chayanov admitted that some forms of social differentiation can take place in the countryside under the commodity economy due to "the concentration of production in the hands of large peasant farms that paved the way for the further purely capitalist concentration", but the complete social disintegration of the peasant mode of production (and of the peasant class), as the Marxists predicted, does not explain the realities of the countryside (Chayanov, 1966: 245; Cook, Binford, 1986). Moreover, "in history, various economic forms develop, start to decline, and sometimes completely disappear and become a thing of the past. It is quite possible that some forms of the peasant labor farms we study will exist only in chronicles and folk songs" (Chayanov, 1966: 47).

Chayanov did not reject the advancement of capitalism in the countryside, he emphasized the fact that the PFPU can reproduce within a capitalism system but without being "automatically" transformed or assimilated by it: the PFPU can produce even if there are no more conditions for capitalist expansion and when capitalist farms fail, because the PFPU's functioning is driven by the necessity to satisfy basic family needs. In the theoretical perspective, the discrepancy between peasant and capitalist modes of production is based on different interpretations of the transformations of the Russian countryside (Chayanov, 2018b; Chayanov, 2018c), which focus on the differentiation of the rural population and still influence the positions of the agrarian Marxists and "Chayanov's followers": the former explain social inequality by social-economic differentiation pathways that form a bourgeois class and proletarians; the latter emphasize levelling mechanisms that counteract such trends (Cook, Binford, 1986; Cogua, 2003).

The Western peasant studies referring to Chayanov's works and focusing mainly on the TPE tend to underestimate or even ignore the

macro-economic framework (Nikulin et al, 2018). Such Chayanov's works as *Few Studies of the Isolated State* (1923), *My Brother Alexey's Journey to the Land of Peasant Utopia* (1920), and *On the Possible Future of the Peasant Economy* (1928) expand the Chayanovian thinking to a vision of social development that transcended his time. In these works, Chayanov identifies pathways for the coexistence of capitalism and peasant-family economies, for the compromise of rural and urban development, industry and agriculture, and the dialogue of expert and lay knowledge, which marks Chayanov's "amazing fantasy and plastic ingenuity" but also his adaptability to the current agrarian question and his non-limitation to the micro-level (Nikulin, 2017: 6). Thus, the TPE is an essential analytical tool to understand why peasants are still here; however, the functioning of the peasant economy alone cannot explain all the nuances of the peasant conditions today: the Chayanovian perspective for the analysis of the TPE and the peasantry within the capitalistic system is the starting point but it does not need to be the only one.

References

- Akram-Lodhi A.H., Kay C. (2010a). Surveying the agrarian question (Part 1): Unearthing foundations, exploring diversity. *Journal of Peasant Studies*, 37 (1).
- Akram-Lodhi A.H., Kay C. (2010b). Surveying the agrarian question (Part 2): Current debates and beyond. *Journal of Peasant Studies*, 37 (2).
- Araghi F. (2009). Accumulation by displacement: Global enclosures, food crisis, and the ecological contradictions of capitalism. *Review (Fernand Braudel Center)*, 32 (1).
- Araghi F.A. (1995). Global depeasantization, 1945–1990. *Sociological Quarterly*, 36 (2).
- Archetti E., Aass, S. (1978). Peasant studies: An overview. *International Perspectives in Rural Sociology*. New York: John Wiley and Sons.
- Berg van der L., Hebinck L., Roep, D. (2018). "We go back to the land": Processes of re-peasantisation in Araponga, Brazil. *Journal of Peasant Studies*, 45 (3).
- Bernstein H. (2010). *Class Dynamics of Agrarian Change*. Halifax: Fernwood.
- Bernstein H. (2009). V.I. Lenin and A.V. Chayanov: Looking back, looking forward. *Journal of Peasant Studies*, 36 (1).
- Bernstein H. (2003). Farewells to the peasantry. *Transformation. Critical Perspectives on Southern Africa*, 52 (1).
- Bernstein H. (2001) The peasantry in global capitalism. L. Panitch, C. Leys (Eds.). *Socialist Register: Working Classes, Global Realities*. New York: Monthly Review Press.
- Bernstein H. (1979). African peasantries: A theoretical framework. *Journal of Peasant Studies*, 6 (4).
- Bhaduri A. (1981). Class relations and the pattern of accumulation in agrarian economy. *Cambridge Journal of Economics*, 5 (1).
- Bryceson D.F. (1993). *Depeasantization and rural employment generation in sub-Saharan Africa: Process and prospects*. Working Paper. Vol. 19. Leiden: African Studies Centre.
- Byres T.J. (1996). *Capitalism from Above and Capitalism from Below: An Essay in Comparative Political Economy*. London: Macmillan.
- Byres T.J. (1991). Agrarian question and differing forms of capitalist agrarian transition: An essay with reference to Asia. J. Breman (Ed.). *Rural Transformation in Asia*. New Delhi: Oxford University Press.

- Byres T.J. (1977). Agrarian transition and the agrarian question. *Journal of Peasant Studies*, 4 (3).
- Carrosio G. (2014). Energy production from biogas in the Italian countryside: Modernization vs repeasantization. *Biomass and Bioenergy*, 70.
- Chayanov A. (2018a). The current state of agriculture and agricultural statistics in Russia. *Russian Peasant Studies*, 3 (1).
- Chayanov A. (2018b). To the Board of the State Institute of Agricultural Economy (Letter of A.V. Chayanov). *Russian Peasant Studies*, 3 (1).
- Chayanov A. (2018c). On the new trends of the Russian economic thought. *Russian Peasant Studies*, 3 (1).
- Chayanov A. (1966). *The Theory of Peasant Economy*. Manchester University Press.
- Clapp J. (2014). Financialization, distance and global food politic. *Journal of Peasant Studies*, 41 (5).
- Cogua J. (2003). Colombia's Rural Communities: Displacement, Plan Colombia and Alternative Models. Master Thesis. University of Nebraska at Omaha.
- Cook S., Binford L. (1986). Petty commodity production, capital accumulation, and peasant differentiation: Lenin vs Chayanov in rural Mexico. *Review of Radical Political Economics*, 18 (4).
- Corrado A. (2013). Crisi, ricontadinizzazione e lavoro. Storie di transizioni nel nord e nel sud italia. *Sociologia urbana e rurale*, 102.
- Cortés F., Cuellar O. (1986). Lenin y Chayanov, dos enfoques no contradictorios. *Nueva Antropología*, 9 (31).
- Deere C.D. (1990). *Household and Class Relations: Peasants and Landlords in Northern Peru*. Berkeley: University of California Press.
- Deere C.D., De Janvry A. (1981). Demographic and social differentiation among northern Peruvian peasants. *Journal of Peasant Studies*, 8 (3).
- Domínguez D. (2012). Recampesinización en la Argentina del siglo XXI. *Psicoperspectivas*, 11 (1).
- Friedmann H. (2009). Feeding the empire: The pathologies of globalized agriculture. *Socialist Register*, 41.
- Galasso G. (1986). Mondo contadino nella società contemporanea. P. Villani (Ed.). *Trasformazione delle società rurali nei Paesi dell'Europa occidentale e mediterranea (secolo XIX-XX)*, *Atti del Congresso internazionale di Salerno e Napoli 1982*, Napoli: Guida Editori.
- Geels F. (2002). Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: A multi-level perspective and a case-study. *Research Policy*, 31 (8-9).
- Gibbon P., Neocosmos M. (1985). Some problems in the political economy of "African Socialism". H. Bernstein, B. Campbell (Eds.). *Contradictions of Accumulation in Africa*. Beverly Hills: Sage.
- Goodman D., Redclift M. (1985). Capitalism, petty commodity production and the farm enterprise. *Sociologia Ruralis*, 25 (3-4).
- Harrison M. (1977). The peasant mode of production in the work of A.V. Chayanov. *Journal of Peasant Studies*, 4 (4).
- Harrison M. (1975). Chayanov and the economics of the Russian peasantry. *Journal of Peasant Studies*, 2 (4).
- Hean S., Cowley S., Forbes A., Griffiths P., Maben J. (2003). The M-C-M cycle and social capital. *Social Science & Medicine*, 56 (5).
- Hilmi A. (2013). Peasants & Nature. The Role of Peasants in Opening up a Range of Opportunities for Future Generations. Doctoral Thesis, Universitat Politècnica de València.
- Hobsbawm E. (1994). *The Age of Extremes: A History of the World*. New York: Pantheon.
- Hoogvelt A. (2001). *Globalization and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Kay C. (2015). The agrarian question and the neoliberal rural transformation in Latin America. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, 100.

- Kay C. (2006). Rural poverty and development strategies in Latin America. *Journal of Agrarian Change*, 6 (4).
- Kay C. (1995) El desarrollo excluyente y desigual en la América Latina rural. *Nueva Sociedad*, 137.
- Kelly F. (2011). Migration, agrarian transition, and rural change in Southeast Asia: Introduction. *Critical Asian Studies*, 43 (4).
- Kerblay B. (2018). Evolution of the Russian agrarian thought from 1908 to 1930: At the crossroads. *Russian Peasant Studies*, 3(4).
- Kochanowicz J. (1983). The peasant family as an economic unit in the Polish feudal economy of the 18 century. R. Wall (Ed.). *Family Forms in Historic Europe*. Cambridge University Press.
- Kula W. (1976). The seigneur and the peasant family in 18 century Poland. Family and society. *Annales. Economies, Societies, Civilizations*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lacroix A. (1981). Transformations du procès de travail Agricole, *Incidences de l'industrialisation sur les conditions de travail paysannes*. Grenoble: INRA-IREP.
- Lenin V.I. (1960). *Collected Works*. Vol. 3. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
- Lerche J. (2014). Regional patterns of agrarian accumulation in India. B. Harriss-White, J. Heyer (Eds.). *Indian Capitalism in Development*. New York–Abingdon: Routledge.
- Long N. (2001). *Development Sociology: Actor Perspectives*. London: Routledge.
- Long N. (1990). From paradigm lost to paradigm regained? The case for an actor-oriented sociology of development. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, 49.
- Long N., Ploeg van der J.D., Curtin C., Box, L. (1986). *The commoditization debate: Labor process, strategy and social networks*. Agricultural University Wageningen.
- Marx K. (1864) Economic Works of Karl Marx 1861–1864. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1864/economic/cho2b.htm>.
- Marx K. (1906). *Capital. A Critique of Political Economy*. Vol.1. New York: Modern Library.
- Marx K. (1976). *Capital*. Vol. I. Harmondsworth: Penguin Books.
- McMichael P. (2006). Peasant prospects in the neoliberal age. *New Political Economy*, 11 (3).
- McMichael P. (1997) Rethinking globalization: The agrarian question revisited. *Review of International Political Economy*, 4 (4).
- McMichael P. (1996) Globalization: Myths and realities. *Rural Sociology*, 61 (1).
- Murray W.E. (2006). Neo-feudalism in Latin America? Globalisation, agribusiness, and land re-concentration in Chile. *Journal of Peasant Studies*, 33 (4).
- Meloni B. (2013). Sviluppo rurale e progetto sostenibile. B. Meloni, D. Farinella. *Sviluppo rurale alla prova. Dal territorio alle politiche*. Torino: Rosenberg & Sellier.
- Mendras H. (1970). *The Vanishing Peasant. Innovation and Change in French Agriculture*. Cambridge University Press.
- Milone P. (2009). *Agriculture in Transition: A Neoinstitutional Analysis*. Assen: Van Gorcum.
- Mitchell W. (1991). Some are more equal than others: Labor supply, reciprocity and redistribution in the Andes. *Research in Economic Anthropology*, 13 (1).
- Moyo S., Praveen J.Y. (2013). The classical agrarian question: Myth, reality and relevance today. *Agrarian South: Journal of Political Economy*, 2 (1).
- Murray W.E. (2006). Neo-feudalism in Latin America? Globalisation, agribusiness, and land re-concentration in Chile. *Journal of Peasant Studies*, 33 (4).
- Nikulin A. (2017). Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification. *Russian Peasant Studies*, 2 (1).
- Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. (2018). Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*, 3 (1).
- Patnaik U. (1979). Neo-populism and Marxism: The Chayanovian view of the agrarian question and its fundamental fallacy. *Journal of Peasant Studies*, 6 (4).
- Pérez-Vitoria S. (2007). *Il ritorno dei contadini*. Milan: Jaca Book.
- Perramond E.P. (2008). The rise, fall, and reconfiguration of the Mexican ejido. *Geographical Review*, 98 (3).

- Ploeg van der J.D. (2018) *The New Peasantries. Rural Development in Times of Globalization*. Abingdon–New York: Routledge.
- Ploeg van der J.D. (2016). *The importance of peasant agriculture: A neglected truth*. Wageningen University & Research.
- Ploeg van der J.D. (2013). *Peasants and the Art of F: A Chayanovian Manifesto*. Winnipeg: Fernwood.
- Ploeg van der J.D. (2008). *The New Peasantries: Struggles for Autonomy and Sustainability in an Era of Empire and Globalization*. New York: Routledge.
- Polanyi K. (1944). *The Great Transformation*. Boston: Beacon.
- Rocha J.M. (2011). Agricultural intensification, market participation, and household demography in the Peruvian Andes. *Human Ecology*, 39 (5).
- Saka B. (2014). Petty commodity production in the neoliberal phase of global capitalism: The case of grape production in Çanakkale. J.S. Barbosa Cavalcanti, A. Bonanno (Eds.), *Labour Relations in Globalized Food*. Bingley: Emerald.
- Savran S., Tonak E.A. (1999). Productive and unproductive labor: An attempt at clarification and classification. *Capital & Class*, 23 (2).
- Shanin T. (2009). Chayanov's treble death and tenuous resurrection: An essay about understanding, about roots of plausibility and about rural Russia. *Journal of Peasant Studies*, 36 (1).
- Shanin T. (1986). Chayanov's message: Illuminations, miscomprehensions, and the contemporary "Development Theory". D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (Eds.). *On the Theory of the Peasant Economy*. Manchester University Press.
- Shulga O. (2017). Socio-economic contradictions of agrarian relations in the administrative-command economic system. *University Economic Bulletin*, 32/1.
- Thorner D. (1986). Chayanov's concept of the peasant economy. D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (Eds.). *On the Theory of the Peasant Economy*. Manchester University Press.
- Uleri F. (2018). New emerging peasantry and local food: Participatory Guarantee Systems as a strategy to re-localize and re-socialize the organic food quality. A theoretical analysis. *Estudios Rurales*, 8 (16).
- Von Braun J., Diaz-Bonilla E. (2008). Globalization of Food and Agriculture and the Poor. Report of the International Food Policy Research Institute. Issue Brief 52.
- Wiskerke J.S.C., van der Ploeg J.D. (Eds.) (2004). *Seeds of Transition: Essays on Novelty Production, Niches and Regimes in Agriculture*. Assen: Van Gorcum.
- Zajdband A.D. (2008). La resiliencia de los sistemas de agro-acuicultura integrada en la Provincia de Misiones. Doctoral Thesis. Universidad de Buenos Aires.
- Zanfrini L. (2001). *Lo sviluppo condiviso: un progetto per le società locali*. Milano: Vita e Pensiero.

Капитализм и крестьянский способ производства: аналитический подход А.В. Чаянова

Улери Франческа, аспирант, Школа аграрных исследований, Католический университет Святого Сердца, Пьяченца (Италия). E-mail: francesca.uleri@unicatt.it

Несмотря на многократные заявления об исчезновении крестьянства при капитализме, крестьянский способ производства все еще обеспечивает средства существования для миллионов сельских домохозяйств. Опираясь на идеи Чаянова, автор обозначает причины сопротивления крестьянского способа производства капитализму, описывая внутреннюю логику функционирования крестьянского хозяйства и отличия крестьянского способа производства от капиталистического. Сложность и пространственно-временная вариативность сельскохозяйственного производства и социально-экономических укладов зрелого капитализма вытесня-

ют прежний аграрный уклад посредством многочисленных трансформаций (Geels, 2002; van der Ploeg, 2008). Одно из наиболее дискутируемых изменений — траектории сельского развития как сводящиеся к сохранению или, напротив, растворению крестьянского способа производства в ходе модернизации, которая сопровождается эволюцией и консолидацией капиталистических систем. Судьба крестьянства, или «крестьянский вопрос», — основная проблема более широких споров по «аграрному вопросу», который марксистская политэкономика определяет как набор аграрных трансформаций, обеспечивающих проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство и его превращение из докапиталистического, феодального или полуфеодального в капиталистическое (McMichael, 2006; Akram-Lodhi, Kay, 2010a; 2010b; Lerche, 2014). Однако нынешние реалии противоречат марксистскому сценарию: крестьянский способ производства расширяет свои границы и порождает *реокрестьянивание* как жизнеспособную альтернативу капиталистическому сельскому хозяйству (Domínguez, 2012; Corrado, 2013; Carrosio, 2014; van der Berg et al., 2018). Автор предлагает обзор классических концептуализаций судеб крестьянства и объясняет, «почему крестьяне все еще здесь», опираясь на пространственно-временной анализ крестьянского хозяйства с микроэкономических позиций и теорию крестьянского хозяйства, предложенную Чаяновым в начале XX века.

Ключевые слова: крестьянство, капитализм, Чаянов, капитал, труд

Последний «семидесятник»: к биографии Василия Николаевича Григорьева (1852–1927)¹

Т.А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики, сотрудник Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119435, Москва, Большая Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Статья посвящена биографии одного из основателей земской статистики, исследователя крестьянского хозяйства в России второй половины XIX — начала XX века В.Н. Григорьева. Впервые подробно изучены основные этапы его жизни и деятельности: формирование мировоззрения, создание земской статистики в Рязанской губернии, ссылки в Кинешму, Симферополь и Воронеж, статистические исследования городского хозяйства и населения Москвы. Особое внимание уделено изучению Григорьевым положения крестьян южных уездов Рязанской губернии в пореформенный период, приведшему к конфликту с дворянским большинством земства. Освещается работа Григорьева в статистическом отделе Московской городской управы и его деятельность в управлении городским хозяйством в качестве члена управы с 1897 по 1917 год. Впервые вводится в научный оборот ряд архивных источников личного происхождения.

Ключевые слова: земская статистика, история крестьянства, Рязанская губерния, Московская городская управа, В.Н. Григорьев, В.Г. Короленко

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-61-77

В некрологе Григорьева А.В. Чаянов писал: «Если бы кто-нибудь из друзей его юности в столь знаменательные для истории русской интеллигенции 70-е годы попросил Василия Николаевича изложить вкратце те основы жизни и работы, которые он считает идеальными для русского интеллигента, то повествование молодого Григорьева мало чем отличалось бы от той биографии, которую ему впоследствии удалось пережить» (Чаянов, 1927б: III). Отдавая дань преданности поколения русской интеллигенции 1870-х годов философским и этическим идеалам молодости, он назвал Василия Николаевича Григорьева последним семидесятником.

1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия»

ИСТОРИЯ

В.Н. Григорьев родился в Москве 15 марта 1852 года в большой дворянской семье. Он был младшим сыном помещика Владимирской губернии Николая Ивановича Григорьева, к моменту рождения сына давно находившегося в отставке, но, очевидно, не представлявшего для сыновей иной участи, чем военная служба. По воле отца Василий окончил курс в Нижегородской военной гимназии, а затем в Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге и, прослужив два года саперным офицером, поступил в Высшую инженерную академию. Однако в 1874 году, не желая продолжать успешно начатую военную карьеру, он вышел в отставку в чине поручика и поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию².

В основе первого устава Академии (1865) лежали неограниченный доступ для всех желающих и свобода преподавания и обучения, что побуждало власти к ограничению этой свободы, а студентов к борьбе за нее. «“Петровка” 70-х годов, — писал Чаянов, — это целая эпоха в истории русской интеллигенции. Водоворот политических страстей и увлечений, окончившийся, как известно, нечаевским делом» (Чаянов, 1927б: III). Идея служения народу, воплощенная в статьях П.Н. Ткачева, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского абсолютно по-разному, была предметом жарких споров петровцев. Их любимые стихотворения: «По чувствам братья мы с тобой...» (А.Н. Плещеева), «Свободы гордой вдохновенье...» (Н.М. Языкова), «Смело друзья! Не теряйте бодрость в неравном бою...» и «Крепко дружно вас в объятья...» (поэта и революционного деятеля 1860-х годов М.Л. Михайлова) стали студенческими песнями «Петровки» 1870-х годов. «Народничество внесло в наше поколение то, чего не доставало «мыслящим реалистам» предыдущего: оно вносило веру не в одни формулы, не в одни отвлеченности. Оно давало стремлениям некоторую широкую, жизненную основу», — писал В.Г. Короленко в «Истории моего современника» (Короленко, 1990: 454). Вспоминая о Григорьеве, он отмечал его удивительную способность сходитьсь с людьми и признавался, что Василий Николаевич оказал огромное влияние на формирование его мировоззрения. Они дружили и переписывались всю жизнь. В декабре трудного 1921 года, несмотря на слабое здоровье, Григорьев поехал навестить больного друга в Полтаву, заболел там тяжелым воспалением легких, но все-таки присутствовал на похоронах Короленко, а затем с большим трудом, стараниями своего зятя и члена коллегии Наркомзема А.В. Чаянова, вернулся в Москву.

Не удивительно, что в 1876 году именно Григорьев и Короленко стали инициаторами протеста студентов против

2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).
Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 2. Л. 1. Curriculum vitae В.Н. Григорьева.

неуважительного к ним отношения. Администрации академии был подан список с 96 фамилиями (Там же: 463). Позднее к ним присоединился К.А. Вернер, с обращением еще 11 студентов. Все трое активистов студенческого протеста были исключены из академии, арестованы и по распоряжению министра внутренних дел от 24 марта 1876 года высланы административным порядком: Григорьев — в Пудож Олонецкой губернии, Вернер — в Глазов Вятской, Короленко — в Усть-Сысольск Вологодской. Последнему благодаря хлопотам семьи разрешили жить в Кронштадте. Через год по окончании срока ссылки Григорьев и Короленко встретились вновь в Петербурге, жили в одной квартире и строили общие дальнейшие планы «переустройства общества». Например, чтобы идти в народ в качестве странствующих сапожников, занялись изучением сапожного мастерства (Там же: 522–531). В 1879 году оба вновь были арестованы, после чего Короленко отправился в свои «тюремные скитания», а Григорьев, освобожденный в административном порядке и находясь под надзором полиции, в том же году начал свой путь статистика с исследования Павловских замочно-ножевых промыслов в Горбатовском уезде Нижегородской губернии.

Рязанская земская статистика

Рязанская губерния являлась типичной аграрной губернией земледельческого центра Европейской России. Несмотря на то что с момента освобождения крестьян прошло 20 лет, его условия не могли не влиять на жизнь крестьянского хозяйства. Из дворянской земли губернии мелкопоместным имениям принадлежало всего 7,6%, хотя количественно они преобладали, а 50,9% находилось в крупных помещичьих латифундиях (Попов и др., 1991: 79), хозяева которых в период работы губернского комитета по крестьянскому делу вели борьбу против освобождения крестьян с землей. Рязанский вице-губернатор М.Е. Салтыков в своем письме В.П. Безобразову от 29 июня 1858 года отмечал: «Рвения к освобождению крестьян незаметно никакого, а, напротив, слышен повсюду плач и скрежет зубовой» (Салтыков-Щедрин, 1937: 137). Все-таки 22 члена комитета приняли решение об освобождении крестьян с землей за выкуп, тогда как даже А.И. Кошелев (в будущем один из самых прогрессивных земских деятелей в России), как член комитета от правительства, не согласился с этим, считая такой шаг несвоевременным, и строго следовал правительственной программе (Попов, 1974: 62–63). Работа комитета сводилась к борьбе либеральных деятелей за влияние в нем, а ее результатом стало появление двух проектов: «большинства» во главе с Ф.С. Офросимовым и правительственных членов А.И. Кошелева и Д.Ф. Самарина. Последний предполагал сохранение зависимого положения крестьян до полного выкупа

земли и ограничивал размеры земельных наделов, и без того недостаточных для прокормления крестьянской семьи. Проекты объединяло «общее желание найти подобающее место дворянству после освобождения крестьян» (Там же: 77). Записка, составленная 156 рязанскими дворянами и названная «Проект освобождения крестьян Рязанской губернии с землей», предлагала тотчас после освобождения отвести крестьянам землю с обязательным выкупом, оставляя существующие высшие размеры наделов по правую сторону Оки — 2 десятины 450 сажений на ревизскую душу, а по левую — в 2,5 десятины (Там же: 85). Тогда как Ю.Э. Янсон определил размер минимального душевого надела для черноземной полосы, позволявшего крестьянину сводить концы с концами, в 5 десятин (Янсон, 1877: 66).

В первый период после введения земских учреждений Рязанское земство отличалось активностью как дворян, так и крестьян. В своих записках А.И. Кошелев отмечал: «Особенно радовало меня то, что в числе гласных было много крестьян и купцов, что собрание было всеословное и что из дворян никто не проявлял крепостнических или сословных стремлений. Как все это впоследствии изменилось!» (Записки, 1997: 125). Поразило его и независимое поведение гласных-крестьян в первом Сапожковском уездном земском собрании. И хотя в губернском собрании преобладали дворяне, многие из них были настроены либерально, в частности, председатель губернской управы кн. С.В. Волконский, А.И. Кошелев, Ф.С. Офросимов, Д.Д. Дашков, А.Д. Повалишин, братья А.Н. и С.Н. Левашовы.

В 1880 году Кошелев выступил с инициативой об организации при управе статистического отделения с приглашением (по указанию В.И. Орлова) специалиста с тремя помощниками и определил расход на 1881 год примерно 5 тыс. рублей. При этом гласный указал на непроизводительность губернского статистического комитета, смета которого составляла 2 тыс. рублей. Для заведывания статистическими работами был приглашен Григорьев, который и начал их организацию в марте 1881 года. Уже современники причисляли Василия Николаевича к когорте основателей земской статистики, какими наряду с ним являлись В.И. Орлов, Н.Н. Романов, В.Н. Покровский, П.П. Червинский и др. Новое дело требовало сочетания «научно подготовленного, преданного инициатора-деятели и вместе с тем чернорабочего, способного отдаться тяжелой, неблагодарной работе» (Сазонов, 1884: 148).

Многие подробности этой работы удалось узнать из писем Григорьева его будущей жене Софье Вернер³. Вот как он описывал

3. Софья Антоновна Вернер (1864–1928) — сестра пяти братьев Вернеров: Константина — статистика, экономиста, профессора МСХИ; Ипполита — статистика и экономиста, а также Евгения, Михаила и Алексея — журналистов, издателей, предпринимателей.

5 мая 1881 года ход исследования Рязанского уезда: «...Наша работа движется вперед и вперед, галошируя; последнее особенно относится к Леониду Семеновичу (Личкову), который с 3-х часов ночи сход собирает и чуть ли не в полночь кончает работу. Еще неделька с небольшим, и мы закончим весь уезд по сю сторону Оки (Женя-то⁴ это знает и поймет, как быстро дело движется), и мы перенесемся за 80 верст в совершенно новые условия — в страну раскольников и бабьих сходов, так как чуть ли не все мужики уходят на заработки. Закончив Мещерский край, мы закончим свое разыскание по Рязанскому уезду, но еще массу материала нужно будет собрать. Кроме того, придется порыться в разных архивных документах, а мне лично поехать по помещикам, что особенно удобно сделать в июле, когда наступит рабочее время, когда многие из помещиков будут дома. Хотелось бы воспользоваться июлем и порыскать вне Рязанской губернии, да придется, если не вовсе отказаться от этого, то сократить свои порывы до самых скромных размеров»⁵.

Письма наполнены не только рассказами о работе статистиков, но и великолепными описаниями мест, советами старшего друга, интересующегося учебой Софьи на курсах Герье и ее новыми знакомствами, лирическими стихами, признаниями истинного «семидесятника»: «Я тебе вполне верю, должна и ты верить мне: я тебе никогда не лгу и слишком тебя уважаю, чтобы позволить себе малейшую фальшь пред тобой, хотя бы ради рисовки, ради того, чтобы выиграть в твоих глазах»⁶.

И вновь об исследованиях. Письмо 4 сентября 1881 года, Рязань: «Завтра еду в Раненбургский и Данковский уезды на самый юг губернии, будем ездить по деревням, собирая сырой материал. Но мне необходимо вернуться недели через три в Рязань, чтобы начать писанье текста предполагаемого сборника по Рязанскому уезду. Что и говорить, дела много»⁷.

25 апреля 1882 года, Рязский вокзал:

«22-го апреля я с тремя из своих сотоварищей выехал в Данков, пробыв там 1,5 дня, перетолковал о наших предстоящих работах в уезде, условился, откуда и как начать наши исследования, и затем вернулся в Раненбург (Данков от Раненб[урга] 60 верст на лошадях), где ждали меня остальные сотоварищи по работам, и я с ними теперь уже лечу в Скопин, чтобы там устроиться как следует»⁸.

15 мая 1882 года, г. Скопин:

«Дело идет хорошо, все ладится и спорится: все съехались к условленному сроку и месту, все идут на работу охотно, даже

4. Евгений Антонович Вернер работал у Григорьева статистиком.

5. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 3. Л. 3–3об.

6. Там же. Л. 48.

7. Там же. Л. 10об.

8. Там же. Л. 38.

Истомин («как будто болван» по Орлову) засел за дело даже здесь и, думаю, будет работать, по крайней мере, усердно, если не особенно хорошо. Таков уж дух у всех наших сотоварищей, что затягивает всякого заступающего на нашу работу. Если все пойдет, как думаю, числу к 10-му июня мы закончим Данковский уезд и переберемся сюда ...»⁹

16 июня 1882 года, г. Скопин:

«Представь сход мужицкий, бурный. Много горя они порасскажут, горя мужицкого, не деланного, а вытекающего из страшно тяжелых условий их окружающих. Подчас много переживешь среди их доверчивого сетования и от этого устаешь больше, чем от работы записыванья всего слышанного. Поеду в другую деревню на новый сход, на новую беседу в том же роде. Староста оповещает сход, сход соберется не раньше, как через полчаса, — и вот этим-то временем я всегда пользуюсь, уходя куда-нибудь под сень дерев, иногда разбираясь в только что полученных впечатлениях, но чаще уносясь мыслью далеко-далеко от предстоящих новых расспросов, и это становится иногда положительно необходимым — подобное анахоретство освежает, дает силу к более внимательной беседе... Снова начиналась работа, снова кипели расспросы и слышалось задумчивое шептанье: «ишь — до всего доходит, все разузнает! ... много же горя мужицкого понаслушается он — ведь не забудет!»¹⁰

23 июня 1882 года, г. Скопин:

«Поездки по деревням интересны вообще, и последние едва ли не больше других. Мало того что встречал немало интересных фактов, освещающих экономическую жизнь крестьянина, но встречаю очень интересных, симпатичных и развитых людей из крестьян же. Да, брат Соня, и там не «вековая тишина», хоть и не «гремят витии», но жизнь идет своей тяжелой поступью опыта и идет... не назад. Там молодое поколение иногда борется со стариками мироедами и не сомневается в победе. Мне встретились двое чрезвычайно толковых и симпатичных крестьян: одному из них — 28, другому — 35 лет. Они настолько любят чтение, что читают много и разумно, умеют отличить направление журнала (любимый Отеч[ественные] Зап[иски]), прежде выписывали журналы, а теперь записались в скопинскую библиотеку (их село за 18 в[ерст] от Скопина). Конечно, я с ними познакомился, познакомился потом еще ближе, обещали бывать»¹¹.

28 августа 1882 года, г. Скопин:

«Если Ипполит не уехал¹², скажи ему, что бланк пообщинный давно готов, задержка за печатанием, но все же в первых числах

9. Там же. Л. 45.

10. Там же. Ед. хр. 4. Л. 60б.

11. Там же. Л. 7 с об.

12. И.А. Вернер был приглашен возглавить Курское земское статистическое бюро.

сентября будет готов и пришлю, куда скажет. Счастливым путем ему! А Орлов катит дальше в Самару? Расходилась Иверская! Лиха беда подняться, а там успеха и ей!»¹³

26 ноября 1882 года, г. Скопин:

«О, эта статистика! Наряду с немалым количеством самых светлых минут она дает мне и положительно удручающую массу работы!»¹⁴

После статистического обследования Рязанского уезда и еще трех южных уездов губернии (Данковского, Раненбургского и Скопинского) к очередному декабрьскому губернскому земскому собранию управой было отпечатано два выпуска «Сборника статистических сведений по Рязанской губернии», включающих таблицы экономических сведений по Раненбургскому и Данковскому уездам. Кроме таблиц сборники впервые имели «дополнения к экономическим таблицам», содержащие анализ наиболее характерных черт экономического состояния общин: удобство надела, основание разверстки надельной земли, главные особенности и способ ее обработки, условия аренды и заработков. Из дополнений можно было, например, понять хозяйственную выгоду или невыгоду надела. Именно дополнения вызвали бурю возмущения среди консервативно настроенных земцев. Они находили, что «Сборник» «составлен ложно, факты в нем будто бы извращены и все направление сборника ведется к тому, чтобы взволновать крестьянские умы» (Внутреннее обозрение, 1883: 67).

В губернском собрании в течение пяти заседаний кипели нешуточные страсти. Один из гласных торжественно разорвал сборник. Доводы либералов о том, что статистики ни при чем, они только записывали факты со слов крестьян, не подействовали. Проверять их достоверность в архиве губернского по крестьянским делам присутствия никто не стал. Рязанские земцы приняли решение об уничтожении «дополнений», закрытии статистического отделения и запрещении к распространению его трудов. Причиной этого отчасти послужило откровенное описание В.Н. Григорьевым условий земледельческого хозяйства бывших помещичьих крестьян, способствовавших переселению в поисках лучшей жизни. Кому же из губернских гласных, в большинстве своем местных землевладельцев, могло понравиться желание автора заметить, «что крестьяне, получая за полную обработку и уборку десятины от 3 до 5 р. (изредка 6 р.), по большей части забирают деньги вперед за год, за два, и что зажиточный крестьянин всячески избегает такой работы, как крайне вредной для его хозяйства. Местные землевладельцы прекрасно это понимают и нередко сдают в аренду землю при непременно условии в счет арендной платы обработать и убрать определенное число десятин экономии; при

13. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 4. Л. 190б.

14. Там же. Л. 45.

Т.А. Савинова
Последний «семи-
десятник»: к био-
графии Василия
Николаевича Гри-
горьева (1852–1927)

этом имеется в виду совершенно верный расчет, что нужда в земле заставит крестьянина взять ненавистный для него заработок» (Григорьев, 1885: 42). Вывод Григорьева о «нужде во всех её видах и в особенности несоразмерности количества наделной земли с рабочими силами семьи» не устраивал губернское земское собрание.

20 декабря 1882 года статистик делился переживаниями несправедливой оценки его труда с Вернер: «Дорогая моя Соня, сейчас иду в Собрание — будет буря... Я уже послал телеграмму в Москву, что статистика наша закрыта при страшно бурном заседании земцев, обиженных нашим разоблачением дворянских проделок при наделении крестьян землей. Я не был на том бурном заседании, но, говорят, очень интересное оно: публики была масса, и все сочувствовали гласным, защищавшим статистику, и стали много раскупать нашу книгу (до 40 экземпляров разошлось), пока собрание не постановило (большинством 18 против 16) воспретить продажу... Постараюсь быть у вас 22–23-го, как только можно будет вырваться из здешней свалки. Иду на собрание, обнимаю тебя! Твой В. Григорьев»¹⁵.

На январском собрании выяснилось, что поход против статистики был больше направлен против управы и ее председателя А.В. Алянчикова, это был повод добиться его отставки, а новый председатель кн. Гагарин даже готов предложить заведывание земской статистикой все тому же Григорьеву. В следующем письме от 20 января 1883 года Григорьев ставит точку в деле последних двух лет своей жизни: «...Дела статистики идут плохо: сегодня, вероятно, с ней все будет покончено, так как вчера перерыхлили сделанное во вторник. Признаться, я чуть ли не рад такому исходу дела: уж очень противен состав собрания, при нем царит полное отсутствие устойчивости линии, полное отсутствие интересов всех, кроме грязно-партиозных. Работа при этом была бы очень тяжела. Мне здесь очень много дела, так что едва ли удастся выехать сегодня... Утомляет даже самое слушание всей здешней дребедени, но надо дослушать до конца»¹⁶.

Земским собранием было решено продолжать статистические исследования через сельских учителей, заведывание которыми было поручено секретарю губернского статистического комитета А.В. Селиванову. Исследования было разрешено печатать только по распоряжению губернской управы. Следующее решение о приглашении специалиста в земское статистическое бюро состоялось только в 1892 году (Велецкий, 1899: 118, 120).

На основе статистических данных, собранных в 1881–1882 годах в южных уездах Рязанской губернии, Григорьевым была написана работа «Переселения крестьян Рязанской губернии», удостоенная

15. Там же. Л. 51.

16. Там же. Ед. хр. 5. Л. 2.

Императорским Московским университетом половины премии им. Ю.Ф. Самарина. Ее главы были опубликованы в журнале «Русская мысль» (1884. № 1–4), а затем отдельной книгой в качестве приложения к журналу (1884. № 6). На сочинение В.Н. Григорьева появились два отзыва членов комиссии по присуждению Самаринской премии А.И. Чупрова и А.И. Кошелева, памяти которого был посвящен труд.

В отзыве А.И. Чупрова прежде всего отмечалось, что весь «обширный материал, положенный в основу названного сочинения, собран исключительно самим автором во время производства статистических работ по поручению рязанского земства» (Григорьев, 1885: I). Несмотря на то что труд Григорьева был посвящен только переселенческому вопросу, ценность исследования состояла в том, что оно было построено не на единичных наблюдениях, а являлось результатом изучения нескольких тысяч однородных случаев по одной программе. Одновременно с исследованием переселений проводилось изучение местного крестьянского хозяйства, по одной и той же программе описывались как оставшиеся на месте, так и выселившиеся крестьянские дворы. Кроме обследования крестьянских хозяйств, статистик собрал письма переселенцев и данные о хозяйственном положении переселившихся у соседей, которые часто покупали их имущество. Собрав воедино все сведения, Григорьев смог определить денежные суммы, взятые переселенцами, количество скота, рабочую силу семей и другие показатели, которые давали полную характеристику переселенческого двора. В первой главе работы статистик исследовал историю переселений во всех уездах, их размеры и направление, во второй главе — причины движения крестьян, которыми являлись условия ведения земледельческого хозяйства, наконец, в третьей — ход передвижения переселенцев и последствия переселений. В приложении были даны письма переселенцев, программа исследований и сравнительные экономические таблицы переселенцев 1877–1882 годов и населения тех общин, откуда они вышли. В исследовании была изучена местность, в которой переселенческое движение достигло едва ли не самых больших масштабов в России. В то же время эта местность по многим показателям (качеству почвы, плотности населения, условиям аренды, развития промыслов) была типичной для черноземного центра, поэтому выводы Григорьева, отмечал Чупров, «одинаково интересны и практически важны как для рязанского, так и для воронежского или курского выходца» (Там же: V).

Выводы же его были таковы: 1) в период 1859–1882 годов из трех южных уездов Рязанской губернии выселилось 6% всего наличного населения; 2) переселенческое движение гораздо сильнее охватило государственных крестьян, нежели бывших помещичьих; 3) на период 1877–1881 годов падает наибольшее количество всех переселений (59%); 4) изменилось направление переселений — в период 1877–1882 годов 81% всех выселившихся

крестьян направились в Томскую и Тобольскую губернии, а не в южно-русские губернии и на Кавказ, как это было прежде. Кроме количественных выводов, автор определил, что переселяющимися были как зажиточные крестьяне, так и бедняки, но все-таки «главной побудительной причиной переселенческого движения является нужда во всех ее видах» (Там же: 54). Он также описал сам процесс переселения — от посылки ходоков до приписки к новым местам. По мнению Чупрова, «изложенные заключения имеют высокую практическую важность. Много полезных указаний может извлечь из них правительство при установлении правил по части переселений, но еще больше ценных сведений найдут в них те крестьяне, которым приходится ныне своим карманом, здоровьем, а иногда и жизнью расплачиваться за малое знакомство с путями и способами переселений» (Там же: X).

Проза ссылки и поэзия любви

Собственноручная автобиография Григорьева уместилась на одном тетрадном листке, и жизненному периоду 1883–1886 годов в ней совсем нет места. Может быть, в силу того, что он был наполнен для статистика несправедливым наказанием, скитаниями и разлукой с любимой.

После отъезда из Рязани к сестре в Кинешму в марте 1883 года Григорьев получил распоряжение Департамента полиции о водворении его в этом городе под гласный надзор на 4 года. Из Рязани ему написали, что произошло это благодаря одной влиятельной даме, имеющей знакомство в Петербурге и сильно обиженной земской статистикой. Судя по письмам, такой поворот судьбы был для него неожиданным ударом и серьезно повлиял на моральное состояние. В один миг стала невозможной уже привычная разъездная статистическая работа, живое общение с коллегами и с любимой. Во многих письмах Софье из Кинешмы Григорьев говорит о неопределенности своего положения, о любви, о невозможности жить в разлуке четыре года: «Да, люблю тебя хорошею любовью... именно тебя, Соню Вернер, а не себя в тебе: мне будет тогда хорошо, когда ты будешь счастлива, и почему-то верится, что сумею сделать тебя счастливою, а сам-то как буду счастлив!»¹⁷ Отвлекали походы на охоту — стрелять вальдшнепов и прогулки по Волге под парусом: «Я вчера в изрядную бурю 5 верст без оглядки летал на парусе по Волге против течения. Вернулся в 11 часов вечера.

Волны бушуют, кипят, рассыпаются
Вокруг челнока-скорлупы.

17. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 5. Л. 25.

Мощно в просторе гул, рев отзывается
Их разъяренной толпы!»¹⁸

Т.А. Савинова

Последний «семи-
десятник»: к био-
графии Василия
Николаевича Гри-
горьева (1852–1927)

Василий Николаевич обратился к Чупрову с просьбой похлопотать за него у директора Департамента полиции В.К. Плеве, с которым тот был близко знаком.хлопоты увенчались успехом, Григорьеву, «в связи с состоянием здоровья», был разрешен переезд в Симферополь с кратковременным пребыванием в Москве. В мае 1884 года он побывал у Чупрова и в редакции «Русской мысли», и теперь ему предстояло «много интересной работы». Всю вторую половину 1880-х годов статистик являлся постоянным автором этого журнала, публикуя в нем статистические обзоры и статьи.

Таврическое земское статистическое бюро было учреждено в январе 1884 года, его возглавлял К.А. Вернер, а помощником был С.А. Харизоменов. О работе бюро в сентябре 1884 года Григорьев писал А.Ф. Фортунатову: «Вы хотите знать о здешних статработах. Дело идет на лад, благодаря громадному интересу к делу, какое вкладывают в него Антоныч и Харизоменов со товарищи. По всей вероятности, к январю (губернское собрание) отпечатают Мелитопольский уезд и закончат исследования по другому уезду (Феодосийскому). Но работа по последнему чрезвычайно затрудняется татарским элементом: мало того что приходится говорить через переводчика, но вдобавок татары издавна напуганы и дают заведомо неверные показания о своем скоте, виноградниках и пр. Тем не менее Антоныч уверяет, что и сведения все же получает точнее земских. В других селениях, не татарских, сведения получаются вполне удовлетворительные и чрезвычайно интересные. Лично я живу возможно сносно при данных условиях; очень бы хотелось работы на местах, но невозможное — невозможно, приходится работать по чужим наблюдениям»¹⁹. Именно в Симферополе, лишенный возможности экспедиционных исследований, занимаясь исключительно камеральными работами, Григорьев приходит к мысли о необходимости обзоров земских статистических работ по разным губерниям и советуется об этом с Фортунатовым: «Хотелось мне сделать сводку добытых данных по разным местностям, но, принявшись за это, я увидел всю трудность и медленность этой работы. Мне даже кажется, что легко сделать выводы, далеко отстоящие от действительности, если довольствоваться одними таблицами, например, крестьянского хозяйства. А между тем познакомить публику с экономическими данными, добытыми земскими статистическими исследованиями, мне кажется очень полезным, и я хочу дать ряд библиографических

18. Там же. Л. 37.

19. ОР РГБ. Ф. 377. К. 2. Ед. хр. 41. Л. 4.

заметок, заметок несколько новых, чем до сих пор... Имеют ли смысл такие заметки по-Вашему?»²⁰

В 1884–1887 годах им были написаны обзоры статистических исследований семи губерний: Тамбовской, Курской, Самарской, Екатеринославской, Воронежской, Саратовской и Смоленской, последовательно публиковавшиеся «Русской мыслью», и, наконец, один «Общий обзор земско-статистических работ» за 1885–1886 годы, содержащий краткую характеристику статистики 22 земских губерний из 34.

В декабре 1884 года Григорьев был выслан в Воронеж, где он также должен был довольствоваться кабинетной работой в статистическом бюро, возглавляемом Ф.А. Щербиной. Его пребывание здесь должно было продлиться до 17 марта 1887 года, но по ходатайству матери 27 августа 1885 года он был освобожден от гласного надзора полиции. Из письма Варвары Сергеевны Григорьевой императору: «...Муж мой и два сына моих с честью служили в Бозе почившим Деду, и незабвенному Родителю Вашего Императорского Величества, и последние двое на поле брани живот свой положили в последней Турецкой войне. Сердце матери не обманывает меня, что и этот сын мой, после так много перенесенных страданий, принесет пользу своему отечеству и будет верным слугой своего государя»²¹. В марте 1886 года статистику было разрешено проживание в Москве и поступление на службу в статистическое отделение Московской городской управы под личную ответственность городского головы Н.А. Алексеева, который «гнул в бараний рог столичную администрацию и полицию и сломил упорство петербургской охранки» (Михайловский, 1925: XI). Негласный надзор за Григорьевым был прекращен только 29 мая 1890 года.

Московский период деятельности В.Н. Григорьева

При Московской городской думе с 1877 года существовал статистический отдел, организованный гласным думы М.П. Щепкиным и действовавший независимо от городской управы. Отдел занимался разработкой результатов городской переписи 1882 года, но к моменту возвращения в Москву Григорьева практически прекратил свое существование. Ему предстояло организовать городскую статистику заново, для этого необходимо было наладить хорошие отношения с управой и с Алексеевым лично, который не придавал особого значения научной статистике и теоретическому изучению вопросов общественной жизни, однако для обоснования фискальных или хозяйственных мероприятий

20. Там же. Л. 4 об.

21. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 1136. Л. 370б.

к статистическим данным относился трепетно. Григорьеву удалось найти общий язык с городской головой. Статистическое отделение издавало справочники цен, публиковало таксу на печеный хлеб, разрабатывало нормы оценки недвижимых имуществ, составляло списки избирателей в городскую думу.

Одной из первых работ статистического отделения стало составление «Статистического атласа города Москвы», главным источником которого послужили материалы переписи 1882 года. Создание атласа было продиктовано в основном практическими целями: «...удовлетворить весьма понятному желанию практических деятелей получить возможно скорую и точную справку о жизни Москвы, по крайней мере, о некоторых важнейших ее сторонах» (Григорьев, 1887 а: II). Заведующим отделением были написаны предисловие и обзоры диаграмм и картограмм, в составлении которых принимали участие все сотрудники, особо руководитель отметил Г.А. Познякова. В 1899 году Московская городская дума приняла решение проводить городские переписи каждые 10 лет. Материалы переписей 31 января 1902 и 6 марта 1912 годов обрабатывались и публиковались сотрудниками статистического отдела с привлечением приглашенных счетчиков уже под руководством учеников Григорьева — Познякова и Михайловского.

Решение практических задач использовалось Григорьевым для проведения обширных статистических работ. Например, при определении таксы на печеный хлеб статистиками было предпринято обширное обследование хлебопекарного промысла, собраны цены на муку и хлеб в Москве с XVIII века (Григорьев, 1889). Для выработки оценочных норм Григорьев впервые статистически исследовал жилищный вопрос в Москве (Григорьев, 1887б). Благодаря его усилиям отделению были переданы статистика школьного образования Москвы и смертности населения города.

В.Г. Михайловский считал Василия Николаевича основателем целой школы московской городской статистики, которая, в отличие от отвлеченной петербургской, сочетала в себе научные интересы и служение практическим нуждам городского населения. К ученикам Григорьева вместе с собой он причислял Г.А. Познякова, Л.Б. Кафенгауза, Н.А. Свавицкого, В.И. Массальского, С.В. Сперанского, Д.А. Волжина (Михайловский, 1925: XII–XIII). В этот период Григорьев не порывал своих связей с земской статистикой. Он был участником всех ее съездов, активно работал в заседаниях статистического отделения Московского юридического общества. В 1889 году при своем статистическом отделении создал справочное бюро по приисканию работы земским статистикам.

В 1897 году Григорьев был избран членом Московской городской управы, оставаясь при этом заведующим статистическим отделением. На рубеже веков московское городское управление развивало свою деятельность по муниципализации городских предприятий, продолжались работы по расширению городского

Т.А. Савинова
Последний «семи-
десятник»: к био-
графии Василия
Николаевича Гри-
горьева (1852–1927)

водопровода, начиналась постройка городской канализации, город выкупал московскую «конку», рассматривались проекты строительства новых железнодорожных путей, московской окружной дороги и метрополитена. Городской бюджет в 1886 года, когда статистик начал работу в московской управе, составлял 6 млн рублей²², а к 1900 году уже 13 млн 145 тыс. рублей (Астров, 1941: 254). Во многих из этих работ Григорьев принимал самое активное участие как инженер, легко ориентирующийся в вопросах строительства. По воспоминаниям занимавшего в те годы должность Городского секретаря Н.И. Астрова, Григорьев, заведовавший благотворительным отделением управы, выделялся из всех ее членов и слыл самым «левым»: «Василий Николаевич всегда был окружен лицами, которые чаще всего попадали в административную беду; по его отделению чаще всего не утверждались служащие» (Астров, 1941: 271). Руководимому им отделению удалось осуществить несколько начинаний на благо малоимущего населения Москвы: основать городские попечительства о бедных, расширить помощь нуждающимся на дому, начать постройку дешевых квартир для рабочих в нескольких районах города. Особенно много дела было у него после начала Первой мировой войны. В Москву хлынули беженцы, как он писал сестре, «чуть ли не целыми городами...; семьи чиновников, выселяемых из Варшавы, Риги, много рабочих-латышей — всем им на первое (а порой и на долгое) время надо дать приют и прокормление, хотя бы и скромные. Готовимся к приему калек, детей-сирот и уже устраиваем и тех, и других...»²³

В 1917 году после 32 лет службы в московском самоуправлении Григорьев вышел в отставку с годовой пенсией в 6000 рублей и уехал на юг, в Сочи отдыхать и лечиться. Вернуться в Москву он смог только в конце 1920 года.

А.В. Чаынов, сам занимавшийся бюджетными исследованиями крестьянского хозяйства и высоко ценивший весь предыдущий опыт русской статистической мысли, в 1921 году предложил Григорьеву взять на себя создание предметного указателя материалов земской статистики, накопленных за все годы ее существования, в рамках работ кабинета сельскохозяйственной статистики при НИИ сельскохозяйственной экономики и политики. В предисловии ко второму выпуску указателя он писал: «Василий Николаевич отдал этой работе, представляющей собой весьма глубокий и выдержанно систематический анализ почти всей земской статистической литературы, одним из видных основателей которой он сам был, последние годы своей жизни и последние свои силы. К сожалению, смерть прервала его работу и не дала ему возможности окончить этот поистине монументальный библиографический труд, требующий не только исключительной трудоспособности,

22. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 11. Л. 23.

23. Там же. Ед. хр.13. Л. 106. — 2.

но и глубокого знания самой земской статистики. Трудность этой работы была настолько велика, что смерть В.Н. Григорьева поставила Институт сельскохозяйственной экономики, считавший опубликование систематического указателя местной статистики исключительно важным, почти в безвыходное положение» (Чаянов, 1927 а: 1)²⁴. По свидетельству Михайловского, за несколько дней до кончины Василий Николаевич просматривал корректуру своего последнего труда, сохранял необычайную ясность ума и твердость духа, распорядился насчет своих рукописей и похорон, которые не должны «носить характер церковной церемонии».

Таков был итог жизни, которая, по мнению Чаянова, была столь целостной, как «из одного камня высеченное изваяние».

Библиография

- Астров Н.И.* (1941). Воспоминания. Т. I. Париж: YMCA-Press.
- Велецкий С.Н.* (1899). Земская статистика. Ч. I. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых. Внутреннее обозрение (1883). Статистика и земство // Русская мысль. № 3. С. 33–94.
- Григорьев В.Н.* (1885). Переселение крестьян Рязанской губернии. М.: Издание журнала «Русская мысль».
- Григорьев В.Н.* (1887а). Предисловие // Статистический атлас города Москвы. Площадь Москвы, население и занятия. М.
- Григорьев В.Н.* (1887б). Отчет о выработке норм для оценки жилых помещений в Москве. М.
- Григорьев В.Н.* (1889). Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в городе Москве. М. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями (1997). М.: Наука.
- Короленко В.Г.* (1990). История моего современника. Собрание сочинений в 5 тт. Т.4. Л.: Художественная литература.
- Михайловский В.* (1925). Василий Николаевич Григорьев. Некролог // Вестник статистики. № 4–6. С. IX–XVII.
- Попов И.П.* (1974). Поддержка в Рязанской губернии накануне отмены крепостного права либеральной программы по крестьянскому вопросу // Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII–XIX веках (по материалам центральных губерний). Рязань.
- Попов И.П., Степанова Е.С., Тарабрин Е.Г., Фулин Ю.В.* (1991). Два века рязанской истории (XVIII в. — март 1917 г.). Рязань: Рязанское отделение Советского фонда культуры.
- Сазонов Г.* (1884). Значение и главная нужда земской статистики // Русская мысль. № 4. С. 146–163.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* (1937). Полное собрание сочинений в XX тт. Т. XVIII. Л.: ГИХЛ.
- Чаянов А.В.* (1927а). Предисловие Института сельскохозяйственной экономики // Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 2. М.: ЦСУ. С. 1.
- Чаянов А.В.* (1927б). Василий Николаевич Григорьев. Биографическая справка // Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 2. М.: ЦСУ. С. II–IV.
- Янсон Ю.Э.* (1877). Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб.; М. Стасюлевич.

24. В.Н. Григорьев умер 5 февраля 1925 г.

The last “semidesyatnik” (representative of the 1970s): On the biography of Vasily Nikolaevich Grigoriev (1852–1927)²⁵

Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Head of the Department of Organizational, Methodological and Personnel Work, Researcher of the Chayanov Research Center, MSES. Russian State Archive of Economics. Bolshaya Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435. E-mail: savinova30@yandex.ru

The article considers the biography and career of one of the founders of the zemstvo statistics V.N. Grigoriev. For the first time in the academic tradition the key stages of his career were studied in detail: development of his populist worldview and of the Ryazan zemstvo statistics, exile in Kineshma, Simferopol and Voronezh, and work at the Moscow self-government. The author focuses on the creation of the Ryazan Zemstvo Statistical Bureau, the study of four uyezds in the Ryazan Province, conflict with the Moscow City Council, work on the classic work *Peasant Migration from the Ryazan Province*, and its evaluation by A.I. Chuprov. Based on the archival sources from two federal repositories, the author introduces the work of Grigoriev in zemstvo statistics in 1883–1886, when he was openly supervised by the police. The activities of Grigoriev in the Moscow government consisted of his work in the Statistical Department of the Moscow City Council, and from 1897 to 1917 as a member of the Council he participated in the management of the city economy and charity. The finale of his statistical activities was the bibliography *Index of Zemstvo Statistical Works from the 1860s to 1917* praised by V.A. Chayanov.

Keywords: zemstvo statistics, V.N. Grigoriev, V.G. Korolenko, Ryazan zemstvo, resettlement of peasants, Moscow City Council, subject index

References

- Astrov N.I. (1941) *Vospominaniya* [Memories]. Vol. I. Paris: YMCA-Press.
- Veletsky S.N. (1899). *Zemskaya statistika* [Zemstvo Statistics]. Vol. I, Moscow: Izdatelstvo M. i S. Sabashnikovyh.
- Vnutrennee obozrenie. Statistika i zemstvo (1883). [Interior review. Statistics and zemstvo]. *Russkaya Mysl*, no 3, pp. 33-94.
- Grigoriev V.N. (1885). *Pereselenie krestyan Ryazanskoj gubernii* [Peasant Migration from the Ryazan Province], Moscow: Izdanie zhurnala *Russkaya Mysl*.
- Grigoriev V.N. (1887a) Predislovie [Foreword]. *Statistichesky atlas goroda Moskvy. Ploshchad Moskvy, naselenie i zanyatiya*, Moscow.
- Grigoriev V.N. (1887b). *Otchet o vyrabotke norm dlya otsenki zhilyh pomeshchenij v Moskve* [Report on the Development of Standards for Assessing Residential Premises in Moscow], Moscow.
- Grigoriev V.N. (1889) *Khlebopekarny promysel i taksa na hleb v gorode Moskve*. [Bakery Trade and the Price of Bread in the City of Moscow], Moscow.
- Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S semyu prilozheniyami* (1997). [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883). With seven appendixes], Moscow: Nauka.
- Korolenko V.G. (1990) *Istoriya moego sovremennika* [The story of my contemporary]. *Sobranie sochinenij v 5 tt.* Vol. 4, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

25. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project “The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists’ findings through the actualization of their heritage”.

- Mihajlovsky V. (1925) Vasily Nikolaevich Grigoriev. Nekrolog [Obituary]. *Vestnik Statistiki*, no 4–6, pp. IX–XVII.
- Popov I.P. (1974) Podderzhka v Ryazanskoj gubernii nakanune otmeny krepostnogo prava liberalnoj programmy po krestyanskomu voprosu [The support of the liberal program on the peasant question in the Ryazan Province on the eve of the abolition of serfdom]. *Voprosy obshchestvennogo i socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v XVIII–XIX vekah (po materialam tsentralnyh gubernij)*, Ryazan.
- Popov I.P., Stepanova E.S., Tarabrin E.G., Fulin Yu.V. (1991) *Dva veka ryazanskoj istorii (XVIII v. — mart 1917 g.)* [Two Centuries of the Ryazan History (the 18th century — March, 1917)], Ryazan: Ryazanskoe otделение Sovetskogo fonda kultury.
- Sazonov G. (1884) Znachenie i glavnaya nuzhda zemskoj statistiki [The meaning and primary need of the zemstvo statistics]. *Russkaya Mysl*, no 4, pp. 146–163.
- Saltykov-Shchedrin M.E. (1937) *Polnoe sobranie sochineny v XX tt.* [Complete Works in 20 vols.]. Vol. XVIII, Leningrad: GIKhL.
- Chayanov A.V. (1927a) Predislovie Instituta selskohozyajstvennoj ekonomii [Foreword by the Institute of Agricultural Economics]. *Predmetny ukazatel materialov v zemsko-statisticheskikh trudah s 1860-h godov po 1917 g.* Vyp. 2, Moscow: CSU, p. 1.
- Chayanov A.V. (1927b) Vasily Nikolaevich Grigoriev. Biograficheskaya spravka [Vasily Nikolaevich Grigoriev. Curriculum Vitae]. *Predmetny ukazatel materialov v zemsko-statisticheskikh trudah s 1860-h godov po 1917 g.* Vyp. 2, Moscow: CSU, pp. II–IV.
- Yanson Yu.E. (1877) *Opyt statisticheskogo issledovaniya o krestyanskih nadelah i platezhah.* [A Statistical Study of Peasant Land Plots and Payments], Saint-Petersburg: M. Stasyulevich.

Т.А. Савинова
Последний «семи-
десятник»: к био-
графии Василия
Николаевича Гри-
горьева (1852–1927)

«... У меня сейчас невероятный цейтнот» (Публикация писем Татьяны Ивановны Заславской 1972–1974 гг.)

Т.И. Заславская

Публикаторы Г.И. Репринцева, А.М. Никулин

Галина Ивановна Репринцева, кандидат педагогических наук, более 40 лет занималась научно-исследовательской и экспериментальной работой в системе Российской академии образования, руководила лабораторией социально-педагогических проблем семейных отношений в Институте социальной педагогики РАО (Москва), за заслуги в области педагогических наук награждена медалью К.Д.Ушинского. E-mail: 1946gir@mail.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Публикуемые письма академика Татьяны Ивановны Заславской (1927–2013) относятся к периоду ее жизни в Новосибирске и работы в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (в настоящее время ИЭОПП СО РАН).

В письмах запечатлена хроника размышлений и переживаний Т.И. Заславской о проблемах и конфликтах в советской науке, о парадоксах экономики, культуры, образования, быта советского общества первой половины 1970-х годов. Чрезвычайно интересными являются в этих письмах личные оценки и характеристики, данные Т.И. Заславской многим ее современникам — коллегам по науке, деятелям политики, искусства и культуры. Наконец, в письмах раскрывается облик и самого их автора — женщины сильной и талантливой, трудолюбивой и жизнелюбивой, любознательной и дружелюбной, нежной и ранимой, остро переживающей проявления несправедливости и грубости, фальши и глупости в окружающей действительности.

Адресат этих писем — друг Татьяны Ивановны Заславской Соколовский Юрий Ефимович (1927–1984) — кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного института культуры, культуролог, глубокий знаток историко-культурного наследия Москвы, крупный исследователь психолого-педагогических проблем художественного творчества населения, а также организации и развития сельских и городских культурно-просветительных учреждений.

Тексты писем предоставила для публикации в журнал «Крестьяноведение» Г.И. Репринцева — вдова Ю.Е. Соколовского. Подготовку к печати и составление комментариев осуществили Г.И. Репринцева и А.М. Никулин.

Ключевые слова: Заславская Т.И., советское общество, наука, социология, экономика, культура, Академия наук, Новосибирск, Москва, сельская Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-78-139

...Вот уже полтора суток нахожусь на своей сибирской земле, радуясь настоящей сибирской зиме с ее сугробами, и синим небом, и солнцем, и выюгами, постепенно включаюсь в калейдоскоп местных дел...

...За время пути сменялись три мои соседа: моряк, отправлявшийся в отпуск из Норвегии после 9 месяцев «загранки», литейщик из г. Балхаш, ездивший хоронить отца, а потом демобилизованный из армии парень, следовавший в г. Братск. С каждым вела интересные разговоры. Моряк раскрыл мне весь «экономический механизм» оплаты и стимулирования труда при международных плаваниях, одновременно продемонстрировав те уродливые преобразования психики, которые возникают у полудикого человека (рабочая семья в малом северном городе), неожиданно попадающего под влияние западной цивилизации. Это было по-настоящему любопытно и в то же время — грустно до боли. Чисто внешне тончайший слой культуры, не распространяющийся даже на одежду (ты ведь видел его мельком, м.б., помнишь, какой страшный и негармоничный вид он имел? Все «заграничное», чем очевиднее заграничное, тем лучше, а в то же время и дешевое, и какое-то пестрое), глубокое презрение ко всему российскому, в том числе и к самому себе до заграники («А что? И я таким же мог быть, такую же шпалою вырос»), готовность беспрекословно следовать всем нормам поведения за рубежом, смертный страх перед лишением права ходить в загранику, а главный смысл этих норм — изоляция моряков от контактов с зарубежной культурой. Отсюда — сохранение дикарского невежества по отношению к странам, где бывал, и в то же время — глубокая эрудиция во всем, что касается курса валют, чеков, бонов и др. экономических атрибутов. Что за личность сформировуется в результате всего этого — бог весть.

Интересно мне было поговорить и с литейщиком, который 6 лет как переехал в Балхаш из г. Шахуньи возле Кирова, где был помощником машиниста электровоза. Родился и жил на Севере, переехал с женой и 3 детьми на юг. Был помощником машиниста, чему с отрывом от производства обучался около года, стал литейщиком после 10-дневной «приглядки». Получал 145 руб., стал получать — 200, плюс к тому — квартира. Но главное, что заставило уехать, — тяжелый психологический климат в депо, систематическое сокращение штатов, угроза увольнения и связанная с этим обстановка диктата, неуважение к личности человека. Спрашиваю: «У вас кто-нибудь был в Балхаше? Почему именно туда поехали?» «Нет, никого не было. А почему туда? Даже не знаю. У нас из Шахуньи все почему-то едут в Балхаш. Как кто-нибудь поругается, или дома плохо, так и говорит: поеду в Балхаш! В Балхаше кругом наши живут из Шахуньи». Вот тебе и механизм «элементарного акта миграции», о котором я не раз писала, вот тебе и «мотивированное решение». И это — довольно частое явление. Когда мы составляли списки мигрантов в селах, то сталкивались не раз

Письма Татьяны Ивановны Заславской (1972–1974 годы)

с тем, что из какой-нибудь Петровки все как один едут только в Актюбинск, а из соседней Ольховки — в Петропавловск-Камчатский.

Впрочем, то, о чем быстро и интересно рассказывать, оказывается, довольно долго писать. Поэтому братского парня отставим в сторону...

Потом весь вечер общалась с Инкой¹, которая замещала меня по сектору и теперь ввела в состояние дел. Состояние это, кажется, среднее. Особых катастроф не произошло, но частных конфликтов — масса, и каждый требует вдумчивого решения, иначе он превращается в снежный ком и ведет к катастрофе. В чем заключаются эти конфликты? Вот несколько примеров.

В отделе более 4 лет работает слепой математик-логик И.С. Ладенко², очень талантливый, канд. филос. наук, и очень хороший, открытый для всех человек. Работает он гораздо продуктивнее зрячих, потому что не отвлекается ни общественной работой, ни заседаниями, а рабочий день у него — 14 часов ежедневно. В проблемы нашего коллектива — трудовые ресурсы — входил с трудом, но все же вошел, и недавно закончил книгу «Системный анализ воспроизводства трудовых ресурсов» — 20 п.л. Она в плане наших изданий, он хотел бы защищать ее как докторскую. Вроде бы сказка со счастливым концом. Но... За время моего отсутствия завсектором Е.Д. Малинин³ отказался быть научным редактором книги и даже вообще читать (!) ее. Это после того, как в его секторе человек 4 года получал деньги за эту работу. Рецензент к.э.н. Ф.М. Бородкин⁴ дал резко отрицательный отзыв на книгу, а другой рецензент — к.э.н. Калмык⁵ столь же резко положительный отзыв. Ладенко справедливо говорит о том, что если отдел не признает его работы, он будет вынужден уволиться, а для него это — трагично. И вот по выходе на работу мне надо встречаться с каждым участником «драмы». Выяснять точки зрения, искать решения и, разумеется, читать саму книгу.

Второй конфликт, с которым уже сегодня пришлось полтора часа разбираться, хотя и праздник, касается аспиранта. Месяц назад мы с большим трудом добились его распределения в отдел,

1. Рывкина Розалина Владимировна (1926 г.р.) — социолог, доктор экономических наук (1979), до середины 1960-х годов преподавала в новосибирских вузах, затем 25 лет работала в отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, соавтор Т.И. Заславской, автор работ по социальной мобильности и образу жизни сельского населения.
2. Ладенко Иосаф Семенович (1933–1996) — доктор философских наук (1980), профессор (1984), действительный член РАО (1992), в 1968–1984 сотрудник ИЭиОПП СО РАН, автор работ по логике и методологии науки.
3. Малинин Евгений Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор, с 1965 — заведующий сектором в ИЭиОПП СО АН СССР.
4. Бородкин Фридрих Маркович (1934–2007) — доктор экономических наук (1976), с 1988 по 1995 возглавлял Отдел социальных проблем ИЭиОПП, зав. кафедрой социологии НГУ, специалист в области социальных конфликтов и местного самоуправления.
5. Калмык Валентина Абрамовна (1927 г.р.) — кандидат экономических наук, в 1962–1988 работала в ИЭиОПП СО АН СССР.

а сейчас он отказывается работать с Малининым. Малинин отказывается от научного руководства и требует, чтобы тот уволился. Мотивировки, естественно, разные, т.е. каждый излагает дело так, что прав он, а не прав другой, причем расходятся факты, поддающиеся проверке. Надо читать презентацию Волина, говорить с Малининым, говорить с дирекцией и снова искать выход из положения: парень талантлив, а Малинин — ...извини за грубое выражение, а И.С. Ладенко... очень хороший и открытый для всех человек.

...Молодежь отдела недовольна тем, что в последние годы мы не занимаемся применением новых математических методов.

...Стажер-исследователь, с отличием окончивший математический факультет и распределенный в отдел летом, собирается увольняться.

...Сотрудники сектора ворчат, что устали от бесконечного кодирования и не имеют перспектив роста.

...Талантливые ученые Лебедев и Герчиков⁶ хотели бы работать у нас, существенно потеряв в зарплате, в силу заинтересованности в проекте, но дирекция не дает для них вакансий. И т. д. и т. п. до бесконечности.

Такова моя жизнь, и, как видишь, в ней не так уж много творчества, больше тяжелых будней и той самой изматывающей усталости. Наверное, она — не очень женская, эта руководящая работа, нужно немалое мужество, чтобы принимать окончательное решение, которое неизбежно ударит по какой-либо стороне конфликтующих. Но не принимать решений, уклоняться от них, как это делает Малинин (с Ладенко, да и вообще повседневно), это ведь еще хуже, это вызывает презренье.

Новосибирск, 8 декабря 1972 г.

Не знаю, что будет дальше, смотря (а может быть, даже благодаря) по тому шквалу дел, который, конечно же, обрушился на мою голову по приезду в Новосибирск. Их так много этих дел, и они такие сложные, и многие из них такие противные и «бездушные», что как-то становится нечем дышать, хочется выбраться из-под этой лавины, оглянуться вокруг и хоть ненадолго приобщиться к общечеловеческим ценностям.

Стоит немного расслабиться, размагнититься, как сразу перестаешь справляться с обязанностями, выходишь из трудового ритма и начинает тебя болтать и трясти. А оно — неприятно. Это — на качественном уровне, но есть еще и чисто количественный: чем боль-

6. Герчиков Владимир Исакович (1938–2007) — доктор социологических наук, профессор, в 1968–1971 — лаборант Отдела социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, автор работ по теории и практике управления человеческими ресурсами, мотивации и стимулирования труда.

ше времени я провожу в Москве, чем чаще бываю в командировках (а мне так хочется сейчас в Москву!), тем больше запускаются дела в отделе, тем труднее их становится расхлебывать и меньше времени остается на спокойное творчество. Вот сейчас, например, между командировками, наверное, вообще ни разу не присяду к столу для фундаментальной работы. Рецензии, отчеты, студенты, аспиранты, спецкурсы, программа разработки данных, кодификаторы, редактирование сборника и пр. и пр.

Кисловодск, 29 декабря 1972 г.

Как хорошо жить! Сегодня утром занималась гимнастикой в общей группе, с хорошей нагрузкой каждая мышца работала, и так хорошо было ощущать, что тело еще достаточно сильно, достаточно гибко, что ему приятна нагрузка. Физическая радость бытия.

С таким же искренним удовольствием вкушала славный санаторский завтрак, все казалось таким вкусным, просто прелесть! Потом оделась в брюки, свитер и куртку и отправилась по своему любимому маршруту — так называемой «Косыгинской тропе»⁷ до санатория «Пикет» и обратно. Вышла из ворот санатория и чувствую, что неприлично же так улыбаться, иду одна и улыбаюсь всему белому свету, а все равно не могу ничего сделать с собою, вот тут-то я и вспомнила цыганку, м.б., это она телепатически внушила мне данное состояние? Честное слово, оно необычно, что-то от гипноза в нем есть. Хочу перестать улыбаться, а не могу.

Солнышко светило ясное-ясное, небо было голубое, погода хорошая, безветренная. Не было никаких докучливых спутников, с которыми надо поддерживать разговор. И — полная свобода, иди, куда хочешь, хоть по Косыгинской тропе туристической, хоть до Синих камней. Думала и кое о чем размышляла. А потом случайно подняла голову, посмотрела на Синие камни и голубое небо над ними, увидела легкое облачко, окутавшее эти камни, и вдруг с такою остротой ощутила счастье, как будто жизнь моя зависела от того, чтобы увидеть эту дымку. Но не сумасшедшая? Нет, определенно заговорила меня цыганка!

Но в это время не было еще часу дня, а цыганка мне обещала избавление от всех печалей именно с часа дня. До тех пор я успела выспаться на раскладушке в холле, проснулась и поняла, что все хорошо, что счастье не в одноместной комнате, а во мне... А все остальное чепуха, зола и пшено. Хорошее слово «пшено», верно?

7. Неоднократно приезжавший на отдых и лечение в Кисловодск А.Н. Косыгин (1904–1980), занимавший пост Председателя Совета министров СССР в 1960–1970-е годы, останавливаясь в санатории «Красные камни» или на правительственной даче «Сосновый бор», любил совершать длительные пешие прогулки, избрав для себя уединенную тропу в стороне от известных туристических маршрутов. Тропу прозвали «Тропа Косыгина».

Такое смачное, просто прелесть! Ну вот, значит, прогуляла я 2,5 часа, прошла 10 км, устала очень.

Потом пришла и целый день читала «Солдатами не рождаются»⁸ и кончила наконец. Шедевром не назовешь, но в некоторых вопросах пытается разобраться. Интересная, конечно, линия Сталина, хотя и подана половинчато. Но разве можно сейчас иначе? Это и то уже — целый подвиг. Теперь хочется чего-то глубокого, философского. Наверное, стану перечитывать «Анну Каренину», ибо лучше все равно ничего ведь нету, а я ее лет 10 уже не читала, и Чехова. Скоро начну и работать, м.б., даже уже сегодня.

Вчера смотрела неплохой румынский фильм «Всего один месяц». Я бы даже сказала — хороший. Прекрасно смотрится, очень хорошие съемки, и безызыскная идея. Красивый сорокалетний мужчина (врач) впервые в жизни по-настоящему сильно влюбляется в женщину. Все идеально: взаимная страсть и любовь, оба свободны, красивы, молоды. Однако он оставляет ее именно потому, что впервые влюбился и тем самым потерял ту свободу, которую привык считать главной ценностью. Сделано все это не грубо, с должными акцентами и полутонами, но суть дела такова, как я сказала. Я думаю, что это не столь редкий случай, как может на первый взгляд показаться. Многие мужчины боятся сильных чувств, ибо без них спокойнее и свободнее, у женщин же психология другая, откуда и вытекает масса конфликтов.

Слишком «разнеживаться» себе не позволяю. Вот героиня вчерашнего фильма уж на что была стреляной-недоверчивой, а все же разнежилась в конце концов, а тут ее дубинкой по голове и «бац»! Да и герой не того ли боялся, чтобы оказаться зависимым, а потом в свою очередь получить по голове дубинкой?

От самой себя все равно никуда не денешься. Да, жизнь научила меня недоверчивости. Да, я знаю, что такое боль и не хочу иметь ее слишком много. И, к сожалению, я имею слишком тонкую кожу, чувствительную к каждому дуновению ветерка, а не только к хорошей плетке. Вот и приходится в меру возможностей мастерить предохранительный панцирь наподобие черепахи... Много времени и много сил придется затратить тому, кто захочет внушить мне то полное и безграничное доверие, которое несколько лет назад представлялось мне естественным отношением к людям.

Дата не установлена

...Паша⁹ рассказал мне кое-какие новости из жизни института и его представителей. В частности, он сообщил мне о том весьма стран-

8. Симонов Константин Михайлович (1915–1979) — советский поэт и писатель, автор романа «Солдатами не рождаются» (1964).

9. Олдак Павел Григорьевич (1923–2011?) — доктор экономических наук, профессор, в 1962–1971 — научный сотрудник ИЭиОПП СО АН СССР,

ном положении, в котором находится сейчас Абел¹⁰. Как известно, он собрался в отпуск одновременно со мной, т.е. в середине августа. В первых числах августа его стал разыскивать Келдыш¹¹ с целью срочного вызова в Москву. Уже тогда нас удивило чисто мальчишеская попытка Абела «скрыться», спрятаться от Келдыша. Находясь еще в институте, но собираясь на конференцию в Тюмень, он велел Можину¹² ответить, что уже улетел и что адрес его в Тюмени неизвестен. Можин это выполнил, но был недоволен, потому что это выглядело несерьезно. Действительно, в Тюмени его разыскали, передали указание прибыть в Москву, и первого августа он туда выехал, как полагал, на четыре дня. Однако он не вернулся ни через четыре дня, ни к началу предполагавшегося отпуска, ни до сих пор, хотя прошло уже полтора месяца, причем сроки его возвращения все еще неизвестны. Зоя говорит, что он никогда еще не был в столь тяжелом психологическом состоянии, когда он звонит ей по телефону, то, по ее словам, ПОЧТИ ПЛАЧЕТ, хотя он издавна гордился толщиной и непробиваемостью своей «шкуры», неуязвимостью для эмоций. В чем же дело? Оказывается, вот в чем. Келдыш ПСИХИЧЕСКИ БОЛЕН. Одним из пунктов, вокруг которых крутится сейчас его больная мысль, является разработка экономической перспективы до 1990 г. Для этого он создал рабочую группу под руководством Федоренко, куда вошли несколько человек, в том числе и Абел. Но руководить работой группы Келдыш пожелал лично, стал вникать во все, в чем он ничего не понимает, давать противоречивые указания, «редактировать» и т. д.

Не сразу они поняли, в чем дело, хотя, видимо, кое-какие подозрения у Абела уже имелись раньше. Короче, все постепенно под разными предлогами стали из комиссии смываться. Остались Федоренко¹³ и Абел. Затем Федоренко достал больничный и лег в Кремлевку. Остался один Абел, и он уже никакими путями не может вы-

в 1971–1972 — заведующий лабораторией в Бурятском филиале СО АН СССР, в 1974–1978 — в Институте мерзлотоведения СО АН СССР, в 1973–1993 — завкафедрой политэкономики НГУ, автор работ по проблемам взаимосвязи общественного производства и природных систем.

10. Аганбегян Абел Гезевич (1932 г.р.) — доктор экономических наук (1963), член-корреспондент АН СССР (1964), академик АН СССР (1974). Директор ИЭиОПП СО АН СССР в 1966–1984, автор работ по проблемам производительности труда, экономико-математическим моделям перспективного планирования.
11. Келдыш Метислав Всеволодович (1911–1978) — советский ученый в области прикладной математики и механики. Президент Академии наук СССР (1961–1975).
12. Можин Владимир Потапович (1929–1996) — доктор экономических наук (1972), профессор (1977), академик ВАСХНИЛ (1982), автор работ по социально-экономическим проблемам села.
13. Федоренко Николай Прокофьевич (1917–2006) — ученый-экономист, организатор экономической науки, академик АН СССР (1964), первый директор ЦЭМИ АН СССР (1963–1985), автор работ по проблемам оптимально-

рваться из этой мышеловки, потому что это означало бы закрытие комиссии. Дело дошло до того, что он поехал в ЦК КПСС и в отчаянии стал просить, чтобы его освободили. На что ему ответили: «Абел Гезевич, президент болен, и президент Вам верит. Мы просим Вас не раздражать его, идти ему навстречу. О том, чтобы просто уехать, не может быть речи. Единственное, что можем вам посоветовать, это просить жену достать медицинские справки о тяжелой болезни кого-нибудь из близких». И вот теперь Зоя пытается достать такую справку либо о себе, либо о ребенке, но не уверена, что это удастся. Все-таки телефонный разговор с Абелом — ненадежная основа для получения фальшивой медицинской справки.

Так вот, Лопушенок, до недавнего времени бывший правой рукой Лаврентьева¹⁴, а недавно в наказание за что-то переселенный из коттеджа в простую квартиру, рассказал следующее. Происшествие с Войцеховским¹⁵ отражает развитие глубокого конфликта, существовавшего между Марчуком¹⁶ и Лаврентьевым. Инициатором расследования этого дела и вдохновителем беспристрастного следствия был Марчук, вроде бы надеявшийся бросить таким путем тень на своего шефа. Вначале он полностью преуспел, что и нашло отражение в исключении Войцеховского из партии и возбуждении уголовного дела, но затем старик включился на полную мощность, чуть ли не месяц не выходил из ЦК, и в результате дело Войцеховского полностью закрыто. В партии он восстановлен, руководителем института он остается. Положение же Марчука в этих условиях, напротив, стало невыносимым, иными словами, его карта бита, и теперь он вынужден уехать. Якобы это — вопрос короткого времени. Вот тебе и «вариант Марчука», вот тебе и его поддержка, вот тебе и его обещания. Все это виснет в воздухе, а с Лаврентьевым иметь дело очень трудно, часто у него бывает неадекватная реакция, сказывается и возраст, и трудный характер. В свете моих современных намерений «вариант Марчука» все равно мне не светит, так что я не так уж сильно расстраиваюсь. Но если Марчук

го функционирования народного хозяйства, применению математических методов и ЭВМ в планировании и управлении.

14. Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) — советский математик и механик, основатель Сибирского отделения АН СССР (СО АН СССР) и Новосибирского Академгородка, академик АН СССР (1946), вице-президент (1957–1976) АН СССР.
15. Войцеховский Богдан Вячеславович (1922–1999) — доктор физико-математических наук (1961), академик РАН (1991), лауреат Ленинской премии (1965), в 1965–1973 гг. — заместитель директора Института гидродинамики СО АН СССР.
16. Марчук Гурий Иванович (1925–2013) — советский и российский ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы, геофизики, профессор, доктор физико-математических наук, Президент Академии наук СССР (1986–1991), в 1969–1975 — заместитель председателя Президиума СО АН СССР.

уедет, мои позиции в институте, бесспорно, ослабеют, потому что прямой выход у меня был именно на этого человека. В общем, все идет в одну сторону.

Правда, от Руткевича¹⁷ по-прежнему нет ни слова, хотя известно, что все это время он был в Москве. Что касается Федоренко, то у него как будто бы крупные неприятности. Дело в том, что 12 ведущих сотрудников ЦЭМИ — евреи, уехавшие вроде бы в Израиль, в действительности обосновались в Италии, где для них организован специальный институт, своеобразный «филиал ЦЭМИ», работающий на другого хозяина. Сейчас туда уезжают еще два ученых, в том числе Арон Кацинелинбойген¹⁸, идеолог ЦЭМИ и создатель его теоретической концепции. Формально, конечно, он едет в Израиль, но фактически все понимают, куда. А так как евреев в институте — пруд пруди, то неизвестно, когда остановится этот крайне неприятный процесс. От одного этого Федоренко мог слечь в больницу. Беда заключается в том, что в свое время его предупреждали о необходимости «улучшения» состава кадров, но он не послушался и брал людей, умеющих хорошо работать. И вот — расплата. Жалко его, и трудно предсказать, чем это кончится. Усидит ли он на посту академика-секретаря и даже директора ЦЭМИ? Если же нет, то это будет совсем другая организация, и кто может знать, какая именно. Мне сообщили также, что на пост завотделом социологии ЦЭМИ (о котором я могла бы думать) претендует Наташа Римашевская¹⁹ (соавтор Гордона²⁰ по одной из книг), специалист по доходу и потреблению, недавно защитившая докторскую диссертацию. Конечно, в социологии мои позиции сильнее, но она — старый работник ЦЭМИ, пользуется там авторитетом, и в то же время — крайне нелюбима в связи с жестокостью, карьеризмом и даже коварством. Вступать в борьбу с такой женщиной — опасно, ибо она не погнущается никакими средствами, не хотелось бы мне стоять на ее пути. В этих условиях даже открытая борьба с Руткевичем по некоторым принципиальным вопросам может быть более приемлемой, нежели

17. Руткевич Михаил Николаевич (1917–2009) — доктор философских наук (1961), член-корреспондент АН СССР (1970), директор Института социологических исследований АН СССР (1972–1976), председатель правления Советской социологической ассоциации, автор работ по структуре советского общества.
18. Кацинелинбойген Арон Иосифович (1927–2005) — доктор экономических наук (1966), в 1960-е гг. руководил Отделом комплексных систем в Центральном экономико-математическом институте АН СССР.
19. Римашевская Наталья Михайловна (1932–2017) — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (2003), директор Института социально-экономического прогнозирования АН СССР, автор работ по планированию и прогнозированию жизненного уровня населения.
20. Гордон Леонид Абрамович (1930–2001) — советский и российский историк, социолог и политолог, доктор исторических наук, в 1966–1991 гг. работал в Институте международного рабочего движения АН СССР.

работа в условиях тайных интриг, сплетен, наушничества и т. д. Я имела немножко этого «богатства» здесь, и должна сказать, что ничего ужаснее быть не может...

Новосибирск, 6 января 1973 г.

...В этот раз представила себе милую мне квартиру на Пятницкой, полную милых мне людей, и стало как-то тепло на душе. А вообще на душе у меня довольно холодно и одиноко... А тут еще нет и ближайших подруг, один Паша остался, но это не то.

Очень много работаю. С Нового года завела себе новый роскошный дневник, где фиксирую выполненную работу, число отработанных часов, прочтенную литературу, виденные фильмы, а также выданные и полученные долги. Удобно и поучительно. Средняя продолжительность чистой работы, включая субботу, пока получается 9 часов. Это неплохо. Да и работа ощутимо движется. Сегодня, например, кончила работу над докладом по демографии, написала за 2 дня 17 страниц. Сейчас жду аспиранта Насонова для тяжелого разговора на тему «ЧТО ДЕЛАТЬ?»...

Санаторий. Кисловодск, 8.1.73 г.

...Итак, сообщаю тебе последние санаторские новости.

Первое. Приехал Владимир Солоухин²¹ с двадцатилетней девочкой (ему — 48). Я по наивности своей приняла ее за дочь, но была жестоко осмеяна собеседниками. Говорят, то ли жена, то ли замещающее ее лицо. Скорее последнее, ибо оба ведут себя чрезвычайно смущенно. Подумываю о том, не познакомиться ли с ним заново, но что-то неохота «навязываться», может, случай сведет. А знаю его с 1945 года, когда в подвале Политехнического музея работала студия молодых поэтов, открытая для посетителей. Мы ходили туда с Майкой²² и еще одной подружкой Леркой каждый вторник на протяжении года, пока не закрыли, хотя мы и не сочинили в жизни ни одного стиха. Сочинять не сочиняли, а стихи любили и знали, и занятия в студии добавляли нам наслаждение. Наиболее выдающимися студийцами были Семен Гудзенко²³, Александр Межиров²⁴,

21. Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) — писатель, поэт, видный представитель «деревенской прозы».

22. Черемисина Майя Ивановна (1924–2013) — старшая сестра Татьяны Ивановны Заславской, советский и российский лингвист, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, глава новосибирской синтаксической школы.

23. Гудзенко Семен Петрович (1922–1953) — поэт и журналист, военный корреспондент.

24. Межиров Александр Петрович (1923–2009) — поэт и переводчик.

Владлен Бажанов, Владимир Солоухин, Элька Мандель (ныне Наум Коржавин)²⁵. И были и дураки-тупяги типа Александра Казанцева²⁶. Все они стали потом известными поэтами. Да, еще была Юлия Друнина²⁷. Ну вот. Я Солоухина прекрасно помню, потому что он был курсантом кремлевского училища, большой, нескладный, на голове белый ежик, глаза чуть выпучены, а стихи — стихи он уже тогда писал прекрасные, сильные, свежие, упругие и глубокие. Словом, мы его тогда любили, а он, естественно, нас знать не мог, ибо мы никогда не выступали, а только слушали. Они нас звали «три грации», потому что мы обычно приходили втроем. Потом студию закрыли, и я надолго потеряла его из виду, потом он стал известным поэтом, затем писателем. И где-то в 1960 г. написал он книгу «Капля росы» о нашей родной российской деревне, которой я имею честь заниматься. Прочла я эту книгу в доме отдыха «Кабардинка» на берегу синего Черного моря и призадумалась. Много правды сказано автором о деревне, а ведь это все — полуправда, и наиболее острых вопросов он поднимать не решается, обходит их стороной. Еще раз перечитала — впечатление фальши усилилось. Тогда я взяла некоторое количество белой бумаги и написала тов. Солоухину длинное-предлинное и каверзное-прекаверзное письмо «как специалист специалисту». И смысл оного письма был таков: «Вы, уважаемый Владимир Иванович, прошли Владимирскую область пешком, да, кстати, в деревне родились и выросли, знаете ее не хуже меня. Так что же Вы темните, зачем замазываете самые главные для деревни вопросы, неужто в самом деле не видите, что дело не в индивидах, а в экономических отношениях?» Не думаю, чтобы получение этого письма было для него большим праздником, скорее наоборот. Но все-таки он позвонил мне на Пятницкую по указанному в письме телефону. Поблагодарил, сказал, что надо встретиться, что сейчас он очень занят, но уж как только освободится. Более, однако, он не звонил, да и я, естественно, инициативы не проявляла. Главное было сказано в письме, а остальное — его личное дело. И вот через 11 лет судьбе оказалось угодно посадить его через столик от меня в столовой санатория им. Горького. Интересно было бы потолковать с ним о судьбах деревни, но жаль его отпускного времени, пусть себе наслаждается жизнью со своей молодой спутницей.

Второе. Мой сосед по столу, о котором я уже писала, директор Института космофизики в Якутске, обладающий многими чинами и званиями, прочитал нам лекцию со слайдами «Осень в якутском Заполярье», а потом показал прекрасный фильм «Космофизика Якутии», сделанный для выставки «Сибирская наука» в Амстердаме. Все это было очень интересно и впечатляюще. Краски осе-

25. Коржавин Наум Моисеевич (1925–2018) — поэт, прозаик-публицист, переводчик, драматург.

26. Казанцев Александр Петрович (1906–2002) — писатель-фантаст, поэт.

27. Друнина Юлия Владимировна (1924–1991) — поэт.

ни просто необыкновенные, а Лена — это почти что море, причем голубое. Очень здорово! Этот человек вообще мне очень нравится, как и я ему, так что за столом мы обычно разговариваем с ним вдвоем. Третий товарищ — некто Антон Владимирович из МИДа — держится несколько таинственно и говорить с ним трудно. О чем говорить, если не о работе, а у него работа секретная, ну и пусть сидит со своими секретами! Так он сегодня мне прямо с обидой в голосе сказал: «Что-то Вашего постоянного собеседника нету?» Заело, значит. Ну ладно. Я уже писала, что Юрий Георгиевич²⁸ очень маленького роста, а вчера я выяснила к тому же, что ему уже 64 года! И все-таки какой он молодец, как активно он отдыхает. Все время в компании, отбивает интересных женщин у мужчин, и не то что «отбивает», а как-то естественно «уводит», и они идут за ним, не оглядываясь назад. Когда он говорил мне, что мужики на него обижаются, я сперва не верила, отвечала: «Это Вам хочется думать, что они обижаются, для повышения собственного настроения». А потом убедилась, что он таки прав. А в чем его обаяние? В том, что он — человек дела, а не рефлексии, хотя, бесспорно, умный. Какая-то есть в нем внутренняя сила, энергия, какой-то работает неутомимый движок, что ли. И еще — скромный он. Фильм об Институте, а о директоре нигде ни слова, раза два мелькнул где-то на заднем фоне, ни фамилии, ничего. Это мне тоже понравилось, и я его похвалила. А вот говорит неважно. Всю беседу чего-то мекал и бекал.

Третье. Еще у нас один деятель читал лекцию о годе жизни в Японии, тоже со слайдами, но я об этом, кажется, уже писала тебе. Интересно было, хотя и несколько утомительно. Когда он дошел до Парижа, я ушла, устала. А сегодня в 17.30 опять «Клуб интересных встреч» — некто проф. Герасимовский рассказывал о своих впечатлениях от Гренландии и Исландии. Ну как не пойти? Интересно же.

Четвертое. Кончила читать Симонова и взялась за «Анну Каренину». Что за книга! Втягивает в себя как тряпина, читала-перечитала, а так интересно, что никакая новая не сравнится! Вот кончу письмо и стану читать ее дальше...

Новосибирск, 19 января 1973 г.

...Сегодня день у меня был трудный, работа носит очень срочный характер, а тут постоянно приходится отвлекаться. В понедельник утром, т.е. послезавтра, обещала сдать большой раздел (1,5 п.л.)

28. Шафер Юрий Георгиевич (1909–1991) — советский космофизик, доктор физико-математических наук (1970), в 1962–1987 гг. директор созданного по его инициативе Института космофизических исследований и аэронамики при Якутском филиале (ЯФ) АН СССР.

в коллективную монографию института «Экономические проблемы развития Сибири», раздел, в миниатюре отражающий результаты всей работы нашего сектора. Первый вариант его написал Ладенков²⁹, но, как всегда, он никого не удовлетворил, и Можин и Абел признали раздел очень слабым и поручили мне написать его заново (разумеется, сохранив имя Ладенкова). Ну вот и пишу. Мы одни остались, и они ждут нас уже недели три, больше, кажется, нельзя уж тянуть. Я собрала весь материал, получается и самой интересно, и с сегодняшнего дня начала писать. За 3 дня полтора листа — значит, в день надо писать страниц 12, а я сегодня написала 10. Но все-таки день нынче был рабочий, а впереди — суббота и воскресенье, хоть телефонных звонков не будет, а то успеваю написать одну фразу, и опять звонит телефон (это тебе не то что в праздники, когда он, гад, молчал, как убитый!)...

20 января, 16 час.

...У меня сейчас невероятный цейтнот. Я уже писала тебе об этом разделе в коллективную монографию, который я должна сдать завтра утром. Я полагала, что его объем составит 1,5 п.л., или 36 машинописных страниц. Ценой огромных усилий написала 32 страницы, и к вечеру, конечно, выполнила бы всю норму. Но, увы, впереди еще два больших раздела, страниц на 16–20 вместо 4. Значит, не успею. А между тем завтра приезжает Леночка³⁰, так что с часу дня работы, видимо, уже не будет. А кроме того, ведь и готовый текст не только не отредактирован, но и не прочитан. Кто его знает, что там получилось? Наконец, сегодня мне следовало бы заняться и уборкой квартиры к приезду дочери, и кулинарией, поскольку необходимые для этого продукты своевременно приобретены. Хотела испечь пирог, сделать гуся, которого Леночка заказала по телефону, сварить брусничный кисель и проч. А теперь просто нахожусь в какой-то растерянности, не знаю, как выходить из положения. В принципе до конца дня я, наверно, могла бы написать еще стр. 8, т.е. один из двух остающихся разделов, но это потребует огромных усилий, п.ч. уже написано 8 стр. и голова немного устала.

В этот приезд со мной вообще творится что-то странное. С одной стороны, чувствую себя не очень хорошо, плохо сплю, утром шатаюсь от усталости и т. д. С другой же, если посмотреть, что я за это время сделала и еще собираюсь (= должна) сделать, то оторопь берет, уж больно много. Это — та самая «пора урожая», о которой я говорила. Несмотря на общую усталость, мне очень легко писать сейчас, п.ч. вся предварительная работа проделана, и это оказывается «чистое» писание, оформление готовых идей...

29. Ладенков Василий Николаевич — кандидат экономических наук.

30. Леночка — старшая дочь Татьяны Ивановны Заславской.

...Ты не представляешь себе, до чего хорош городок, особенно летом, особенно — для отпускников. Удивительное сочетание моря, пляжа, леса со всеми удобствами современного обслуживания и домашнего комфорта. Летом городок наполнен отдыхающими...

Кстати, сообщаю тебе новую классификацию семейных состояний, разработанную моей сестрой по мотивам многих закрытых вопросов социологических анкет:

Скажите, пожалуйста, каково Ваше семейное положение? Используйте следующие ответы:

- глубоко женат
- женат
- скорее женат, чем холост
- скорее холост, чем женат
- холост
- глубоко холост
- не знаю, не думал об этом

Быстренько проиграв эту классификацию на знакомом люде, мы тут же выявили нескольких «глубоко женатых» мужчин. Признак глубоко женатого мужчины заключается в том, что даже с любовницей он разговаривает о своей жене...

Новосибирск, 10 февраля 1973 г.

...Я в молодости была отчаянной атеисткой, не просто не верила в Бога, но всю душой ненавидела церковь, ее учение, ее служителей. Они казались мне бесконечно фальшивыми, профессиональными носителями лжи, жадными обирателями бедноты, не более. И в странном противоречии с этой корыстью и ложью находились строгие лица святых, несущие в себе некую высшую правду. Наверное, мне было лет 20, когда я как-то особенно глубоко и «лично» полюбила Владимирский собор, роспись которого одновременно глубоко религиозная и... современная, что ли. Она была мне близка, и, когда я часами бродила по собору, жадно вглядываясь в лики святых, мне казалось, что где-то рядом — четвертое измерение, делающее жизнь подлинно объемной, а мне туда нету входа, я слепая и глухая. Слово что-то огромное живет и дышит рядом, что-то такое, что может определять все существо, весь смысл твоей жизни, а ты не знаешь, не понимаешь, не чувствуешь. Под влиянием этого потрясения я написала большое письмо парню, с которым тогда дружила. Это было начало 1948 года, и позже он сказал, что я должна ему быть благодарна: он сохранил письмо у себя, не передав его в партбюро. Кстати, этот парень — тот самый Котька Калушер³¹, который так тяжело болен сейчас и за которым самоотверженно ухаживает жена, помнишь, я рассказывала тебе эту ис-

31. Константин Калушер — студенческий друг Т.И. Заславской.

торию. Котька был хорошим парнем, но он уже тогда был коммунистом, и мое «богоискательство» его глубоко возмутило. Потом мы вместе над этим смеялись: «молодо-зелено», а сейчас я не знаю, было ли там над чем смеяться.

Наше государство отняло у людей религию, но сделало ли оно благо, вот один вопрос. Эта душевная опустошенность, это всеобщее пьянство, растущий алкоголизм, преступность, венерические заболевания — не являются ли они результатом того, что определенные ценности оказались потерянными, а заменить их было нечем? Кто читает заповеди «морального кодекса строителя коммунизма»? Кто их в силах запомнить? Кого они могут успокоить, утешить в глубоком горе, в трудные минуты жизни? Вот и тянутся люди в церковь, их вера подорвана, верить — стыдно, и получается все же не то: а второй вопрос заключается в том, можно ли вообще отнять у человека религию, т. е. истинная ли это акция в каком-то смысле слова. Если религия — только обман, то, конечно, освободить от обмана можно. А если нет? Ни один разумный человек уже в XIX веке не верил в Бога Саваофа, сидящего на облаке и окруженного херувимами. Но сколько не просто разумных, а гениальных людей были убеждены в существовании Бога, как того самого «четвертого измерения», о котором мы можем разве только догадываться. Перечитывая «Анну Каренину» в этот раз в Кисловодске, я особенно внимательно, даже придирчиво штудировала места, связанные с религией и переходом Левина от безверия к вере. И мне показалось, что я поняла основную мысль Толстого, она дошла до меня не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне. Не хочу сказать этим, что верю в Бога. Наверное, нет. Но очень-очень далека сейчас и от ненависти к религии и от хихиканий по поводу наивности верующих. Пожалуй, главное в моем отношении к этой проблеме — это острый, может быть, жгучий интерес и предчувствие ее огромной значимости для правильного понимания жизни. За текучкой дел некогда и задуматься-то серьезно, а задуматься, видимо, есть над чем...

На работе — трудности с разработкой информации, версткой книги о трудовой мобильности, обсуждение «Рубцовского проекта» (сектор Малинина) на Ученом совете института, экзамен студентов, обсуждение дипломных работ, распределение тем между сотрудниками сектора. Это все — текущее. А рядом с этим — указания Аганбегяна, чтобы освободить меня от всего и засадить за раздел «Трудовые ресурсы» к докладу Института о перспективах развития Сибири до 1990 г., письмо Федоренко с просьбой выступить в феврале с докладом на заседании Экономического отделения АН. Напоминание о лекции на международном симпозиуме развивающихся стран в августе, о докладе на московской встрече участников международного сельского проекта в апреле, приглашение в Канаду, Чехословакию, запросы на статьи в разные журналы. А еще — необходимость переработки сельского проекта, чтение диссертаций,

аспиранты и проч. На столе — целая гора бумаг, работ, папок, версток, и как из-под нее выбраться, я не знаю...

...Жизнь невольно кажется полной горя и мерзости, лишенной какого-либо просвета. Рассказывали о том, что проректор НГУ Биченков³², о котором я тебе говорила, наконец снят с работы. Взамен же его назначен некто Макаров, по сравнению с которым антисемит и черносотенец Биченков — это сверхинтеллектуал. Макарова характеризуют как «пьяную харю». И что после этого думать об академике Беляеве³³, ректоре университета? «Кто вы, товарищ Беляев?» Приличные люди перестают с ним общаться. Угнетающее впечатление производит снабжение городка, очереди, талоны и т. д.

Академгородок, 12 марта 1973 г.

Знаешь, мой самолет летел через Куйбышев, и во время стоянки я купила в киоске стереопластинку с песнями Эдиты Пьехи. Я очень люблю ее и могу слушать часами, как пьяница. А так как свободных часов нет, то слушаю минутами, но каждый раз получаю огромное наслаждение. Качество записи великолепное, моя «Вега-101», снабженная знаком качества, работает безукоризненно, и слушать Эдиту — это для меня настоящий праздник. А как ты к ней относишься? Тебе она нравится? Мне кажется, что она всегда «говорит» со слушателем о главном, в ее песнях нет ничего мелкого, никакой пошлости или сентиментальности, а дышит сама жизнь, такая сложная, и трудная, и прекрасная...

...Сегодня я первый день вышла на работу. Побывала в Институте часа два, ушла домой обедать и уже не вернулась: опять заболело сердце, напала слабость, головокружение. И вчера, и позавчера были небольшие боли в сердце. Наверное, невралгические. Все-таки нелегко дается мне эта огромная трудовая и нервная нагрузка.

Всю вторую половину дня пролежала, но зато прочитала три четверти диссертации, по которой должна выступать оппонентом.

Вечером Инна принесла новый (уже третий) вариант своей статьи в тот сборник, верстку которого читал Абел. Это совсем новая статья на 50 стр., и ее надо заново редактировать — дня 2 потратить. А что делать?

32. Биченков Евгений Иванович (1937–2005) — доктор физико-математических наук (1981), в 1967–1973 — первый проректор НГУ, заслуженный работник высшей школы РФ.

33. Беляев Спартак Тимофеевич (1923–2017) — советский физик, академик АН СССР (1968), ректор Новосибирского государственного университета (1965–1978), автор работ по физике плазмы, квантовой теории, ядерной теории.

Потом пришли Люда Борисова³⁴ и Фред Бородкин, обеспокоенные моим намерением выделить их из сектора. Говорят: «Мы от вас никуда не уйдем, даже если будете гнать». Они по-настоящему близкие и преданные мне люди, я люблю их, и от них мне тоже передается тепло...

Академгородок, 16 марта 73 г.

Что сказать «по материалам твоего письма»? Рисуемая тобой картина... духовного и интеллектуального запустения грустна. Бедная страна, бедный народ. Бедный и материально, и духовно, и социалью. Все, что связано с культурой, второстепенно, второсортно, никому в общем-то не нужно. И как хорошо, что в этих условиях все-таки не переводятся люди, считающие духовную культуру высшей ценностью, посвящающие ей жизни без расчета на материальные и социальные блага. Это удивительно, но это ведь — так. Ты сам — один из таких людей. Или Эйдельман³⁵. Не знаю, сколько он получает, вряд ли много — кандидаты наук в гуманитарной области. И он говорил о том, как трудно печататься, годами лежат статьи в журналах и сборниках, и как трудно выехать в командировку для изучения периферийных архивов, и как бесконечно богаты, многообещающи эти архивы. Наверное, они не менее ценны, чем те собрания тибетских рукописей, что мы видели в «воспоминаниях о будущем», и их не надо расшифровывать, только читать. Но кому читать? Историки не нужны нашему государству. Они выпускаются всего в двух разновидностях: учителя для школ и преподаватели истории КПСС для вузов. Как-то мне попадались данные о структуре студентов по специальностям в США, Западной Европе и СССР. Разница поразительная: у них на долю гуманитарных специальностей приходится более половины выпускников, а у нас около 10%.

А ведь в этом — характер цивилизации, требования социальной системы к образованию. Наша цивилизация — антигуманна или антигуманитарна, не знаю. А мы все-таки постараемся сохранить те ценности, которые ей чужды, не нужны. Читаешь ли ты «Час быка»³⁶? Он — и об этом.

...я в основном уже выздоровела или выздоравливаю. Полное внутреннее расслабление и отказ от всякой работы на 2–3 дня сделали свое дело: нервные клетки все-таки как-то восстановились

34. Борисова Людмила Глебовна (1934–2004) — доктор социологических наук, автор работ по социологии образования, социологии личности.

35. Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) — советский историк и писатель.

36. Ефремов Иван Антонович (1908–1972) — советский ученый-палеонтолог, писатель-фантаст, философ-космист, автор романа «Час быка» (1968).

(?). А было плохо. Дело тут вовсе не в сердце и не в давлении, это — внешние проявления. Самое страшное было — отвращение к работе, к Институту, к своим повседневным обязанностям. При мысли о заседании дирекции или чтении спецкурса студентам мне хотелось плакать, и я чувствовала, что не могу этого, не хочу до отвращения. Сейчас прошло. Вчера до 2 часов ночи просматривала разработочные таблицы пробного обследования 1971 г. Массив очень маленький — всего 335 человек, но анкета богатая, и совокупность таблиц, разработанных по одному признаку — полу, — в сочетании со всеми вопросами представляет маленькую, но социально острую поэму о сельском образе жизни и, в частности, о положении сельской женщины...

Академгородок, 23 марта

...Я словно сняла с себя стальные доспехи, расправила плечи, вздохнула широкой грудью и, наверное, оказалась, тем самым, разоруженная к внешнему миру. В душе у меня вроде бы Христово Воскресение, а в мире реальном люди пожирают друг друга, разевая пасти и на меня. Может, отсюда и этот нынешний срыв, это сознание невозможности жить по правилам этого мира, это ощущение измученности, загнанности, которого раньше, честное слово, не было. Я все-таки позволила себе «разнежиться», а здесь нужны зубы, зубы и зубы...

24 марта, суббота, 9 час. вечера 1973

...Как камень спала. В 7 часов просыпаюсь, дух в доме прямо-таки невообразимый. Аромат. Нектар. Встаю, иду в кухню. А там — роскошнейший пирог с палтусом, ни в сказке сказать, ни пером описать. А при нем, пироге то есть, Галя Рыбкина и... Валя Печенкина³⁷, лаборант. Я только глазами захлопала, но мне было сказано, что по части пирогов Валю никто заменить не может, и тут мы начали пить чай с пирогом. О достоинствах его писать не могу, ибо язык мой недостаточно образен. Молиться надо на такой пирог!

Наконец, часов в 9 они ушли, сообщив, что завтра (т.е. сегодня) дежурить будут Милена Азарх и Валя Печенкина, которые готовят бигус из поросятины и кое-что еще, не менее достойное внимания, и кроме того, оградят меня от контактов с миром. Что же! Такой образ жизни мне, в общем, нравится, и я согласилась. Когда все ушли, я разлеглась на своем необычном ложе, составлен-

37. Печенкина Валентина Васильевна — выпускница экономического факультета НГУ (1972).

ном из двух тахт (?) и накрытом искусственной медвежьей шкурой (!), и стала читать новый роман Абрамова³⁸ в «Новом мире». Это — продолжение романа «Две зимы и три лета», который нравится мне очень сильно. Кажется, продолжение получилось слабее — конфликт (1951 год в деревне!) — очень внешний, весь лежит на поверхности. Все мы занялись изготовлением омлетов, кофе, а также травлением анекдотов. И должна я тебе сказать, что в процессе всей этой суеты, вроде бы смешной и вовсе не нужной, я как раз и выздоравливала, становилась сама собой, и уже весело смеялась над анекдотами.

Постепенно, однако, наш разговор перешел на более насущные дела, и я вынуждена была рассказать им о главном пункте, повергающем меня в прострацию своей неразрешимостью. Эта — ситуация с версткой сборника по трудовой мобильности, а точнее — с двумя статьями Рывкиной. Суть ситуации заключалась в следующем:

1. Верстка д. б. сдана в издательство не позже понедельника (26-го) или вторника (27-го) марта (разговор проходил 23-го).
2. Объем статей Рывкиной — около 4 п.л.
3. Обе статьи необычайно сырые, в сущности, неподготовленные к редактированию, с незаконченной авторской работой. Они требуют колоссального труда редактора.
4. К тому же обе они по тематике опасные, это — игра в мяч на минном поле, причем с завязанными глазами, ибо автор абсолютно беззаботен и лишен идеологического чутья.
5. Аганбегян уезжая сказал, что «моя подпись — это его подпись», т.е. он полностью мне доверяет и смотреть после меня не будет. Моя ответственность возрастает втрое.
6. Инка — мой лучший друг, и публикации этих статей очень для нее важны. Напротив, изъятие этих статей из сборника будет рассмотрено всеми недоброжелателями как скандал: «даже Заславская лично ничего не могла поделывать и по требованию Аганбегяна сняла обе статьи!!! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!»
7. Статьи интересны в научном плане. Их изъятие обедняет сборник.
8. Рывкина находится в истерическом состоянии, говорить с ней как с человеком сейчас невозможно. Тем более трудно работать как с автором.
9. Моя трудоспособность ограничивается 2–3 часами работы в день, а это — 8–10 страниц ее текста из 80 всего объема. Мне нужно на редактирование ее статей 8–10 дней, а есть 2–3.

38. Роман «Пути-перепутья» (1973) писателя Абрамова Федора Александровича (1920–1983).

Словом, раскинули мы мозгами и — что же? Одну статью забрала для редактирования Майя³⁹, а другую — Люся Хахулина⁴⁰, обладающая жизненной логикой и собаку съевшая в вопросах трудовой мобильности. Тема ее диссертации — «Анализ понятийно-терминологического аппарата исследований трудовой мобильности». Отредактировать статью она может, я уверена, но как сказать об этом «позоре» Инке? Ей, ст. научн. сотруднику 40 с лишним лет, редактируемой аспиранткой!..

25 марта 1 час ночи

...Только что ушли Милена и Люся, которые приносили Инкину статью. Суждение Люси беспощадно: статьи нет, она соткана из противоречий, не менее месяца работы, но вряд ли идея стоит того. Идейка слабенькая, статья неудачная. Напротив, Майка к статье относится оптимистично, надеется довести ее до стадии, когда я могла бы включиться в работу.

Итак, час ночи, я на ногах, чувствую себя нормально, только режет глаза. Выписанные мне глазные капли почему-то не закапываю, наверное, потому что глаза болят редко. В общем, наверное, можно считать, что я уже выздоровела.

Кстати: собственноручно с помощью Оксаны я изготовила сегодня жаркое из поросятины и пирог, обойдясь без Милены, Люси и Вали. Этот Галин пирог меня так потряс, что я должна была повторить ее подвиг. В результате к нам стала применима пословица «не красна изба углами, а красна пирогами». Впрочем, по линии «углов» я тоже кое-что делаю. Подрубил и повесила в кабинете... серые занавески... Смотрятся просто великолепно и по-настоящему радуют меня каждый день. Удивительно подходят к обоям и сами по себе хороши. Удачные оказались занавески для кухни. Теперь, пожалуй, очередь за спальней, хочется сделать ее еще уютней. Даже Оксана⁴¹ начала следить за своей комнатой, п.т. не на кого стало кивать, нет ни Леночки, ни папы.

Кстати, знаешь, у Леночки появилась возможность поехать летом в ГДР — Чехословакию на 20 дней. Стоимость путевки — 205 руб. — в моих возможностях, а мне очень хочется, чтобы она увидела свет с более широких позиций, как-то культурно подросла. Да и я таким путем вроде бы выполнила обязательство попутешествовать вместе с нею по Союзу.

39. Черемисина Майя Ивановна, сестра Т.И. Заславской.

40. Хахулина Людмила Александровна — кандидат экономических наук (1975), заместитель руководителя Левада-центра. До 1988 г. работала в Отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР.

41. Оксана — младшая дочь Т.И. Заславской.

Получила письмо от тов. Руткевича с официальным приглашением на пост его заместителя и зав. сектором социального развития села. Это уже — документ, с которым можно работать...

Академгородок, 27 марта 1973 г.

...Вчера Майка выводила меня в свет: мы смотрели фильм «Точка, точка, запятая». Не знаю, хорош он или плох с художественной точки зрения, здесь мнения расходятся, но настроение создает чудесное и может быть рекомендован всем пессимистам. На реализм он вовсе не претендует, весь из себя он яркий, праздничный, энергичный, и так мило происходят в нем добрые чудеса, и самый замухрышистый ученик становится главным героем класса. Но я серьезно говорю, что авторы не претендуют на реализм, и это хорошо, что происходит чудо. Пусть они будут, эти чудеса, и пусть незаметным маленьким людям тоже светит когда-то удача...

А еще каждый вечер слушаю свой любимый стереофонический электрофон. Потихоньку покупаю новые пластинки, вот на днях купила «Щелкунчик» и два квартета Бетховена, а еще — Кобзона и Миансарову⁴². Но все же самая моя любимая певица — это Пьеха. Говорят, что она сентиментальна, а по-моему — нет, или не очень. Я ужасно не люблю сентиментальности, и в детстве, когда Леночка и Оксана еще неважно говорили, они время от времени укоряли друг друга: «Не симентальничай! Мама, она симентальничает!» А я говорила: «Не симентальничает, а сентиментальничает. Оксана, не сентиментальничай, это нехорошо!» Но это — лирическое отступление, а главное заключается в том, что Пьеха всегда говорит о больших человеческих чувствах, причем очень разных, но это — не сантименты, а чувства. На моей долгоиграющей пластинке есть великолепная песня о ревности, о счастливой поре любви, о поре разрыва, об одиночестве и неразделенном чувстве, о надежде на будущее. А вот песни о городах — Ленинграде и Москве — мне как раз нравятся меньше.

Из художественной литературы во время болезни кроме Абрамова прочитала только «Ковалевскую» из ЖЗЛ⁴³. Сильная книга, горькая книга, книга, вызывающая на размышления. Только часть социальных условий, изуродовавших жизнь Ковалевской и сведших ее в могилу, ушла в прошлое. А как много осталось еще общих черт между ее и нашей жизнью — жизнь женщин, стремящихся заниматься наукой. И нигде это не проявляется с такой остротой, как

42. Миансарова Тамара Григорьевна (1931–2017) — советская и российская эстрадная певица.

43. Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) — российский математик и механик.

в области личных отношений... Не хочу никаких аналогий с Софьей и во многом отталкиваюсь от ее системы ценностей. Хочу богатства жизни и счастья, а наука чтобы — в том числе...

Академгородок, 2 апреля 1973 г.

...Не писала... уже несколько дней по одной причине: в пятницу наконец выпустили меня на работу. А утомляемость все еще остается большая. И хотя я пока провожу в Институте не более 2–3 часов, прихожу совершенно вымотанная и валяюсь без сил. Субботу и воскресенье по привычке пыталась загрузить работой: часа на 2–3 встретилась с аспиранткой, анализировали результаты стат. разработок наших данных, отредактировала пару статей в сборнике. Но устаю сравнительно быстро и как-то «напрочь». Что это за чертовщина, сама не знаю. В больничном написали много такого, в чем разобраться я не могу, а только поняла «астения» и «диадистрофия» и еще «вегето-дистонический синдром». Кто его знает, что оно все такое, но говорят, что это сейчас у многих и в общем-то предельная усталость перед летним отдыхом, когда люди оказываются как бы не в силах дотянуть последние месяцы. Сказывается и отсутствие витаминов, и суровость климата, и перегрузки. Правда, у меня был Kisловодск, но зато и множество «отягчающих обстоятельств», о которых не хочется вспоминать. Но в целом я уже здорово поправляюсь: первую половину дня чувствую себя хорошо, даже часов до четырех еще, потом начинается усталость, дома с 7 до 9 отдыхаю, а сейчас вот встала — и опять хорошо. Я как-то очень ощущаю эту «хрупкость» и «ненадежность» своего состояния и отнюдь не перегружаю себя работой. В пятницу, правда, прочла студентам лекцию, а это, конечно, нагрузка. Сегодня же только приняла несколько человек по неотложным делам, и уже в полшестого ушла домой.

...Две встречи заслуживают, чтобы о них рассказать. Первая была с Влад. Никол. Турченко⁴⁴, которого я хотела бы взять к себе в сектор на должность ст. научн. сотрудника для обеспечения темы «Образование». Аганбегян, если ты помнишь, обещал мне взять его, если я отдам Борисову, ныне выполняющую эту тему, в журнал «ЭКО». Беседовали мы часа 2, и впечатление осталось очень отрадное. Человек, который умеет и думать (генерировать идеи), и организовывать, и работать с эмпирическим материалом. К тому же — мужчина, что в моем женском секторе, ей богу, немаловажно, хоть в командировку можно послать; и сравнительно молодой — около 40. Довольно много печатных работ, только что вышла его статья в «Вопросах философии», на ру-

44. Турченко Владимир Николаевич (1928 г.р.) — доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета.

ках верстка книги, выходящей в «Политиздате», — «Образование и научно-техническая революция». Проект наш он знает прекрасно и давно потихоньку с нами сотрудничает, так что тут долго говорить не надо было. Словом, он готов, и мне очень хочется его взять, а Абел вроде дал согласие. Как было бы хорошо, если бы это состоялось!!!

А потом приходил Калинин извиняться за содеянное. По-моему, он довольно сильно переживает. Говорил не так много, но вроде прочувствованно, и несколько раз одно и то же. Основной смысл — сожаление, что так поступил, и клятва, что никогда больше у меня не будет никаких неприятностей из-за него. Я переспросила: «Не буду больше болеть из-за Вас?» «Честное слово — никогда!» Я, конечно, не могла сказать ему, что все это ерунда и не стоит выеденного яйца, как говорила обычно, когда он что-нибудь переживал ставшее между нами. Сказала, что в моей болезни — хорошая доля его вины, но что поделаешь, сделанное не изменишь, и потому забудем все это, зла на него держать не стану. Говорила с ним очень спокойно, все-таки прошло уже полтора месяца, но какая-то была особая внутренняя усталость, не от болезни уже, а именно от него. Ведь он — ...клялся мне в своей преданности не раз, а потом предавал, а потом снова клялся — божился, и опять предавал — обычно по мелочам, а в последний раз чуть-чуть покрупнее. И вот сейчас — очередная клятва, которой он, несомненно, верит, а я — не верю, и он чувствует, что не верю, чувствует именно по этому выражению усталости и отчуждаемости, которого прежде не было. Интересно было бы все-таки знать, что у него внутри. Сложный он человек, сложный и страшный: сильный ученый и очень слабый, маленький человек...

Ну вот, пожалуй, и все о работе. Сборник редактируем вместе с Валей Калмык в четыре руки. Несколько статей уже напечатано. Жду твоей статьи, но ты, наверное, по-прежнему очень-очень занят. Миша Суховский⁴⁵ рассказал мне сегодня, что пристроил практически весь наш массив 1972 года (50 тыс. перфокарт) на фабрику механизированного счета 3-С железной дороги. Это будет стоить — 3-4 тыс. рублей, но делают они быстро и очень качественно, а наш институтский ВЦ за 2 месяца сделал 5 тыс. перфокарт, на всю работу ему понадобилось бы 20 месяцев. Для Института 3-4 тыс. руб. — пустяк, но они заранее не запланированы, и выбить их будет, наверное, нелегко... А вообще Миша — ужасно хороший и добросовестный парень. Между прочим, он сообщил мне чисто личную новость, которая меня ошеломила: они ожидают 3-го ребенка. Ему еще нет 30, как и жене, дочке лет 5, а сыну нет по-

45. Суховский Михаил Леонидович (1943 г.р.) — кандидат экономических наук, доцент, до 1992 г. работал на кафедре применения математических методов в экономике и планировании экономического факультета НГУ, а также в Отделе социальных проблем ИЭиОПП.

лутора лет. Смелые люди! Сейчас мало кто решается заводить такие большие семьи, и так тяжело достаются дети!..

Академгородок, 7 апреля 1973 г.

...Как видишь, мне все-таки трудно противостоять веяниям технического прогресса, и я изменяю только что декларированному принципу ручного писания писем... Как ни велико обаяние патриархальных традиций, современной жизни они, видимо, противопоказаны...

...Несмотря на телефонный звонок Руткевича, убедительно просившего написать подробный ответ на его предложение, я ему все еще не написала. Думаю, советуюсь с близкими людьми. Сегодня, наверное, напишу.

Вчера приходил Паша, который после приезда из Москвы в тот же день уехал в Кемерово и только что оттуда вернулся. ...Кажется, ты произвел на него сильное впечатление («Послушай, но это же просто здорово!», «Я просто не ожидал встретить такого человека», «Крупный человек, крупная личность, я очень люблю такие людей. Уверен, что в любой другой стране он занимал бы выдающееся положение»). Не знаю уж, чем именно ты его покорила, детально мы об этом не говорили, но в общем-то это ясно и понятно...

В течение двух часов мы обсуждали с Пашей различные производственные стороны моего перехода к Руткевичу, связанные с этим многочисленные «за» и «против». Вопреки твоему прогнозу, Паша, который впервые услышал о сколько-нибудь серьезном моем намерении уехать в Москву и был этим крайне поражен и удручен, все-таки высказался за этот шаг, а не против него. Ведь мы с ним в науке — единомышленники, мы сформированы одним университетом, одними и теми же учителями, в сущности, нам нужна одна и та же научная атмосфера и прежде всего атмосфера теоретической работы, решения крупных экономических или социальных проблем. По отношению к основному профилю института — конструирование системы моделей оптимального планирования — мы оба всегда занимали сдержанную позицию, чем и навлекли на себя негодование ее создателей, и сейчас в нашем Институте Паше не лучше, а даже хуже, чем мне, и если бы он мог, если бы было куда, то он, конечно, бы тоже уехал. В этой обстановке у него оказалось достаточно объективности, чтобы не отговаривать меня от шага, который самому ему представляется заманчивым. Вместе с тем он высказал убеждение в том, что я сама еще не вполне созрела для реализации своего решения, поскольку последняя предполагает прежде всего отказ от внутренней зависимости от Абеда, как бы «попрание» этой зависимости, полную эмансипацию, я же смотрю на Абеда как на руководителя, вождя и «хозяина». Еще Паша го-

ворил, что для Абеда мой уход крайне невыгоден во всех отношениях, особенно же из-за того отклика, который он неизбежно вызовет во внешнем экономическом мире. И поэтому он, мол, пойдет на все ради того, чтобы меня удержать. А я, по Пашкиному убеждению, растаю и «брошусь ему на шею, хотя в действительности как ученый я ему совершенно не нужна и направление социологическое не нужно, да и весь Институт не нужен, и единственное его требование к Институту, в котором он почти не бывает, это чтобы не было никаких неприятностей, компрометирующих Абеда в ЦК. Паша сказал также, что мой уход будет очень сильным шагом в сторону «посерения» института и в силу этого, скорее всего, вызовет еще несколько отъездов, в том числе — и его собственный, как только это станет возможно...

...Готова ли я к тому, чтобы занять прочную позицию в разговоре с Абедем? Не знаю. С одной стороны, я привыкла к тому, что он правомочен решать за меня, давать мне указания, требовать, спрашивать. Словом, привыкла ему подчиняться, и взбунтоваться (не имея к этому каких-либо внешних причин) мне, наверное, нелегко. С другой стороны, события последних месяцев настолько сильно повлияли на мое отношение к Институту, а также к собственному отделу, к секторам Малинина, Антосенкова⁴⁶ и Артемова⁴⁷, я не верю их доброму отношению ко мне, не верю внешне высказываемому уважению, не вижу возможностей хоть какого-то влияния на направление их научной работы... Несколько дней назад Фред Бородкин, возглавляющий небольшую группу по применению математических методов в социологии и числящийся сотрудником моего сектора, пришел ко мне радостно возбужденный. «Ну, Т.И., могу Вас порадовать. Полученные нами с Соболевой⁴⁸ результаты настолько интересны и важны, что можно сказать смело: положено основание математической теории миграции населения. Далее он изложил мне основные принципы построенных им моделей, сказал, насколько точно они прогнозируют реальные миграционные потоки и, наконец, закончил: «Если этот результат станет известен в других отделах, то уверяю Вас, что отношение к нашему отделу полностью переменится. Люди наконец поймут, что мы занимаемся делом, что наша работа им нужна и полезна».

46. Антосенков Евгений Григорьевич (1930–2016) — доктор экономических наук (1976), профессор, в 1963–1977 — заведующий сектором статистических и математических методов в социальных исследованиях ИЭиОПП, автор работ по социологии труда и экономическим проблемам труда.

47. Артемов Виктор Андреевич (1938–2019) — доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии экономического факультета НГУ, с 1961 работал в ИЭиОПП СО АН СССР, автор работ по социологии социальных изменений, бюджетам времени, социальному планированию.

48. Соболева Светлана Владимировна (1939 г.р.) — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭиОПП СО РАН, специалист в области демографии и экономики народонаселения.

И он совершенно прав. Созданный ими продукт в нашем Институте — высоко престижен, не говоря уже о том, что он сам по себе интересен. Но меня интересует не математическая, а содержательная социология, реальные закономерности и противоречия развития общества, а на такой продукт спроса как нет, так и не будет, и Бородиным тут не спасешься. Более того, мне глубоко неприятно, что сотрудник, ведущий исследование по периферийному направлению, как бы протягивает мне руку помощи, помогая поднять слишком опустившийся престиж отдела хотя бы за счет этой частной работы. Не знаю, может быть, я преувеличиваю, но ощущение от этого разговора осталось довольно болезненное. Все это говорит о том, что решение о переезде в Москву все более созревает во мне, и если я не сделаю этого в ближайшее время, то сделаю через полгода, через год или два, ибо внутренне я уже отчуждена от Института. А если так, то, как и при разводе, наверное, надо стремиться сократить агонию.

...В работу я уже включилась полностью. Вчера впервые пропустила все процедуры в диспансере из-за того, что готовилась к лекциям по спецкурсу. Надо было прочитать сразу две лекции, а для этого просмотреть новую литературу. Прием лекарств пропускаю постоянно, так как уже не помню об этом, а это, наверное, лучший показатель.

В среду ездила в обком партии на прием к секретарю по агитации и пропаганде Алферову⁴⁹. Мы с ним когда-то начинали переговоры о конференции, и проситься к Горячеву⁵⁰ через его голову мне было бы неудобно. Проговорили часа полтора. С конференцией все в порядке. Как выяснилось, все возражения были связаны с тем, что Лаврентьев, постепенно дряхлеющий и многое делающий невпопад, листая документы нашей конференции, увидел письмо за подписью Михалкова⁵¹ (как председателя Союза писателей РСФСР), тут же позвонил Горячеву и сказал: «Я там написал тебе какое-то письмо о конференции по деревне, подписал, не читая, ты уж извини. А сейчас смотрю, они тут Сережку Михалкова приглашают! На что нам Сережка Михалков? Глупость какая-то. Не будем мы эту конференцию проводить, не читай письмо!» А Сережка Михалков «Фитилем» как бы кого-нибудь не протянул. И вот, вместо того, чтобы вызвать меня как председателя оргкомитета, побеседовать со мной и выяснить, при чем у нас Михалков, мне передают какой-то неясный и неаргументированный слух о том, что «обком против». Не Лаврентьев, а имен-

49. Алферов Михаил Семенович (1917–2000) — кандидат исторических наук, в 1961–1979 — секретарь Новосибирского обкома КПСС.

50. Горячев Федор Степанович (1905–1996) — в 1959–1978 — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС.

51. Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) — писатель, поэт, драматург, баснописец, общественный деятель.

но обком. И это стоило нам полгода. Теперь назначили конференцию на 9–13 июля. Труды конференции по существующим у нас правилам должны быть сданы в РИСО за 3 месяца до ее начала, т.е. буквально на днях. Три раздела сборника уже отредактированы и печатаются, четвертый я редактирую сейчас, а пятый («образ жизни», куда должна была бы пойти твоя статья) редактируется Валей Калмык.

Академгородок. 7 апреля 1973 г. (письмо М.Н. Руткевичу)

Дорогой Михаил Николаевич!

Прежде всего прошу извинить за долгую задержку с ответом. Она была связано частично с болезнью, а частично с желанием тщательно продумать содержание своего ответа.

Дать Вам сколько-нибудь твердый и окончательный ответ на предложение перейти в ИСИ я в настоящее время не могу. Слишком много социальных связей и отношений задевает это решение, слишком серьезного и всестороннего взвешивания оно требует. Ведь тут не только работа, но и отношения с людьми, и судьбы дочерей, и бытовое устройство, все-все должно быть подвергнуто изменению. Стоит ли? Пришло ли для этого время? Так сразу и не ответишь.

Единственное, что я могу сказать определенно, это, что Ваше предложение далеко не оставило меня равнодушной и даже, быть может, явилось тем стержнем, вокруг которого вертятся мои мысли в последнее время. Вот она — таинственная сила бумаги. Не зря Вы пишете, что сперва хотели позвонить, а потом решили написать. Разговоров у нас уже было много, а бумага... это все-таки сила. Во всяком случае, меня она заставила задуматься обо всем этом более серьезно.

В феврале исполнилось десять лет моей жизни и работы в Сибири, что дает мне моральное право ставить вопрос о возвращении в Москву. В Москве меня привлекает большая интенсивность научной жизни, научных контактов, оживленная циркуляция идей, более выраженная атмосфера теоретической работы. Интересующее меня направление исследований, как мне кажется, больше подходит к профилю ИСИ, нежели ИЭиОПП, увлеченного системой экономико-математических моделей и не слишком интересующегося человеком. Наконец, заведывание сектором социального развития деревни в центральном социологическом институте, а тем более — выполнение функций Вашего заместителя по социально-экономической проблематике, открывает несколько больший простор для реализации разных творческих замыслов, в частности, разрабатываемого мной исследовательского проекта.

Однако, как я Вам уже говорила, есть много соображений и в пользу Сибири: здесь, по крайней мере, все знакомо, и знаешь

расположение всех косяков, о которые можно удариться головой. Кроме того, за долгие годы сформирован неплохой коллектив, Аганбегян меня, в общем, не обижает, бытовые условия отличные, дети страшно привязаны к городку, здесь живет моя единственная сестра, которую я перетащила сюда из Тулы, но не могу взять с собою в Москву, и т. д. и т. п. Немаловажно и то обстоятельство, что в ИЭиОПП в настоящее время сосредоточена громадная социологическая информация о развитии сибирской деревни, информация, собранная по моему замыслу, под мои идеи, представляющая, как мне кажется, значительную ценность и овеществляющая в себе картину сибирского села. ИЭиОПП эту информацию воистину отдаст, так же как не отдал НГУ анкет Шубкина⁵² и Шляпентоха⁵³. Но ведь эти анкеты, по сути дела, пропали для науки, их никто больше не обрабатывал. Если та же судьба постигнет информацию, собранную нами о деревне, то несколько лет моей жизни можно считать зачеркнутыми.

Словом, все это сложно, и надо думать. Для того же, чтобы это думание было эффективным, я хотела бы задать Вам несколько серий разных уточняющих вопросов.

Первая серия касается уточнения круга прав и обязанностей, связанных с местом Вашего заместителя вообще и куратора социально-экономических исследований в частности. О каких секторах Института в данном случае идет речь? Как Вы представляете себе стоящие перед нами задачи? Чем отличается направление социально-экономических исследований ИСИ от аналогичных работ, проводимых экономическими институтами? В какой мере сектора, которые могут оказаться подведомственными мне, уже укомплектованы людьми? Какими? Как конкретно Вы представляете себе разделение прав и обязанностей между Вами и мною? Какую часть работы можете доверить мне, какие командные пункты сохранить за собою? Постановка всех этих вопросов вызывает желание возможно более конкретно представить себе поле будущей деятельности. Вы знаете, что я отнюдь не стремлюсь к административной работе и потому в свое время категорически отказалась

52. Шубкин Владимир Николаевич (1923–2010) — доктор философских наук, социолог, в 1960-е был научным сотрудником Института философии, затем уехал в новосибирский Академгородок, где заведовал сектором в ИЭиОПП, отделом в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, преподавал в НГУ. В Сибири под его руководством были проведены фундаментальные исследования профессиональной ориентации молодежи. В 1969–1972 — зав. отделом Института конкретных социальных исследований, с 1972 по 1991 — завотделом ИМРД.

53. Шляпентох Владимир Эммануилович (1926–2015) — советский и американский социолог, с 1963 работал в ИЭиОПП, преподавал в НГУ, сотрудник ИСИ с 1969, эмигрировал в США в 1979, профессор Мичиганского университета, автор работ по методологии социологических исследований, истории советской социологии, проблемам общественного мнения, социальным ценностям.

от «замдиректорства». Но есть два обстоятельства, с которыми приходится считаться. Первое заключается в том, что переход на более высокую должность, более масштабную работу является, по-моему, единственным способом переехать из Новосибирска в Москву, иначе просто никто не станет разговаривать. Второе же обстоятельство таково, что если имеешь некоторый круг обязанностей (а замдиректора их, безусловно, имеет), то чрезвычайно важно иметь и соответствующие права, иначе получается чепуха и нервотрепка.

Вторая серия вопросов касается конкретных перспектив реализации исследовательского проекта о деревне. Прежде всего работать со Староверовым⁵⁴ я не буду ни при каких условиях. Если убрать этого человека из сектора не представляется возможным, то все дальнейшие вопросы снимаются, как и обсуждение проблемы в целом. Да и вообще, я бы предпочла начать формирование нового коллектива с нуля, ни в малой мере не торопясь с этим делом. По-видимому, каждый подчиненный представляет для руководителя ценность, измеряемую разностью между тем, что он дает, и тем, каких вложений он требует. С этой точки зрения широкий круг работников должен получить чисто негативную оценку, а если такие работники накапливаются, то всю собственную энергию начинаешь расходовать только на компенсацию этих отрицательных разностей. Этой науке я уже обучилась и хотела бы впредь быть мудрее. Что я хотела бы в этом отношении? Во-первых, чтобы проект был Вами прочитан, одобрен (на этом берегу) и включен в план работ ИСИ. Во-вторых, чтобы сроки его реализации были установлены спокойные и оставляющие время на предварительную теоретическую работу. В-третьих, чтобы мне было разрешено сохраниться за собой научное руководство новосибирским сектором (разумеется «на общественных началах») и несколько раз в году ездить в Новосибирск. В-четвертых, чтобы со временем в секторе было достаточно людей для проведения комплексного социально-экономического исследования деревни, т. е. примерно человек 15. В-пятых, чтобы эта работа проводилась в кооперации с рядом исследовательских и проектных организаций, которые выражают на то согласие: это ЦНИЛС Центросоюза СССР, Госгражданскпроект, Госкомитет по трудресурсам, ЦСУ РСФСР и др. Хорошо было бы также провести эту работу как совместную с Институтом экономики АН СССР, где у меня много единомышленников и друзей. Хотелось бы знать Ваше отношение ко всему этому.

Третья серия вопросов касается вероятных бытовых условий существования. Поскольку Вы — не меньший реалист, чем я, о чем сами недавно мне говорили, то понимаете, что это — немаловажно. Здесь у меня отличная пятикомнатная квартира, в Москве — две

54. Староверов Владимир Иванович (1940 г.р.) — доктор наук, социолог, сотрудник ИКСИ (ИСИ) в 1969–1991, автор работ по социологии села.

комнаты в общей квартире, поскольку третью комнату я должна отдать мужу. В случае переезда в Москву я буду жить с двумя дочерьми, ибо старшую надо будет перевести из Восточно-Сибирского института культуры в московский. Дочери — взрослые, каждой требуется комната, мне же — спальня и кабинет. Нужна четырехкомнатная квартира. Могут ли я рассчитывать на ее получение от Академии? Насколько это реально? Сроки? Район? Качество? Что касается других форм обслуживания, то, насколько я знаю, в Москве они поставлены лучше, чем здесь. Единственный серьезный вопрос — это возможность пользования машиной. Своей автомашины я не имею, а при московских расстояниях и интенсивности перемещений с помощью метро, пожалуй, не проживешь. Скорее есть смысл поработать в Сибири и купить все-таки машину, поскольку здесь это делается гораздо легче, нежели в Москве.

И, наконец, четвертое. Как член Академии я не вольна распоряжаться собой: направлять меня на работу в какой-либо институт может только экономическое отделение, к которому я приписана. Но, разумеется, и его решение здесь не последнее. Есть еще секция общественных наук, есть Президиум Академии, есть Сибирское отделение и отдел науки ЦК. А в этом отделе, по крайней мере, два сектора, имеющих отношение к вопросу: сектора философии и экономики. Мне не хотелось бы делать даже начальных шагов по подготовке своего переезда, в частности, начинать разговор с Абелом, не зная, как отнесутся к этой затее «верхи». Иными словами, начинать разговор есть смысл в том и только в том случае, если намерение твое — серьезное, и ты не остановишься на полпути. Иначе и отношения испортишь, и доверие потеряешь, и дела не сделаешь. По-видимому, обращаясь ко мне с этим предложением, Вы предвзвительно проговаривали вопрос и с П.Н. Федосеевым⁵⁵, и в отделе науки. Но здесь остаются, по крайней мере, два неизвестных — позиция Федоренко по этому вопросу вызовет в экономическом мире сенсацию, за которую Абель не скажет спасибо.

Для Абела мой отъезд из Сибири крайне нежелателен, и не потому, что он слишком высоко ценит меня как ученого или же ценит социологию. Просто я — единственный, кроме него, членкор, двое выборов не дали нам никаких результатов, кажется, мы заблокировали в ЭО прочно, так что надеяться на пополнение трудно. Кроме того, вот уже десять лет наши имена упоминаются рядом, и мой отъезд обязательно будет воспринят экономистами не как факт личной биографии, но и как симптом идейного расхождения, а ему

55. Федосеев Петр Николаевич (1908–1990) — философ, социолог и общественный деятель, академик (1960), вице-президент АН СССР (1962–1967, 1971–1988), член ЦК КПСС с 1961, директор Института философии в 1955–1962, директор Института марксизма-ленинизма в 1967–1973, автор работ по историческому материализму, научному коммунизму, критике западной философии и социологии.

этого не хотелось бы. В силу этого в разговоре на эту тему, состоявшемся в январе, он заявил, что «примет любые мои требования, разумеется, в пределах человеческих возможностей». Заявление довольно сильное, но не очень ответственное. Думаю, что договориться с ним будет мне нелегко, в ход пойдет вся его сильная логика и все возможные аргументы. Но сейчас он — в Москве, работает на даче, пишет очередной документ. Вернется только 1 мая, когда мы с Вами по идее будем разгуливать где-то в Западной Германии. Так что поговорить я с ним смогу только после 10 мая. Надеюсь, что до тех пор у нас с Вами будет возможность обговорить поставленные выше вопросы.

Из-за отсутствия Абеда и своей болезни я ничего нового не знаю о реакции Федоренко на социологический документ.

До встречи в Москве, с сердечным приветом

Академгородок, 12 апреля 73 г.

...Вернулась из Института довольно поздно — было заседание партбюро, по существу, что-то вроде ритуальной службы, только неизвестно какому Богу молитва. Посуди сам, повестка дня такая: о работе по гражданской обороне («гроб»), о создании праздничной комиссии, о подготовке к обмену партдокументов и о подготовке к предстоящим выборам. Что ни вопрос, то мертвечина, фальшь, никому абсолютно это не нужно, но все хорошо знают ритуал. Задают вопросы, принимают решения... Какая затрата человеческого времени, сил, труда, и все впустую, все вхолостую, и никто ни во что не верит, и никто никогда об этом не скажет. У Майки в Институте проводили занятия по «гробу», объясняли им, что такое противогаз и как с ним обращаться. Ради этого она пропустила 6 часов в НГУ. Спрашивают: «Вопросы есть?» Майка: «Есть». — «Да, пожалуйста?» — «А курить в противогазе можно?» (*Хамит.*) — «Нет, товарищи, курить в противогазе нельзя. Курить можно только в том случае, если противогаз в походном положении, а когда он надет, курить нельзя». Ну как тебе это нравится? Есть в этом смысл? Кстати, у нас почему-то этот самый «гроб» жутко активизировался во всех институтах. А у вас? Мы тут гадаем о причинах этого явления, интересно, местное оно или общее.

И вот прихожу я после всего этого домой, а меня ждет твое письмо, такое живое и человеческое на фоне всей этой мертвечины. Это светлая ниточка, протянувшаяся между нашими далекими городами, так важна, так жизненно необходима, как кислородный кабель подводнику. Почитаю твое письмо, подышу кислородом, и опять готова к жизни в «маловоздушном пространстве» — безвоздушным его все же не назовешь, п.т. много кругом хороших людей.

...мой день рождения был очень счастливым и светлым, но дальше твоей телеграммы... я продвинуться не сумела. А между тем

я получила много подарков, которым радовалась как дитя. Представь, где-то в 10 часов утра раздается звонок (я еще не одета, причёсываюсь в прихожей и потому открываю дверь еле-еле), и в открывшуюся дверную щель мне протягивают букет великолепных роз со словами «Заславской от Насонова». Я даже ахнуть не успела, как посланец исчез. У нас кругом еще сугробы, а тут розы, да еще какие! А Насонов, бедняжка, это мой аспирант-заочник (бывший), неспособный писать. Его тезисы в сборник я переписала заново от первой до последней страницы.

Потом явились Майя, Таня и Ира (ее дочь) и принесли мне кувшин с тюльпанами, за которыми Таня ездила в город, но самый интересный подарок, безусловно, был от Пашки. Прихожу вечером с работы — в прихожей большой деревянный ящик. Говорят: подарок от Олдака. Что же это, думаю, за подарок? Раскрываю ящик, а в нем... Огромное и прекрасно, мастерски сделанное чучело полярной совы, сидящей на суку дерева. Сама серая, а глаза — желтые. Чудо-сова! Я ее посадила на шкаф в спальне, и она смотрит на меня своими желтыми глазами с каким-то странным выражением.

На работе у меня тоже полный цветник: большой букет гвоздик от сектора, тюльпаны от бывшего дипломника Носика и еще какие-то белые цветы, вроде лилии, не знаю какие.

Валя Калмык подарила мне французские духи, присланные сестрой из США. Инка — книгу про постимпрессионистов (с картинками) и три кухонных полотенца (весьма кстати, тем более что они теперь дефицит, как, впрочем, кажется, и все остальное!). Что же касается Оксанки, то она поистине превзошла самое себя. Не помню, говорила ли я тебе, что в свое время за окончание курсов машинописи я обещала ей премию — 100 рублей. Думая: если не кончит, то и платить не придется, а если кончит, то это такая победа, такое реальное завоевание, что и 100 руб. не жалко. Движимая мощным материальным стимулом, она зубами держалась за курсы, сдала экзамены на «4» и... получила свои 100 руб., которые я положила на ее имя на книжку. Было это 3 апреля.

8 апреля она спрашивает, что мне подарить. Я говорю, что вещей мне не нужно, все у меня более или менее есть, а лучше помоги мне трудом: возьми белье из прачечной, сдай вещи в ремонт, в химчистку и т. д. и т. п. «Нет, — говорит, — это само собой, а я что-нибудь куплю». — «Ну купи, но только недорогое — ну пластинку стереофоническую или чулки и т. д.». И что же ты думаешь она мне купила? Ты только послушай: музыкальную шкатулку с танцем маленьких лебедей, красивую комбинацию, грацию, две пластинки, набор свечей и ножнички (одной из вещей, которую я просила в качестве подарка). Я просто охнула: «Оксанка, да ты с ума сошла, ты же потратила все свои деньги!» И действительно, оказалось, что все это стоило около 70 рублей! Какие-то разноречивые чувства смешались в моей голове: я была и растрогана ее благородным порывом, и огорчена тем, что она совсем не чувствует денег,

не ощущает их реальной цены. То, что легко пришло, легко и уходит. С большим трудом уговорила ее взять деньги хотя бы за грацию, чтобы считалось, что ее купила сама, — это все-таки 25 руб. И еще взяла на себя покупку пледа, который она хотела оплатить из своих скромных средств. Благодаря этому у нее на счету сейчас 68 руб., на которые она собирается на майские праздники съездить поездом в гости к Леночке. Затея очень удачная, если принять во внимание, что меня в Новосибирске не будет, а Леночка тоже 4 дня будет практически одна: все ее девочки — из-под Улан-Удэ, на праздники разъезжаются. А Оксанка из окна поезда посмотрит на мир, увидит красоты Восточной Сибири, Байкал... Сейчас она подрабатывает на эту поездку, печатая наш сборник...

Академгородок, 16 апреля 1973 г.

...Вот уже 3 полных дня я, не разгибаясь, сижу за машинкой. В воскресенье работала с 11 утра до 12 ночи, в субботу — тоже, только с перерывом на большую прогулку, сегодня начала где-то в 10, а сейчас уже 11 вечера. Даже на работу не пошла, чтобы побольше сделать. Пишу вступительную статью для сборника, она получается вроде бы интересной — замысел ее богатый — но с объемом беда. Уже написала 21 стр., а не дошла и до половины, у меня же всего 20 стр. объема. И неизвестно, за счет чего расширяться, так как сборник и так перегружен. Не знаю, что делать.

Инка, например, написала тезисы чисто методологического плана — и это после всех разговоров! Она умудряется в них рассматривать даже «функции научных понятий». Это — для председателей-то колхозов и работников проектных организаций. Я привезу тебе экземпляр своих тезисов после редакций, дабы ты мог либо узнать, либо не узнать себя в этом зеркале и высказать свои соображения.

Вообще же дело идет скандально. Большинство авторов здесь и все обижаются, когда из 20 стр. остается 2, а из 12 — 1. Идут ко мне жаловаться на Вальку, а я должна быть ей благодарна, ибо сама не смогла бы быть столь безжалостной. С грустью думаю о том, что мы ведь просили именно 25 п.л., а нам дали 20, почему — неизвестно, обычное «соображение» — как-нибудь обойдетесь.

Вот видишь, как я «заведена». Ведь вот уже отложила работу, захотелось... поболтать, и о чем же идет этот разговор? Опять все о том же проклятом сборнике... Просто-таки хочется выскокить из этого круга, осмотреться вокруг себя, увидеть небо и ясные звезды. А то за 3 дня всего только раз выходила вчера на улицу. Но если бы ты знал, как мы погуляли с Инкой и ма-а-аленькой собачкой Кутей! Ах, какая дивная была прогулка! И, наверное, только из-за нее, из-за полученного заряда бодрости я сумела написать целую 21 страницу! Переписала вчерашние 3, а потом

уже — по целине. Так вот о прогулке. Вышли мы на волю, наверное, часов в пять. Было тихо и солнечно. Снег у нас сейчас только таит, страшный потоп, но это — в лесу и на полулесных участках возле домов, а на асфальте уже сухо. Мы пошли по направлению к морю. Кутя была совершенно опьянена этим обилием солнца и воздуха и даже... встречных собак. Она же у меня домоседка, ничего-то она в своей жизни не видит, в кои веки взяли ее на прогулку. Видя, как она рвется с поводка, мы свернули в лес, на широкую просеку для электростолбов. Ах, какая там была красота! Весь снег уже стаял, земля сухая, довольно много зеленой травки. А воздух тихий-тихий и теплый. Лето... Потом дошли все-таки до моря. Оно, конечно, еще подо льдом, но песок на берегу растаял и довольно сухой. Побродили, позагорали (лицами), дали собаке набегаться. А когда возвращались домой, она, бедная, едва волочила ноги, устала, наверное, как никогда. Вечером Инка пошла в кино посмотреть «Печки-лавочки» — про деревню, а я осталась дома: очень устала.

Сегодня должен был приехать Абел, и я собиралась было с ним встретиться и поговорить. Но не тут-то было! Сказали, что он придет не раньше пятницы, а вполне вероятно, позднее. Если в пятницу вечером, то скорее всего мы с ним не увидимся, ибо разминемся. Да если и будет пара часов его пребывания на Новосибирской земле до моего отъезда, то вряд ли будет уместно начинать разговор об отъезде. А жаль. Отправляясь в ФРГ с Руткевичем, мне было бы вовсе не вредно знать позицию своего дорогого начальника. Ты пишешь, чтобы я не становилась в позицию «плевать на всех, в том числе на Абела». Я думаю, это исключено. К Абелу я отношусь хорошо, хотя наше сотрудничество не было безмятежным. Резкое охлаждение произошло тогда, когда он полностью бросил науку ради избрания в академики. Я осуждала эту позицию довольно открыто и говорила об этом нашим общим друзьям в Москве. Почувствовав мое охлаждение, он тоже замкнулся, отодвинулся, стал относиться хуже. Но надо отдать ему справедливость, после провала на первых выборах он опять вернулся к науке лицом, стал писать книги, много работать. Причины для охлаждения вроде исчезли, а ощущение пробежавшей кошки осталось... Но по сравнению, скажем, с Руткевичем такого рода нюансы, конечно, мелочь...

Академгородок, 17 мая 1973 г.

...Уже из того, как я написала слово «Академгородок», ты можешь в известной мере судить о моем душевном состоянии. Сегодня — четверг, уже шесть дней, как я возвратилась в Новосибирск, а я до сих пор не имела возможности написать тебе... Дело в том, что прямо с утра понедельника здесь закружилась такая карусель событий, что я не имею возможности сесть за машинку: большая часть времени уходит на разные формы коммуникативной деятельности,

а когда я попадаю домой, то оказываюсь совершенно обессиленной, не могу даже говорить, не то что писать. Тем не менее все-таки попытаюсь ввести тебя в курс основных событий. К их числу относятся: перелет, первые контакты с домом Аганбеяна, основной разговор с Абелом, заседание сектора с объявлением о моем отъезде, встреча с заведующими секторами с той же информацией, заседание бюро дирекции, индивидуальные беседы с каждым сотрудником о его будущем, партсобрание отдела. Сегодня я, кроме того, должна встречаться с академиком Марчуком, первым заместителем Лаврентьева, а фактически — фигурой № 1 в СО АН СССР. Пожалуй, именно эта встреча имеет решающее значение, потому что отпускать или не отпускать меня будет именно Сибирское отделение, предварительные же данные уже имеются о намерении не отпускать. Напряжение нервов — колоссальное, но держусь пока ничего. Сказывается отдых за счет поездки в ФРГ и потребленные там витамины...

Абел позвонил довольно поздно вечером и назначил встречу на понедельник в 9 утра. Разговор наш занял примерно час. Он без всяких оговорок согласился меня отпустить, сам посоветовал идти к Федоренко, а не к Руткевичу, сняв тем самым основное препятствие к принятию такого решения, обещал отдать мне всю информацию о социальном развитии деревни, сказав, «что не видит в Институте никого, кто был бы заинтересован в этой информации». Выразил намерение после моего отъезда распустить и отдел, и мой сектор. Сектора Малинина, Антосенкова, Артемова передать в другие отделы, а моих сотрудников — частично в сектор Можина...

В разговоре со мной Абел не высказал никаких особенных сожалений по поводу моего ухода. Отношение — деловое, ощущение тайного облегчения по поводу того, что можно наконец без скандала и даже не по своей инициативе прикрыть социологическое направление. Отчетливое стремление сделать все побыстрее. Предложение: чтобы я в тот же день (понедельник) объявила все сектору и бюро отдела, а во вторник провести бюро дирекции. Затем — идти к Марчуку без него («Не могу же я ходатайствовать, чтобы у меня забрали членкора»), а в случае необходимости он готов подтвердить, что отпускает меня добровольно.

Закончив разговор, я вышла с чувством облегчения от того, как легко прошла эта операция, и от того, что он не возражал против ЦЭМИ, а, наоборот, советовал выбрать именно его. Ну и, наверное, с разочарованием от этой же самой легкости отпускания. Ни малейшей попытки удержать, найти какое-то другое решение. Так без боли вываливается испорченный зуб после того, как полностью уничтожены ткани, соединяющие его с десной. Значит, далеко уже очень зашел процесс нашего внутреннего отчуждения, и много грехов числит он за мною, хотя и произносит в основном панегирики.

Уже в 11 утра в понедельник я собрала свой сектор и рассказала сотрудникам о том, что наша совместная работа, к сожалению, прекращается. Мне было очень тяжело, голос прерывался,

не слушался меня, а на глазах проступили слезы. Я любила этих людей, и они любили меня, одни — сильнее, другие — меньше, третьи даже ругали нередко, но для всех мой отъезд был настоящей драмой, крахом многих жизненных надежд. Диссертации, книги, просто творческая работа, любимый сложившийся коллектив, все это отходило в небытие, а кому-то угрожала и потеря работы, обычных средств для поддержания жизни. Когда я кончила, была гнетущая тишина, почти никаких вопросов, все было просто убито. Спросили «когда?». Я ответила, что А.Г. на мой вопрос о том, что я должна сделать до отъезда, высказал единственную просьбу: провести конференцию, а вообще не растягивать агонии, и если уезжать, то лучше скорее. В связи с этим мы договорились, что я работаю до 1 августа, затем беру отпуск на 2 месяца, а примерно с 1 октября могу выходить на работу в Москве. Таким образом, у нас остается примерно 2,5 месяца на то, чтобы подчистить основные хвосты.

Реакция сектора была очень искренней и ужасно «убитой». Сперва — молчание, потом — скупые вопросы, а затем вдруг нервический хохот, который охватил буквально всех, в том числе и меня, когда дотошная Валя Калмык спросила с обычной ее медлительностью: «А как же гипотеза? Будем мы все-таки разрабатывать гипотезу развития сибирской деревни? Ведь она у нас — в плане НИР?» Василий Николаевич бросил реплику: «Надо разработать гипотезу нашего собственного существования», и все хохотали истерически. Я чувствовала себя ужасно, потому что, пытаюсь «максимизировать» собственное счастье, ставила всех этих преданных мне людей в трудное, если не безысходное положение. Можно, конечно, сказать «се ля ви», но от этого в общем и целом не легче. Немножечко легче мне от другого: все в секторе понимают, что дело не только в чисто личных соображениях, а и в том, что меня медленно, но верно «выпирали» из Института. Этот процесс был столь очевиден, и происходящее сейчас столь закономерно с чисто деловых позиций, без выхода за пределы Института, что люди, включенные именно в эту сферу, возможно, даже думают, что все эти разговоры о личных отношениях — вообще камуфляж, хорошая мина при плохой игре. Уж до чего хорошо ко мне относится Марина Меньшикова, но и она с пристрастием выпытывала у Инны, правда ли то, что выдается на-гора, действительно ли есть что-то в личной области, или все это — лишь хорошо продуманная и согласованная с Абелом версия... Ну вот, и это вот убеждение, согласно которому это должно было быть, и является правильным, справедливым, оно облегчает мое общение с людьми, обеспечивает их сочувствие и тепло даже в тех случаях, когда сами они страдают. Понимаешь, выходя от Абела, я чувствовала себя как гость, который увлекся разговорами, потерял ориентацию во времени, а когда начал наконец прощаться, то увидел открытое облегчение в глазах своих любезных хозяев. Боюсь, что мне надо было сделать это раньше, но уж во всяком случае, сейчас — пора...

Один только штрих не совсем вписывается в общую картину чуть ли не радости Аганбегяна. Когда я вышла от него, то в дверях встретила Мироносецкого⁵⁶, начальника нашего ВЦ, видела, как он зашел к Абелу и тут же вышел. Позже мне рассказали, со слов М., что, когда он вошел, Абел сидел за столом, охватив руками голову и глядя в стол. Поднял на него голову и словно бы не увидел, лицо — расстроенное до предела. А когда наконец увидел М., то сказал: «Ты, Коля, пожалуйста, зайди минут через 10. Мне нужно прийти в себя». Неужели такая сдержанность и спокойствие были у него чисто внешними? Мне просто трудно в это поверить, хотя Абел прекрасно владеет собой. Не знаю, просто не знаю, что тут — правда, а что — поэтический вымысел...

Академгородок, 24 июля 1973 г.

...Все мы более или менее беззаботны в отношении уплаты партийных взносов. Я, например, лишь время от времени привожу их в соответствии со своими доходами. И это понятно: в течение года я не получала денег в университете, просто было некогда, да я толком и не знала, начисляют ли они мне что-нибудь, и что именно. Потом однажды позвонила и выяснила, что на депоненте чуть не 600 руб. Получила их и, разумеется, уплатила взносы. А если бы проверка была раньше? Иди доказывай, что не получал причитающуюся тебе зарплату. Или за аспирантов переведут деньги прямо на сберкнижку, а я и не знаю, тоже плачу с опозданием. Если ко всем этим вещам придираются, то, наверное, не обойтись бы мне без выговора. И это просто счастье, если в конце концов они не нашли за тобой никаких криминалов!

И еще приходит в голову мысль о наличии двух «правд» и двух систем права в обществе и в партии. С одной стороны, все те махровые жулики, которых так и не удается исключить из партии: открыто проповедующий антисемитизм Сидоров, жулик и вор Янченко, укравший у государства на 2 млн разных ценностей Войцеховский. Все они в партии и поныне, все они, будучи исключены первичной парторганизацией, восстановлены на уровне райкома и обкома КПСС. А с другой стороны, «неудобные» люди, которые получают взыскание за недоплату пары рублей, которая рассматривается как «обман партии» или что-нибудь в этом роде. Кругом фальшь, и некуда от нее деться. Остается только приспособливаться к этой системе и следить за тем, чтобы не попасть в число избитых.

Конечно, сейчас я хорошо понимаю, почему у тебя было на душе паршиво и не хотелось мне писать. Но ты, наверное, не представ-

56. Мироносецкий Николай Борисович (1936–1993) — доктор технических наук (1975), лауреат премии Совета министров СССР (1981), с 1969 — заведующий сектором вычислительных методов в экономике ИЭиОПИ СО АН СССР.

ляешь себе, что делалось в это время со мной. Не хочется и вспоминать этот черный период...

...Леночка прилетела 10 июля, отдыхает главным образом дома, только время от времени ездит с папой на лодке, да ежедневно гуляет с собакой. Я возьму отпуск с 6 августа и одну неделю проведу с ней полностью, больше можно будет побыть на море и в лесу. А в лесу сейчас много грибов и ягод, все заготавливают полными охапками, кроме наиболее ленивых или фанатиков, к числу которых я, к сожалению, отношусь. И что за сила вечно держит меня около этой самой машинки? Какая большая часть жизни проходит мимо!

Письма Татьяны Ивановны Заславской (1972–1974 годы)

Академгородок, 13 сентября 1973 г.

...Я по-прежнему продолжаю жить по отпускным законам, хотя жизнь постепенно затягивает свою петлю на моем горле. Вчера звонил Можин, просил выступить в качестве рецензента по «Сибирскому докладу» института на ученом совете, а доклад этот представляет собой две книги. Я сказала, что выступлю, но когда выйду из отпуска. Затем звонили из газеты «Труд» с просьбой принять участие в круглом столе по проблемам производительности труда в сельском хозяйстве. Но так как этот стол состоится завтра, я решительно отказалась. Ни минуты отпускного времени — государству. Когда же дело касается не государства, а жизни людей, то дело становится труднее. Пришлось активно включиться в работу с дипломником Сашей Шапошниковым⁵⁷, ибо здесь нельзя упускать ни дня. Уже несколько раз встречалась с ним на 2–3 часа каждый раз. Сегодня звонил Коля Нонкин, мой позапрошлогодний дипломник, 17 сентября он будет сдавать экзамен по специальности в заочную аспирантуру (ко мне). Это — один из моих любимых учеников, хотя характер у него — дай боже, и воспитание преподажное. Наше знакомство началось с того, что, взяв курсовую по моей теме и прочитав мои труды, он заявил мне, что «все это — белиберда». Обидно, конечно, и зло берет, но сделанные им конкретные замечания были достаточно точны и били в действительно слабые места концепции. Потом мы здорово подружились. Мне не удалось взять его на работу, хотя он и был распределен в Институт, потому что в мое отсутствие ему вклеили четверку за защиту диплома, а диплом был на пять с плюсом. Вот сейчас мы пытаемся снова объединиться на другой основе — работает он в Институте экономики ВАСХНИЛ и страшно недоволен той рутинной, на которую

57. Шапошников Александр Николаевич (1951 г.р.) — кандидат экономических наук (1980), доцент экономического факультета НГУ, работал в ИЭиОПП СО АН СССР с 1974 по 1993 г., автор работ по математическому моделированию социально-экономических процессов.

там натолкнулся. Мне и в меня он трогательно верит, «трогательно» именно для такого грубоватого и молчаливого парня, почти не имеющего авторитетов. Но поддержание этой веры требует постоянных «затрат», даром оно отнюдь не дается. Очень хочется, чтобы он хорошо сдал экзамены, но кто знает, это все-таки лотерея, а кроме меня в комиссии будут Антосенков и Малинин...

14 сентября, 1 час ночи

...За то время, что я не писала письмо, произошла целая масса событий. Во-первых, Люда Неунылова принесла мне около тысячи (!!!) таблиц, сделанных по моему заданию за время нашего кислородского отдыха. Для меня это — чистое наслаждение, ты знаешь, как я люблю возиться с цифрами, а ведь эти цифры — не простые. В них овеществлен предварительный ГРОМАДНЫЙ труд по разработке инструментария, проведению экспедиции, разработке кодификаторов, кодированию, перфорации, записи на ленту, составлению программы разработки. И вот он лежит передо мною — этот выращенный и собранный «урожай», и почти каждая таблица так глубоко осмыслена, раскрывает такие интересные, просто волнующие закономерности! И так красиво, законченно выглядят в цифрах результаты разработки вопросов, самая постановка которых вызывала острые споры (правомерно ли их задавать вообще, ответят ли, правильно ли поймут, будет ли иметь смысл получаемая информация и проч.). И вот смотришь готовую таблицу и видишь, что она не просто имеет смысл, но смысл ее глубок, нетривиален, она высвечивает какие-то мало еще известные особенности сельской жизни, сознания людей. Боже мой, какое же это богатство, информация, которой мы располагаем. Наверное, ни у кого в Союзе, разве что кроме Арутюняна⁵⁸, нет такой богатой разносторонней информации о деревне... Не просто научные труды, а романы можно писать на ее основе!!! Нет, все-таки природа создала меня прежде всего аналитиком, а не «синтетиком» и не теоретиком, нет для меня большего наслаждения, чем работать с цифрами, со статистикой, постепенно выделяя из груды цифр четкие ясные закономерности, подобно тому, как скульптор из глыбы мрамора «выделяет» законченную статую. Это — такой же творческий труд, не менее осмысленный и прекрасный.

Ну вот. Словом, я просмотрела таблицы, оставила себе для анализа сотни три, но тут поступило предложение коллективно сходить в кино, что и было сделано. Пошли впятером: Инна с Мишей, мы с Леночкой и Майя. Оксана не была взята в наказание за по-

58. Арутюнян Юрий Вартанович (1929–2016) — историк, этнограф, социолог, член-корреспондент РАН (1991); специалист в области социологии города и села, этносоциологии и истории социологии.

лученные в последние дни двойки. Смотрели французский фильм «Преступление ради порядка». Хороший фильм, главную роль играет тот же артист, что в «Профессиональном риске». Если будет случай, посмотри этот фильм и напиши свои впечатления. Невольно напрашивается аналогия с делом Худенко⁵⁹. Наверное, следует все же подумать, в какой форме я могла бы помочь ему и Филатову⁶⁰. Если я буду в Москве во время пересмотра дела в Верховном суде, наверное, следует туда пойти и как-то выступить. Дело в том, что все-таки (вопреки моим ожиданиям) под судом оказался не просто Худенко, а именно его ЭКСПЕРИМЕНТ, который был объявлен незаконным и капиталистическим и направленным на наживу участников. Вот против этого можно уже возражать...

...После кино мы долго гуляли в составе своей обычной тройки. У нас ведь все еще держится тепло, температура воздуха была где-нибудь градусов 16–17. Деревья стоят совершенно зеленые, небо ясное с яркими звездами (здесь они крупнее и ярче, чем в Европейской России), а сегодня ко всему этому добавилась еще огромная полная луна, в свете которой, казалось, можно было читать. Изумительно красиво. Сходили на море, полюбовались им в лунном свете, хорошо прогулялись по лесу. Кутя получила огромное удовольствие и настолько устала, что ее пришлось взять на руки. Пришла домой в половине первого, Леночка ждала меня с кипящим чайником, и мы еще выпили с нею чайку, а потом я села дописывать письмо. Вот как я прожила это время.

...Майя рассказала, что сегодня собирали всех завсекторами и инструктировали насчет холеры. В городе имеются 3 случая точно установленной холеры, в городке 2 спорных случая, вообще же желудочно-кишечных заболеваний (дизентерия и брюшной тиф) насчитываются сотни и тысячи случаев. Институты закрывают прием внешних посетителей, особенно из города, сотрудникам, живущим в городе, разрешается работать дома. Всех призывают мыть фрукты, овощи, постоянно мыть руки, не пить сырой воды и сырого молока, не целоваться, не обниматься и не жать руки. После Майкиного сообщения слово взяла Инка. Ей только что звонила ее приятельница врач и рассказала, что в городе госпитализировано по подозрению на холеру более 2 тысяч людей, но большинство находится на карантине, т.е. «хватают» с большим излишком. В городке, по ее словам, было 2 смертных случая от холеры: умер рабочий в Ядерной Физике и,

59. Худенко Иван Никифорович (1918–1974) — советский экономист. В совхозах Казахстана проводил успешные экономические эксперименты, способствовавшие значительному росту производительности труда и улучшению качества продукции. Был отстранен от работы, обвинен в попытках хищения госсобственности, умер в тюрьме.

60. Филатов Владислав Васильевич — заместитель директора совхоза Акчи И.Н. Худенко, обвиненный вместе с Худенко в расхищении социалистической собственности (1972–1974).

кроме того, на одном из островов Обского моря обнаружили труп рыбака-любителя, умершего несколько дней назад. Все это воспринимается очень тревожно, ведь смертность от этой страшной болезни составляет 70%! Беспокоюсь за Леночку, которой предстоит перелет в Улан-Удэ и жизнь в этом городе, почти лишенном санитарных служб. Вот где эпидемия, раз начавшись, может принять катастрофические размеры! Как все-таки это тревожно, когда «ребенок» живет так далеко от тебя. Леночка — удивительно милое и славное существо, ее любят все близкие, и на фоне остальных наших деток она, ей-богу, смотрится как светлое пятно.

С Оксаной, напротив, большие сложности. За первые две недели учебы она успела восстановить против себя весь свой класс. Говорят, что она очень заносчиво держится по отношению к сельским девушкам, вызывает у них протест постоянным курением, всегда и во всем считает правой только себя, все же остальные против нее «копают». Поссорилась с Олей, которая оказывала на нее очень положительное влияние и благодаря которой она только и поступила в училище. Нахватала уже 4 или 5 двоек (литература, история, физика, математика, анатомия), почти не затрачивает времени на уроки, отказалась участвовать в переборке картофеля, за что чуть не была исключена. Словом, это отнюдь не сахар, и я довольно напряженно думаю, что же все-таки мне с ней делать. Всем очевидно, что если что-нибудь в принципе может ее исправить, то только «законченный хозрасчет», объективная необходимость «по одежке протягивать ножки», зависимость между результатами ее труда и возможностями для удовлетворения потребностей. Но пока она со мной, эта зависимость полностью отсутствует, откуда и вытекает это тунеядство... Просто теряюсь, честное слово... Хотела сегодня съездить в училище по твоему совету, но выяснила, что положение в классе знает только классный руководитель, а он с сегодняшнего дня на картошке. Обещали сообщить, как только он вернется. Но, по правде говоря, я просто не верю в то, что Оксана будет учиться: слишком слабая у нее воля, слишком боится она усилий. Работа — реальнее, но пугает ее неумение уживаться с людьми. Поссорится в первую же неделю...

Академгородок, 15 сентября 1973 г.

Знаешь, тут у нас несколько дней провел тот деятель из Ленинки, о котором я тебе писала (он приехал от Шляпентоха). Я с ним даже не познакомилась, весь удар приняла на себя Инка, к которой он и был адресован. В общей сложности на чтение и рецензирование его методик, а также поиск экспертов для опроса она затратила не менее 3 полных дней. И вот сегодня (кстати, в воскресенье) после очередных 4 часов разговора и за 15 минут до прощания (завтра он уезжает) он вдруг спросил ее: «Слушайте, а почему Вы так

серьезно ко всему этому относиться?» (то есть к тому, что их методика совершенно антинаучна и никакого прогноза не обеспечивает, ибо эксперты ни шиша не понимают в том, о чем их спрашивают). Она маленько остолбенела, а он разъяснил ей свою позицию. Он — не философ, не социолог, а математик. И деревня, и чтение, а тем более будущее чтение в деревне ему совершенно до лампочки. Есть работа, есть вакантное место, нет специалиста, можно получать деньги, не утруждая себя. В методике все равно никто ничего не понимает, проверить некому, надо только выдавать листы «научной продукции». Подлинная ценность для него — путешествия, охота и общение с друзьями. Данная работа дает возможность не менее 8–10 командировок в самые разные районы страны для «опроса экспертов по деревне». Он постоянно разъезжает то в Молдавию, то в Кострому, то в Самарканд, а то в Тюмень, «левой ногой» находит и опрашивает экспертов, а остальное время посвящает охоте. В Москве же проводит время с друзьями и, по-видимому, подругами. Лет ему около 40...

...Вот какая непривычная для нас модель жизни! Сначала становится жалко его, мол, нет у него подлинной радости в жизни, радости созидания. А потом... Потом приходит в голову другая модель: на месте крутится гигантское колесо, а по нему «мчатся» глупые белки, соревнуясь друг с другом в скорости. Они не понимают, что и колесо, и они сами остаются на месте. Рядом с колесом расположилась умная белка, она не хочет больше крутиться, а глупые белки жалеют ее: бедная, она жизнь проживает напрасно! Конечно, это утрированная картина, но самый факт, что она может появиться в мозгу, наверное, говорит о многом, о начавшейся перестройке сознания...

Академгородок, 17 сентября 1973 г.

Вот наконец он и пришел — первый мой рабочий день. Надо и совесть знать, сектор меня заждался, но мне по-прежнему неохота включаться в работу. Вообще я работник очень «неравномерный», иногда могу трудиться до умопомрачения, но нередки и периоды полного расслабления, какой-то душевной лени, что ли. Откуда она? То ли это — компенсация за периоды переработки, то ли реакция на не слишком стимулирующие внешние условия труда, то ли просто результат некой «душевной конструкции»? Впрочем, я знаю очень многих людей, обладающих аналогичным свойством. Мне же оно было присуще с юности, бывало, в университете я могла месяцами «ничего не делать». Конечно, это понятие условно, потому что в эти периоды я пудами поглощала художественную литературу и другие ценности, может быть, тут только и формировала по-настоящему свой духовный мир, но к политике в это время чувствовала живейшее отвращение, точнее

говоря — глубокое равнодушие. А потом — периоды интенсивнейшей работы по 14–15 часов в сутки и на огромном интересе. Вот и сейчас моя задача — как-то раскатать саму себя, заставить выйти из созерцательного настроения и взяться наконец за дела, которых масса.

...День мой рабочий прошел спокойно. Разобрала с Лизой Дюк накопившуюся почту — две большие папки. Кое-какие бумаги — просты, требуют одной резолюции, но другие заставляют размышлять и предпринимать достаточно сложные шаги. В числе бумаг — очередное информационное письмо ИСА о международном социологическом конгрессе. Кажется, подходит время браться за дело по-настоящему. Международный Венский центр снова напоминает о необходимости представления материалов для публикации в сборнике работ по нашему сельскому проекту. Сегодня совещались с Инной и Миленой Азарх, что и когда будем в этом направлении делать. Журнал «Экономика сельского хозяйства» сообщает, что включил в план мою статью «Место социологических исследований в изучении социально-экономического развития села», издательство «Статистика» пишет, что готово включить в план книгу, соответствующую моим творческим намерениям. Последнее очень кстати, поскольку мне хочется закончить новосибирский этап работы монографией (коллективной), которая представляла бы, с одной стороны, своеобразное продолжение нашей «Миграции сельского населения», а с другой — подведение итогов исследования 1972 г. А так как оба исследования — 1967 и 1972 гг. — мы проводили совместно с ЦСУ РСФСР, то я и думала предложить prospect этой книги именно «Статистике».

Около часа разговаривала со своим аспирантом Володей Дьяченко⁶¹, который, кажется, начинает выходить на какой-то путь после почти двухлетних метаний и даже некоторого изменения темы. Чем черт не шутит, может, и будет диссертация в срок... Принимали экзамен в аспирантуру у Коли Нонкина, о котором писала тебе на днях. Поставили «4», отвечал неважно, но все-таки хочется взять его. Аспирантура заочная, и, наверно, для него не будет слишком большой беды, если я уеду в Москву.

Кажется, я уже писала тебе, что Турченко отказано в работе с прямым указанием на то, что Институт не намерен расширять социологического отдела. Сегодня получила еще одну информацию. Секретарь парторганизации В.Н. Шукин⁶² официально заявил Инне, что дирекция не намерена предпринимать каких-

61. Дьяченко Владимир Николаевич (1948 г.р.) — кандидат философских наук (1975), в 1973–1978 — младший научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

62. Шукин Виктор Николаевич (1928–2011) — доктор экономических наук, с 1964 работал в ИЭиОПП СО АН СССР, секретарь партийной организации.

либо преобразований или перестроек социологического отдела. Иными словами, все наши соглашения с Абе́лом фактически оказываются «липой». Вплоть до того, что наша новая машинистка работает на временной ставке, пока Корель⁶³ в декретном отпуске, ставка же Любочки уже изъята дирекцией. Т.е. не только нет обещанного прироста кадров, но есть и их сокращение. Отношение к этому у меня двойственное. С одной стороны, откровенное нарушение соглашений дирекцией дает мне моральное право настаивать на отъезде. Более того, прием новых сотрудников создавал бы мне дополнительные моральные трудности, от которых сейчас меня любезно освобождают. С другой стороны, проявление плохого отношения, наверное, никогда не радует человека, все-таки сердце каждый раз сжимается. А тут еще неизвестность московской конъюнктуры! Свернуть работу в Новосибирске легко, попробуй разверни ее в Москве... От Руткевича по-прежнему ни слова, писать ему мне пока вроде бы не о чем, да и не хочется играть в кошки-мышки (еду — не еду — опять еду — опять не еду...). А выяснить свое отношение к ИСИ я могу только после встречи с Федоренко. Кстати, получила от него письмо с просьбой сообщить тему доклада, с которым могла бы выступить на отделении. Жаль, что тот мой доклад морально уже устарел, он был все-таки очень удачный, но он размножен и разослан много месяцев назад, не могу же я снова с ним выступать! Нужно будет как следует подумать...

Академгородок, 27 сентября 1973 г.

...Но сегодня много писать не могу, ибо чувствую себя очень неважно. Дело в том, что сегодня мы ездили на картошку. День оказался очень холодным, и ни на минуту не переставал мелкий дождь, так что все мы промокли до нитки, несмотря на все «непромокаемые» вещи. К концу дня дождь перешел в снег, подул сильный ветер, началась «метель», хотя и странно это звучит по отношению к снегу, который тут же тает. Сбор был в 8 часов утра, работать начали в 10 утра с часовым перерывом на обед. Около половины шестого был наконец дан отбой, нам разрешили сесть в холодные неотопливаемые автобусы, продержали в них час, потом «погна́ли» доубирать картошку, затем еще полчаса держали в автобусах и, наконец, полтора часа мы ехали домой. В результате, когда я вышла на Морском проспекте из автобуса, я не могла разогнуться от холода, буквально скрючилась, зубы выбивали мелкую дробь, просто жуть! Бегом побежали по домам, а Володя

63. Корель Людмила Васильевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИЭиОПП СО РАН, автор работ по вопросам миграции сельского населения, социологии адаптации.

Дьяченко и Саша Шапошников (мой дипломник) зашли ко мне занять денег на магазин. Я предложила им выпить по стаканчику «доброго старого бренди», которое у меня случилось, что мы дружно и сделали. Сразу прекратилась «дробь» и стало очень весело. Потом они ушли, Оксана с огромным трудом стянула с меня резиновые сапоги, в которых ноги были как ледышки, а затем она напустила мне горячую ванну, в которую я с наслаждением забралась. Но, наверное, этих трех компонент — картошки, бренди и горячей ванны — оказалось все-таки малость слишком даже для моего здоровья, во всяком случае, из ванны я еле вылезла, бухнулась на постель и пролежала по меньшей мере час, прежде чем встать...

Академгородок, 29–30 октября 1973 г.

...Удивительная жизнь для меня настала. В жизни нашего сектора, кажется, никогда еще не было такого продуктивного периода. Все-таки это, наверное, не случайность, а закономерность: люди почувствовали, что «спина», за которой они скрывались, не так надежна, надо надеяться на себя, и вдруг стали выдавать такое, на что я право же не рассчитывала. По приезде в Новосибирск получила законченную метод. программу Вали Калмык по вопросам занятости сельского населения и трудовой мобильности — интересная работа. Вчера часа два беседовала со своим дипломником Сашей Шапошниковым, который изучает дифференциацию и структуру доходов сельского населения — и здесь выясняются интереснейшие закономерности, хоть садись и пиши статью. Сегодня — беседа с моей любимой аспиранткой Тамарой Антоновой. Какая умница, как работает голова! Представила методическую программу работы примерно на 50 стр., написано и грамотно, и свежо, и четко — готовая первая глава работы. Впереди у нее не так много времени — год и два месяца, но первая глава есть, методика готова, все расчеты произведены, таблиц имеется несколько сотен, думаю, что работа будет в срок. Она занимается личным подсобным хозяйством населения — очень богатая тема. И так далее, и тому подобное. Сектор управляем, послушен, не возникает никаких конфликтов, все прочно держатся друг за друга ради того, чтобы выжить как коллектив. Мне даже не приходится слишком уж часто ходить в Институт: все идет «само собой», и меня стараются не тревожить. Благодаря этому я кончила доклад с Мучником⁶⁴, который собираюсь в ближайшие дни выслать ему в Москву, а одновременно передать Аганбегяну, Штирмер на перевод и послать в комис-

64. Мучник Илья Борисович — ныне профессор Ратгерского университета, научный руководитель Школы и директор Отделения анализа данных.

сию Руткевича на цензуру. Прочитала первые 4 часа слушателям курсов повышения квалификации преподавателей политэкономии при НГУ. Говорят, интересно, и просят увеличить часы. Словом, только живи и живи...

...Без двадцати два. Пора заканчивать. Не написала десятой доли того, что хотела. А до сих пор не писала целых пять дней, потому что просто не было минуты, поверишь ли? Очень интенсивно работаю, и приходится многое подгонять за те периоды, когда меня не бывает. На стене висит список из 22 важнейших дел, которые следует сделать за время пребывания здесь, а крестики пока только против семи. Горе мне, горе!..

...визит к Марчуку, тем более что и рассказывать особенно нечего. Мне пришлось пойти к нему в связи с просьбой Венского центра о проведении осенью 1974 г. международной встречи по нашему проекту в Академгородке. Речь идет о 40 иностранных ученых из 22 стран, дирекция Института жметса, уж очень много это хлопот, а Президиум Академии напирает, потому что мы ведь платим взносы в Венский центр в рублях, и тратить их можно только на проведение международных встреч в СССР. Словом, пошла. Он сразу дал согласие на проведение этой встречи, но просил, чтобы Абел сходил к Лаврентьеву, ибо это — его компетенция. Затем спросил, как мои дела и что у меня нового. Я сказала, что после того, как он попросил меня подумать, я нарочно не заходила к нему с окончательным ответом, потому что не просто думала, а практически проверяла его вариант. Общий вывод получился все же неутешительный: долго жить на таких основах нельзя. Здесь у меня не совсем здоровая дочь, которую нельзя надолго оставлять одну, там — муж, жизнь которого не налажена и которому приходится жить то на одной, то на другой квартире. Словом, это — не решение. И я могу обещать твердо только одно — прожить в городке до конца 1974 года, когда примут определенное очертание результаты нашей коллективной работы, будут подведены некоторые ее итоги. После этого я должна уехать.

Марчук реагировал на мои слова, я бы сказала, как-то устало. Словно у него не было сил, да и большого желания спорить. Он сказал: «Ну что же, Вы понимаете, что силой задержать Вас никто не может. Мы ведь тоже люди, и все это понимаем. У Сибирского отделения к Вам одна только просьба: до осени 1974 г., когда Абел будет избираться в академики, никто не должен знать о Ваших намерениях. Любой слух о том, что Вы уезжаете, будет работать против него. Пройдет он в академики — Вы свободны. Не пройдет — ... Вы тоже свободны. Но пусть этот вопрос будет Вами поднят только по окончании выборов». Я согласилась, хотя, быть может, следовало бы сказать ему о том, насколько широко уже циркулируют слухи. По крайней мере, теперь, наверное, придется как-то их «усми-

рять», а как это сделать, когда эти слухи дошли уже и до Вашего института?..

Академгородок, 3 ноября 1973 г.

...Сегодня — суббота. А впрочем, не знаю даже, какой сейчас день, ибо на часах — полночь. Скорее уже воскресенье. Я люблю эти два спокойных дня, когда никто не имеет права меня тревожить всякими конфликтными ситуациями, вызывать на срочные и ненужные заседания, вмешиваться в мирное течение моей жизни. Целых два дня! Когда они впереди, кажется, что это — такое богатство, что так много полезных и славных вещей можно выкроить из этих 48 часов. А потом они так быстро проходят, и вот уже понедельник, и надо идти в институт, где ждет заявление об увольнении Лалетиной, и план рассаживания сотрудников по комнатам, и встреча с Абелом по специализации студентов, и требование об отчете сектора за год, и много-много подобной муры, от которой устаешь до полусмерти и от которой не пахнет наукой.

Но это еще далеко. Ведь воскресенье еще только-только начинается, и завтра, как и сегодня, — мое. Сегодня утром я хотела поспать в свое удовольствие, но не вышло: в 6 утра разбудила Оксана просьбой дать на дорогу денег. Встала, дала, а больше заснуть не смогла. В голове закрутилось множество мыслей то о вчерашней вечерней работе... то о каких-то других вещах. Долго еще пыталась заснуть, может быть, даже и задремала, но все-таки в 8 решила встать. Немножко убралась, позавтракала и пошла в косметический кабинет. Суббота — это единственный день, когда можно сделать такую вылазку, ибо в воскресенье они не работают. Провела там часа полтора, чуточку навела красоту, а то ведь тут никакой косметики нет в продаже, пустота просто вопиющая.

Вернувшись домой, села за работу. Вообще говоря, мне следовало заняться изучением переводов для написания теоретического раздела доклада по типологии комьюнити, который я делаю для Польши на основе доклада с Мучником на конгрессе. Но на конгресс доклад методический, главное в нем — применение «лингвистического метода», а в Польшу надо сделать социологический доклад, где главными были бы сами типы. Так вот, теория. Не очень люблю ее. Она представляется мне утомительной, и я начинаю ею заниматься, когда другого выхода нет. Поэтому замечание Абела о том, что мы «помешались на методологии», по существу, не очень оправданно. Вот и сегодня так получилось. Как только у меня появилась альтернатива — работать над определением понятия «комьюнити» применительно к советским условиям или посмотреть, как себя ведут демографические процессы в выделенных типах поселений, как я немедленно предпочла второе, т.е. непосредственное познание действительности. Демографиче-

ские процессы дифференцировались блестяще, так что работать было приятно. Посчитала несколько табличек, а затем написала по их мотивам 10 страниц нового текста. Закончила эту работу в 8 вечера, как-то буквально «одним дыханием». И только тогда почувствовала, что устала. Оксана к этому времени ушла на свадьбу своей старинной подружки Ларисы, а я с полчаса полежала, а потом принялась за уборку квартиры. Исподволь я этим занимаюсь систематически, день за днем устраняя печальные результаты Оксанкиной самостоятельной деятельности (точней — бездеятельности) в период моего пребывания в Москве. Вот сегодня внесла основательный вклад: квартира стала достаточно чистой, ликвидированы и «невидимые глазу» завалы в стенных шкафах... Завтра надо будет вынести всякие ящики, мешки и т. п. мусор и перемести все полы в квартире. С линолеумом это — не проблема. И тогда будет просто хорошо. Не знаю... а я ощущаю свой дом как уютный, и, по-моему, он нравится людям... Если бы Оксана хотя бы немного помогала мне, а не только мешала, все могло бы быть очень легко. А то вчера, например, мне пришлось отвезти белье в прачечную на санках соседки с помощью Майки, ибо для меня такое занятие вовсе внове, я даже не знала, где расположена прачечная, а белье было почти 16 кг. Долго-долго собиралась его отвезти, просила Оксану, но куда там! А вчера отвезли, все оказалось близко и просто...

Академгородок, 8 ноября 1973 г.

...Хотя и с опозданием, поздравляю тебя с праздником, который, конечно, уже пройдет, когда ты получишь письмо. Писала тебе 4 ноября, но, кажется, не поздравила, потому что в моем сознании праздник не фиксировался именно как праздник, а воспринимался как 4 дня сплошной большой и спокойной работы. Именно так он и проходит. Вчера почему-то (первый раз за время жизни в городке) резко не захотелось идти на демонстрацию. Вообще-то она здесь не утомительна: до Института минут 5–7 ходьбы, полчаса толкаешься и болтаешь с сотрудниками и друзьями, потом 10 минут идешь по Морскому проспекту мимо своего дома, а затем — по домам. И погода хорошая — мягкая, но прочная зима с большими сугробами снега, плюс солнышко. Но вот не захотелось, хоть ты плач, и я не пошла. Сыграло свою роль то, что ни Майя, ни Инна еще с вечера решили не ходить. Но главное все-таки заключается в том, что я уже не чувствую себя членом этого коллектива, мысленно я где-то далеко, и это знаю я и знают другие. Словно я переделась в чужое платье и пытаюсь выдать себя за кого-то другого, а именно за себя же прежнюю. В этом — фальшь, хотя внешне обман и нет, и вот не смогла я пойти на этот очень неформальный в наших условиях праздник. Позавтракала и сразу села работать. Работала часов до 8 вечера, потом пошли с Инкой в кино на «Это сладкое слово — свобода!» (дрянь!), со второй серии ушли, пошли к ней домой

и занимались нашим совместным докладом часов до двух. И сегодня, и два остающихся дня я собираюсь плотно работать. Сочиняю третий доклад на конгресс, который будет совместным с Лященко и будет посвящен взаимосвязи социально-экономического и демографического развития деревни. Продолжаю работу с анализом демографии по мучниковским типам населений. За эти же праздники необходимо написать отчет о работе сектора за год, это тоже большая работа.

Накануне праздника я имела долгий разговор с Абе́лом по накопившимся делам. В том числе и сказала ему и о своих намерениях уехать в 1974 — начале 1975 г., поставив это в связь с теми делами, которые мы в этот момент обсуждали: специализацией студентов, подготовкой к конгрессу и т. д. Реакция его была похожа на Марчука, но с маленькой долей раздражения. Он сказал: «Ты знаешь мою позицию (а я как раз не знаю, п.ч. на предыдущем этапе у него было две прямо противоположных позиции), но это — вопрос компетенции Марчука. По этому вопросу ты должна говорить с Марчуком». Тут я вынуждена была сказать, что с Марчуком я уже говорила, и рассказать, что он мне ответил. Договорились вернуться к этому вопросу по прошествии выборов, т.е. в конце ноября — начале декабря 1974 г., а до тех пор коллективу ничего не говорить, пусть каждый соображает в меру своих мозгов. Договорились о том, что отдел останется, преемником моим будет Же́ня Антосенков, который к тому времени должен сдать докторскую (с 1 декабря он идет в творческий отпуск на 6 месяцев с этой целью). Я коротко поговорила об этом с Же́ней, не называя конкретных сроков, но твердо гарантируя свое пребывание в течение года, а там, мол, ничего неизвестно, но в принципе со временем все равно уеду. Он, по-моему, искренне обрадовался и готов помогать мне во всем, терпеливо ожидая часа своего торжества. Это — самая лучшая перспектива, потому что, если сохранится отдел, то может сохраниться и сектор, а научное руководство им я обеспечу. Вместо дикой ломки и катастрофы вопрос решится с минимумом потерь...

Академгородок, 9 ноября 1973 г.

...К сожалению, с Пашей дела обстоят нехорошо. Кажется, я уже писала тебе, что на партсобрании в Институте вопрос был поставлен лишь в общей форме — в смысле упоминания в отчетном докладе. После этого Паше дали возможность выступить и признать свои ошибки. Сделал он это неудачно, все восприняли его выступление как попытку самооправдания, самокритика в нем как-то не прозвучала. Было несколько выступлений о том, что Олдак выступил неудовлетворительно, тогда он еще раз попросил слово и уже действительно «посыпал голову пеплом», но общее впечатление осталось не лучшее. После этого все надолго замерло, работала лишь комиссия обкома, во главе которой стоит самый злейший из всех

Пашкиных врагов — д.э.н. Первушин⁶⁵. До поры до времени ничего не было слышно. Но вот вчера, заехав ко мне за письмом... и имея внизу ожидающее его такси, Паша успел мне рассказать новости. В эти праздники к нему неожиданно (без предупреждения) приехала Галя. Он был растерян, но принял ее хорошо. Ей-богу, я не знаю, какие у него были планы, но просто он ее не ждал. Когда она приехала, то они походили кое-по-каким домам в гости, да Галя и сама без него походила по своим личным друзьям. И вот ей в довольно туманной форме было передано для него, что, мол, пусть Паша заранее готовится к самому худшему. Мол, на него готовится такое, чего не было ни по отношению к кому из замешанных в этом деле. Что же это может быть, если учесть, что Горбатенко и Митрофанов исключены из партии? Разве бывает что-либо худшее? И разве есть за ним столько вин, чтобы исключать его из партии? Пытаясь ответить на эти вопросы, я подумала, что, наверное, они замышляют не только исключить его из партии, но и лишить ученого звания профессора, а также докторской степени. Надо сказать, что это — вполне реально, ибо проштрафился он именно по этой линии, проявив себя как недостаточно компетентный и принципиальный человек. Последнее постановление ВАКа дает для этого полное основание. Теперь, имеют ли они такую возможность, в том смысле, что достаточна ли его вина? Боюсь, что имеют, ибо перечень его вин довольно широк и разнообразен. Он заключается в следующем:

1. Будучи членом совета, он участвовал в 4 заседаниях последнего. При этом выступил основным оппонентом по 6 диссертациям, темы которых не имеют к нему никакого отношения. Одна диссертация была полностью списана с популярной брошюры, другая просто была ниже критики, а еще четыре — между тройкой и тройкой с минусом. Еще на 7 работ он давал отзывы, все работы тоже слабые и не по Пашиной специальности.
2. Партийные органы горячо осуждают Пашку за его личную жизнь. Пока не было более значимых поводов для его осуждения, это оставалось в потенциале. Однако теперь они ему все припомнят. При мне лично первый секретарь Бурятского обкома КПСС Модогоев⁶⁶ сказал о нем Трофимук⁶⁷: «А Вы знаете, что этот мерзавец бросает уже четвертую жену?» На что Трофимук ответил: «И пятую бросит».

65. Первушин Виктор Александрович (1908–1991) — доктор экономических наук (1965), в 1967–1974 — ректор Новосибирского института народного хозяйства.

66. Модогоев Андрей Урупхеевич (1915–1989) — в 1962–1984 первый секретарь Бурятского обкома КПСС.

67. Трофимук Андрей Алексеевич (1911–1999) — доктор геолого-минералогических наук (1949), лауреат Сталинской премии первой степени (1946, 1950), академик АН СССР (1958), с 1957 по 1988 г. директор Института геологии и геофизики СО АН СССР.

Я сказала, что не четвертую, а третью, и не бросает, а временно они разъезжаются, но общее отношение их к нему было ясно. Причем откровенно говорилось о том, что, мол, мы же вот не бросаем своих старушек, хотя, может быть, этого и хотели бы, почему же ему все позволено? Думаю, что комиссия новосибирского обкома догадалась связаться с Бурятией для того, чтобы добавить нужные штрихи к Пашиному портрету. А буряты способны так дорисовать этот портрет, что никто из близких его не узнает.

3. С этим связано третье «преступление» Пашки — вся эта бурятская эпопея, которая действительно есть не что иное, как авантюра. Истрачено много государственных средств с практически нулевым результатом. Причем далеко не все эти деньги надо было тратить в силу производственной необходимости. Так и осталось непонятным, почему экономическую лабораторию следовало строить на берегу Байкала в 300 км от Улан-Удэ и в 40 км от ближайшей дороги, почему надо было ухлопать целый «газик» на преодоление этого бездорожья, и проч.

Словом, если захотеть, то можно его представить в достаточно черном свете. Собрание института, конечно, все равно его не исключило бы, хотя престиж его в коллективе в настоящее время чрезвычайно низок. Большая часть сотрудников не считает его ни за серьезного ученого, ни за приличного человека... Если станет хоть что-нибудь известно о новой его любви, то боюсь, что песенка его окончательно будет спета. Однако пока таких слухов не слышно, все держится в тайне... При чем тут распадение семьи? Просто временно живут в разных городах, но регулярно встречаются, ездят друг к другу...

Паша просил меня попытаться выяснить у Абеда, что ему известно о готовящемся аутодафе. Абабел уезжает в Москву завтра поездом, т.е. еще в пределах праздника, не выходя на работу. Дома у него я не была давно, и специально идти по такому поводу было бы как-то неадекватно, п.ч. он может вообще ничего не сказать. Это можно сделать только при случае. И вот я придумала попросить Абеда бросить это письмо в Москве. Тогда я могу передать ему письмо, а заодно попытаться узнать о Пашке. Ужасно грустно выглядит Пашина судьба, по существу, начинается пора заката, хотя солнце и стоит еще высоко. Пора подводить первые итоги, а где они? Все разбито, все потеряно, и ничего не построено вновь. Плохо с работой, плохо с семьей, шатко и ненадежно с любовью. А теперь еще нависла угроза исключения из партии, а глядишь, и увольнение с работы, изгнания из Академгородка...

Новосибирск, 17 февраля 1974 г.

Письма Татьяны Ивановны Заславской (1972–1974 годы)

...Несмотря на все трудности, я честно продолжаю нести свою информационную службу, систематически сообщая тебе обо всем значимом в нашем Академгородке. Иногда мне кажется, что в этой исправности функционирования есть нечто общее с математическими маяками, устанавливаемыми на далеких планетах космонавтами из фантастических романов — ты знаешь, что это довольно частый мотив... Стоят себе такие маяки, установленные сотни, а то и тысячи лет назад и через каждые полчаса или час автоматически посылая сигналы, предназначенные для добрых людей. Ответа в этом случае и не предполагается. Правда, как повествует один из сборников, прочитанных мною уже в больнице, зрители таких маяков часто сходят с ума... Что касается меня, то я пребываю в здравом уме и твердой памяти, никаких признаков ненормальности не обнаруживаю, кроме разве почти маниакальной уверенности, что в конце концов получу какой-нибудь ответ. Судя по тем же фантастическим романам, чудачки, твердо верящие в невероятное, в конце концов всегда торжествуют.

Впрочем, все это — сантименты, не имеющие отношения к функциям информатора-маяка. А поэтому — к делу. Отчитываюсь за период, прошедший с момента написания прошлого письма, т.е. за 6 дней.

Событие первое. В.П. Можин, первый замдиректора нашего института, секретариатом ЦК КПСС назначен НИЭИ Госплана РСФСР в г. Москве. По-видимому, через месяц-два эта семья покинет Академгородок. Для Володи это — хороший трамплин для последующей вертикальной карьеры. В науке он типичный середняк, наукой далеко не увлечен, звезд отнюдь не хватает. Докторскую защитил с большим трудом, по слухам — с помощью более талантливого помощника. Но он хороший организатор, имел большой опыт руководящей работы, три года пробыв первым секретарем нашего Советского райкома КПСС, «принят» у Лаврентьева и всей элиты городка, высоко ценится в обкоме. Здесь его считали весьма вероятным следующим кандидатом в членкоры, но, говорят, что в последнее время Абел уже начал несколько опасаться его возрастающего влияния в Институте. Ведь Абела две трети времени нет, другие замы в его отсутствие твердо проводят заданную линию, а Можин имел собственную и смело гнул ее, ручки управления стали выскользывать из рук директора. Поэтому некоторые считают, что сам Абел и устроил эти «почетные проводы». Трудно сказать, не знаю. Ведь все эти годы они были самыми близкими друзьями, как мы с Инкой. Все праздники — вместе, охота — вместе, автомобильные путешествия — вместе... «Брат мой — враг мой?» Не знаю.

Так или иначе, но Володя уезжает. Не думаю, чтобы он долго задержался в этом Институте, формально имеющем первую категорию, но, разумеется, котирующемся не слишком высоко — ведь он — не академический. Важно то, что теперь Володя попал в номенклатуру ЦК КПСС, т.е. в колоду постоянно перетасовываемых карт. Как только где-то освободится место (скажем, уйдет Капустин⁶⁸ и т. п.), как начнут тормозить эту колоду, и вот тут-то выяснится, что достаточно сильный руководитель сидит во второстепенном институте. Так мне рисуется его перспектива.

Но дело не только и не столько в нем. Гораздо больше нас волнует вопрос о том, кто его заменит. Ощущение полной пустоты — такого человека нет. Поговаривают даже о Козлове. Если этот вопрос будет обсуждаться на бюро дирекции (конечно, будет!) и Абел предложит Козлова, я буду категорически против, и аргументировать буду открыто, не стесняясь его присутствием, уостью и косностью научных взглядов, социальной неграмотности, отсутствием широты, крайностью занимаемых позиций. Категорически откажусь ему подчиняться, вплоть до немедленного увольнения. Думаю, однако, что предвидя все это, Абел вряд ли на это пойдет. Кто же тогда? Просто не понятно. Пока теряемся в догадках. А ведь это — вопрос огромной значимости. Можин — не очень большой ученый, но вполне порядочный человек и к тому же убежден в необходимости социологии, важности социальных проблем (как секретарь райкома понял все это своею «шкурой»). Он — уравновешенный, доброжелательный, в меру сильный, чтобы держать институт в руках, в меру прислушивающийся к мнению нижестоящих, поддающийся убеждению. Жить с ним вполне можно было, так что все жалеют. Будущее же закрыто пеленой неизвестности.

Событие второе. На днях получила официальную бумагу из Президиума Академии с печатью и личной подписью Келдыша о том, что научным учреждениям АН СССР, за исключением расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, запрещается принимать на работу членов Сибирского отделения АН СССР без личного указания президента или первого вице-президента Академии. Как говорили наши предки, «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». Собственно, разговор о необходимости согласования данного шага с президентом шел раньше, так что не в этом суть. Новое я вижу прежде всего в самом факте принятия такого постановления: он свидетельствует о том, что на данном фронте дела обстоят-таки даже плохо. По-видимому, количество членов Академии, стремящихся уехать, достаточно велико, что ставит под угрозу существование отделения.

68. Капустин Евгений Иванович (1921–2005) □ доктор экономических наук, член-корреспондент АН СССР, директор Института труда (с 1965) и кафедрой экономики труда МГУ (с 1966), директор Института экономики АН СССР (1971–1986), автор работ по проблемам уровня жизни и распределения при социализме, научной организации труда.

А резкое ослабление Сибирского отделения Академии, столь широко известного в мире, какую оно получит интерпретацию за рубежом! «Еще один эксперимент Советов провалился...»

Думается, что ближайшие месяцы будут малоподходящим временем для обращения к президенту по этому вопросу, как раз первых и будут сильнее всего «отшивать». Правда, говорят еще, что в мае будет юбилейная сессия Академии, в честь 250-летия, и якобы там Келдыша переизберут, п.ч. он сильно умственно болен: далеко зашедший склероз. Так что практически иметь дело придется с каким-то другим человеком. Кстати, по слухам, именно на этой сессии досрочно (по сравнению с обычным ноябрем) состоится юбилейные выборы в Академию. Глядишь, Абеда и выберут в академики, опять что-то изменится в расположении карт... И еще одно мне ясно: в нынешней ситуации я уже не смогу пойти к президенту с разговором о каких-то своих намерениях и ориентациях. У меня может быть только один аргумент — живущий и работающий в Москве муж. Все остальное уже не звучит. Что касается мужа, то, мне кажется, против этого аргумента спорить трудно. В конце концов дело самой семьи выбирать общее место жительства. Так что какого-то абсолютного препятствия к реализации наших жизненных планов я в этом постановлении не вижу, хотя относительное, наверное, есть. Разумеется, это никак не связано с вопросом о целесообразности того или иного решения, его желательности и своевременности. Просто внешняя ситуация рисуется мне сейчас примерно так.

Событие третье. Получила письмо от Тамары⁶⁹, свидетельствующее о том, что в институте экономики стоит такой же мрак, как и в ИСИ. Цитирую некоторые места: «Мы таки в аграрном отделе... Компания у нас неплохая, но нас окружают неандертальцы, как их правильно определяет Венжер⁷⁰. В итоге последнего заседания отдела с повесткой дня «О выдвигении сотрудников на Доску почета» (!) — Люсю Синеву увезли в больницу с инсультом — отнялась речь и правая сторона. Кошмар! Но что делать? Работа в этом отделе требует крепкого здоровья, хорошей физической подготовки, закаленной нервной системы... Проф. Семин недавно поразил нас своим докладом о техническом прогрессе, где были и «синькохофазатрон», и волшебный луч «лазеер», и «инъянтянсификация» и «буржуазные заправила», к которым нужно относиться «ругательско». Всего не перечить! Обстановка на редкость отвратная...

69. Кузнецова Тамара Евгеньевна — доктор экономических наук (1991), главный научный сотрудник Института экономики РАН, подруга Т.И. Заславской, в начале 1960-х годов работала вместе с ней в Институте экономики АН СССР.

70. Венжер Владимир Григорьевич (1899–1990) — советский экономист-аграрник, доктор экономических наук (1959), с 1939 — сотрудник Института экономики АН СССР, автор работ по проблемам аграрной экономики.

С Черковцом⁷¹ мы расстались без особого сожаления. У него — за- силье подлецов и карьеристов, пустых никчемных людей. Бывший сектор политэкономии превратился в сборище каких-то монстров. Да ну их совсем, противно! При встрече расскажу о манипуляциях нового директора. Жук — пробу негде ставить. Как надоела сколь- зота, ненадежность всего. Долго ли так будет? Ощущение, что все к лучшему изменится, постепенно проходит. Привыкаем».

Как видишь, и мой родной Институт, который я когда-то любила, превратился в такое болото, такой ужас, что трудно даже помы- слить о возвращении туда. Здесь в Сибири — сосновый лес и чистый воздух, дышится легче, мало выхлопных газов и пыли. И легкие уже привыкли к этому, в Москве мы все быстро устаем. Не то же ли с психологическим климатом? Какие бы трудности мы ни испыты- вали с ограниченным и тупым Козловым, но все же каков климат в нашем Институте? Хорош и заслуживает поощрения тот, кто мно- го и продуктивно работает, кто придумал и реализовал новую мо- дель, решил сложную научную задачу, блеснул книгой или научным докладом. Хороши — талантливые, яркие, остроумные или глубо- кие, фундаментальные ученые, плохи — пустобрехи, вертуны, «во- ображалы», не имеющие ничего за душой. Хорошо — писать и печататься, плохо — годами не давать трудов. Хорошо — говорить новое, свое, плохо — повторять зады за другими. Хорошо — знать языки, много читать, быть на уровне мировой науки, плохо — не видеть дальше собственного носа. Плохи две крайности в идеологической области: «крайняя левизна», за которую дают по шапке не только тебе, но и всему Институту, и догматизм, доктринерство, косность. Хороша середина, но ближе к левому краю: стараться говорить но- вое и разумное, оставаясь на грани допустимого и не вызывая огня на себя и товарищей. Все эти принципы или нормы — разумны, не вызывают возражений, и жить в таком мире в общем не плохо. Это все равно что дышать кислородом, попросту не замечая это- го. И только когда читаешь о том, как живут люди в других местах, просто мороз пробирает по коже: ведь это — без воздуха, без науки, без всякого движения вперед, по уши в интригах, мелких, поганных, ведь — это задохнуться, умереть для науки. Бедные москвичи, ко- торые и не видели другой, более нормальной жизни, как-то привык- ли, стерпелись, словно их легкие сжались в комочек и требуют мало воздуха. Но мы, здоровые, сильные, привыкшие «дышать» в науке полной грудью, говорить полным голосом, что считаем нужным, нам просто не прожить в этой атмосфере, не удержаться... Если же удер- жаться, то только ценой адаптации, т.е. перерождения.

71. Черковец Виктор Никитич (1924 г.р.) — доктор экономических наук (1966), заместитель директора по научной работе Института экономики АН СССР (1972–1981), заведующий отделом общих проблем политической экономики социализма и сектором системы экономических законов и ка- тегорий социализма (1972–1984).

Все это только размышления, а отнюдь не категорические суждения. В них — страх перед общественной наукой Москвы, слишком близкой территориально от Старой площади, слишком вымуштрованной и выхолощенной. (Вот на какие длинные размышления навело меня Тамарино письмо!)

Событие четвертое. В связи с реформированием сектора бюджета времени (во время сокращения штатов) и возвращением Люды Борисовой из ЭЖО к нам обратно, мой сектор увеличился до астрономических размеров. Сейчас в нем (включая и меня) 8 кандидатов наук, плюс Соболева, защитившаяся, но не утвержденная, и Хахулина, сдающая диссертацию на защиту, человек 7 м.н.с. со своими темами, 4 аспиранта, а всего... 34 человека!!! Для сравнения: у Антосенкова 13, в том числе в Институте 9 и на хозрасчете 4, у Малинина, соответственно, 14, 9 и 5. А у нас хозрасчетных только двое (пришли с Артемовым), а 32 — в штате Института. Иными словами, Абел выполнил все взятые на себя обязательства. Сейчас нас в Институте «любят», т.е. хвалят, приводят в пример, не цепляются при всяком удобном случае, как бывало. Жить стало много-много легче. А какой огромный, сильный и слаженный коллектив! Ведь все эти люди знают друг друга по многу лет, уже притерлись. Многие не хватают с неба звезд, но почти все — добросовестны, квалифицированы, а сейчас особенно жмутся друг к другу, ни на минуту не забывая об опасности «разгона» в случае моего отъезда. Боюсь сглазить, но после «трагических событий» мая прошлого года управлять и отделом и сектором стало в несколько раз легче. Иногда я ругаю себя за то, что действовала неумело, не политично. Вот Можин: до принятия решения секретариатом ЦК о его отъезде не знал ни один человек, разве только кроме Абела. А потом сразу преподносится готовое и не подлежащее обсуждению решение. И слухи минимизированы. А у меня все было прямо наоборот. Но если судить по результатам, то ей-богу жалеть тут, кажется, не о чем. Люди стали работать серьезней. Много радости я сейчас получаю и от аспирантов (особенно от Тамары Антоновой и Коли Нонкина, хотя и Лиза Горяченко⁷² не хуже), и от дипломника, и от многих сотрудников. Читаешь готовые тексты и чувствуешь: толково, интересно, свежо. Многие вещи, особенно по личному подсобному хозяйству, интересны до ошеломления, потому что до сих пор были неизвестны, никто этих закономерностей просто не изучал. Например, кто бы мог предположить, что участие работников в управлении производством и в общественных организациях возрастает в прямой пропорции с размерами л.п.х., и в группе «наиболее хозяйственных» мужиков примерно вдвое выше, чем среди бесхозяйных? Честно говоря, я ждала обратной зависимости, думала, что люди, уткнувшиеся в свое хозяйство, оторваны от об-

72. Горяченко Елизавета Евгеньевна (1945 г.р.) — кандидат экономических наук, с 1967 работает в ИЭиОПП СО РАН, специалист по вопросам развития сельских поселений и местного самоуправления.

щественных дел, индивидуалисты, а бесхозяйные — активисты. Англядь, в жизни-то все наоборот, и это, конечно же, проливает новый свет на природу л.п.х. — этого последнего клочка крестьянских хозяйств в современной модернизированной деревне...

А тут хорошо. Нет, (правда) сначала мы все ехали из Москвы сюда не более чем на 3 года. Все рассуждали так: ну что — три года, пройдут они быстро, попробую, рискну, а не понравится — уеду. Лемешев действительно уехал через 3 года, а больше — никто не уехал быстро. Да и до сих пор из первоначального коллектива сохраняется, думаю, процентов 70–75. А бронь продляется и продляется, и потому на сердце спокойно, ну если что-нибудь будет не так, собрался, да уехал в Москву...

Новосибирск, 8 апреля 1974 г.

...В настоящее время жизнь моя носит крайне односторонний характер. Вернувшись в Новосибирск, я, конечно, застала целую прорву дел, ждущих моего вмешательства. В течение ближайших трех месяцев, точнее, даже двух с половиной, мне предстоит сформировать, отредактировать и сдать в печать 3 сборника по 20 п.л., подготовить доклад местным органам по результатам исследования деревни, сделать «общесоюзный доклад» по материалам рабочей комиссии, написать в общей сложности в разные сборники более 10 п.л. статей, выпустить дипломника, вести четырех аспирантов, принять участие в двух конференциях (нет, в трех! — в Новосибирске, Целинограде и Москве) в общем собрании Академии, читать студентам новый для меня спецкурс. «Глаза боются, а руки делают», по этому принципу я и живу. Работаю, просто не разгибаясь, скоро опять стану валиться от усталости. В субботу и воскресенье за 2 дня носа не показала на улицу. Зато за воскресенье (с 11 утра до 2 ночи) полностью сделала большую статью с Лященко по демографии. Основу статьи она смонтировала сама частично из своих, частично из моих материалов, но все же 14 страниц пришлось написать заново, или полностью переписать, а остальное — густо отредактировать. Получилось, по-моему, просто здорово.

Сегодня написала развернутый проспект книги на ту же тему для издательства «Статистика» — той, о которой шел разговор с Мучником. Думаю, что с двумя такими помощницами, как Лященко и Горяченко, к концу года мы книгу сделаем.

В пятницу редактор издательства «Наука» показала мне наконец сигнальный экземпляр нашей книги «Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов». В ней — 22 п.л., редакторы — мы с Инной, своего текста у меня в ней 2,5 п.л., и в соавторстве с Инкой — еще 4 п.л. Книга кажется мне очень-очень интересной. Бумага хорошая, вид солидный, а переплет — хуже некуда, просто ужасный. Ядовитого синего цвета

картонный с заглавием, набранным типографским шрифтом. То ли «Боевой устав пехоты», то ли «Телефонная книга». Жуть! У нас ведь типографские книги выходят вовсе не так уж часто, так что это теперь — «валюта» года на два, материал для подарков и для обмена. А дарить-то и стыдно. Договариваемся с дирекцией, что хотя бы на 200 экз. будут сделаны суперобложки. Через некоторое время надеюсь подарить тебе именно такой суперированный экземпляр. Кстати, помещенная в этой книге наша с Инкой статья о методах программирования социологического исследования могла бы быть тебе интересной. Здесь она еще в машинописном варианте давно уже стала настольной (статьей?) для многих и многих. В Новосибирском филиале Института труда ее, например, размножили на ротапринте и устроили по ней семинар, отнюдь не спрашивая разрешения у авторов. А впрочем, что можно на это сказать? Приятно, что что-то, делаемое тобою, оказывается по-настоящему нужным людям. Недавно Антосенков звонил, спрашивал, где достать статью, постоянно спрашивают аспиранты. Тебе же, как человеку с методологической ориентацией, это может быть интересно. У меня даже есть идея подарить экземпляр Щедровицкому⁷³. Ведь этот сборник был когда-то задуман еще М.А. Розовым⁷⁴, а сделан в конце концов уже нами. Он очень самобытен и, наверное, где-то все же несет на себе отпечаток «щедровитянства»...

Новосибирск, 10 апреля 1974 г.

...Скоро Майя отправляется в путешествие в столицу, и я хочу заранее тебе написать. Только что вернулась с Оксаной с концерта Владимира Шубарина⁷⁵. Впечатление хорошее, светлое. Молодость, изящество плюс талант, все это не может не радовать. Очень понравилась и его жена, которая вела концерт, читала собственные стихи и исполняла акробатический этюд на всеящем достаточно высоко кольце. Все это она делала хорошо, мне же больше всего понравилось, как она вела концерт и как она любила мужа. Концерт вела необыкновенно свободно, непринужденно, нестандартно, свободно импровизируя беседу

73. Щедровицкий Георгий Петрович (1929–1994) — философ и методолог, общественный и культурный деятель, в 1952–1989 руководитель междисциплинарного семинара по исследованию систем, автор работ по методологии познания.

74. Розов Михаил Александрович (1930–2011) — доктор философских наук (1990), профессор, с 1958 преподавал в вузах Новосибирска, в 1967–1970 — старший научный сотрудник, заведующий сектором методологии и методики социологических исследований ИЭиОПП СО АН СССР, руководитель новосибирского методологического семинара, автор работ по теории познания и философии науки.

75. Шубарин Владимир Александрович (1934–2002) — советский эстрадный танцовщик и певец 1960–1980-х годов, заслуженный артист РСФСР (1960).

с залом. А любила его (и любит, конечно) не напоказ, а просто нутром, просто светилась, когда о нем говорила, и это — при полной внешней сдержанности. Очень приятное, доброе впечатление...

Вчера мы тоже были в Доме ученых, хотя у меня и был день рождения. День этот оказался очень рабочим и трудным. С утра готовились к очередной лекции, потом — в 4 часа — читала ее, а в 6 часов мы устроили маленькое «празднование» в моем рабочем кабинете. Собралась большая часть сектора, человек 20–25, я принесла несколько бутылок вина, купила 2 торта, конфеты, фрукты, еще у меня было 2 банки красной икры — все пошло в ход, и даже осталось. Тепло прошел этот час, хотя и без всяких пышных слов. Подхалимство у нас не водится, а говорить добрые слова начальству в глаза, да еще при собственных товарищах — неудобно.

Много было шуток, конечно, о «потенциальной миграции», пожеланий долгой жизни на сибирской земле, все это совершенно понятно. Вспоминали, как я последний раз ездила вместе со всеми в экспедицию, и, к ужасу моему, обнаружилось, что было это... в марте 1967 года. Семь лет я не была в деревне, о которой толкую с высоких трибун. Это, конечно, не украшает.

Ну вот, словом, посидели, повспоминали, а потом разбежались, потому что к 8 часам почти всем надо было в кино: в Доме ученых шел фильм «Калина красная». Было и у нас заготовлено 6 билетов для Майки, Инны, Оксаны, меня и Иры Черемисиной с Клисторинным (женихом). Фильм оказался действительно необыкновенным. Такое ощущение, что цельный кусок вырван, вырублен из самой жизни и весь живой, с кровью и соком, предстал перед нами на экране. И это в условиях, когда фильм весь изрезан, от него осталась, кажется, половина. Говорят, что еще сравнительно недавно в «Кинопанораме» по телевизору говорили о том, что в фильме 2 серии. Оказалась одна, хотя необычно длинная — почти полных 2 часа, что само по себе подозрительно. Ну и очень уж много «нестреляющих ружей», которые просто даже непонятны. Какой-то рыдающий за деревенским праздничным столом интеллигент, о котором шепотом передается какая-то информация вдоль стола... Эта информация так и остается неизвестной зрителю, и что это за человек, и зачем он был в фильме, мы так и не знаем. А ведь для чего-то он нужен был Василию Шукшину⁷⁶? И так во многих-многих местах. Понять цензоров можно, по-видимому, изъятая часть фильма в основном освещает жизнь в лагере, а это для нас — слишком экзотическая тема... Представляю себе, с каким чувством должен смотреть этот изуродованный фильм Шукшин, который знает все, что вырезано. Ну а мы, простые люди, смотрим все равно так, как будто живем. Потому что с экрана дышит Правда... Со временем с удоволь-

76. Шукшин Василий Макарович (1929–1974) — кинорежиссер, актер, сценарист и писатель.

ствием посмотрела бы «Калину красную» еще раз, но для этого надо отойти на какое-то расстояние от первого сильного впечатления...

После кино ко мне пришли Майя, Инна, Валя и Май Калмыки, Паша и Галя Олдаки, Таня Черемисина. Я накрыла более чем скромный стол с единственной бутылкой мускателя, но просидели до часа ночи, и тоже было очень тепло. Близкие люди с огромным «стажем» отношений, хороших, плохих, различных, но все же выдержавших многие испытания. Валя и Паша подарили мне мягкого игрушечного льва, который, по утверждению Вали, является украшением для постели. Он действительно какой-то интимный, но у меня здесь постели нет, а есть тахта, которая днем превращается в обычный диван или, во всяком случае, сиденье. Так что лев пока стоит на шкафу. Майка с Инкой подарили деревянную шкатулку, к которым (шкатулкам) я имею пристрастие. Еще не надумала, что в ней хранить, а скорее всего — мелкую косметику. Таня Черемисина перепечатала в подарок тетке неизвестные мне ранее стихи Ахматовой и Цветаевой, я только раскрыла и так и стала читать, уж больно хорошо! Но тут зазвонил телефон, срочно туда, еще срочнее сюда, отложила, и разве только сегодня смогу немного еще почитать. Ну да ладно, хватит об этом. Какие чувства могут нас волновать во второй половине XX века и во второй половине собственной жизни? Пора, наверное, собираться с ярмарки, а не подрисовывать глазки... Вот только что делать с тою энергией, которая где-то лежит запасом и просит выхода? Зажать ей рот? Накинуть пуховик и «пригнетать долу», как пригнетали царевича Алексея? Что же, может быть даже и так. В нашем царстве порядка все, что мешает работать на благо общества, должно быть уничтожено. В том числе и стихийные не планируемые чувства, ведь ясно же, что они снижают производительность труда...

Стараясь не допустить столь печального результата, я работаю довольно усердно. Прочитала и отрецензировала 2 статьи, написанные Володей Дьяченко для наших сборников, прочитала и написала замечание по первому варианту диплома Шапошникова, прорецензировала 3 работы, представленные на конкурс молодых ученых, разобралась с состоянием дел по каждому из трех подготавливаемых нами сборников (методологический и предметный по деревне, плюс сборник докладов на конгрессе). Остается еще неоглядная гора дел: из 35 по списку сделаны пока 12. И какие дела! Сдать в машинку статью по мотивам проекта на 4 п.л. — это все один-единственный крестик! В этих условиях просто не остается ничего другого, кроме как сидеть, не разгибаясь, и бороться — бороться за новые крестики. Вот завтра отдам подробные замечания и указания Володе и Саше, и какое-то удовлетворение все-таки испытаю, потому что знаю, что очень нужна обоим. А вот Нонкин и Антонова что-то не кажут глаз. Видимо, тоже пишут статьи в сборники. Что же, раньше или позже, а все равно объявятся, и снова надо будет читать и... писать.

Сейчас самые неотложные дела у меня такие: завтра выступление перед слушателями ВПШ в числе ведущих ученых нашего института (45 мин. надо подумать, о чем трепаться), 18 апреля — доклад на научно-практической конференции, проводимой СО АН СССР под лозунгом «Наука — сельскому хозяйству». Открывает Марчук, затем — доклад секретаря обкома, затем — академик Беляев⁷⁷ (генетика) и последний пленарный доклад мой. Должен был выступать Можин, но он уехал, и в последнюю минуту попросили его заменить. Нельзя отказаться, хотя все это нужно мне как вчерашний снег. До сих пор не написала тех нескольких страничек «постановки вопроса», о которых просил Калинин. Может быть скандал. Надо. Хотела написать и отправить с Мишей, но не успела, не смогла. Лежит диссертация из ВАКа, назначенной которой срок перерасходован на полтора месяца. Лежит монография Гаврильца⁷⁸ из изд-ва «Экономика», которую я обещала отрецензировать не позже чем за месяц. К 15 апреля надо послать тезисы доклада в Госстрой на совещание, проводимое ими в мае.

Это — то, что буквально «держит за горло». А в чуть более дальней перспективе — 3 больших статьи, которые я должна сдать в наши сборники — одна своя, одна с Инной и одна с Горяченко. Это все — до середины мая, иначе к концу июня сборники не сверстаем.

Так я живу. Скорее хорошо, чем плохо. С ощущением пусть медленно, трудно, нутужно, но продвигающегося большого дела. Рядом работают и пишут люди, которые учатся у меня. Студенты, аспиранты, сотрудники. Есть отдача. Володя написал такую статью в методологический сборник, что у меня практически нет никаких замечаний. «Се речь не мальчика, но мужа». А что было на более ранних этапах, страшно вспомнить, дикая путаница в мозгах. Теперь вынырнул. Главное ощущение от статьи — глубина и ясность. А сколько там чьего труда, об этом можно не говорить. Инна говорит, что в основном — ее идеи, я вижу свои, но в действительности все это — его, если он сумел по-настоящему переплавить разнородные идеи в прочный единый сплав. Встал парень на ноги в науке, да вот беда — поздновато, срок в декабре кончается, вряд ли успеть ему написать диссертацию. Публикаций будет, наверное, пять, а диссертацию не закончит. И сможем ли мы взять его на работу? Откуда взять ставку? Просто не знаю.

Ну вот, уже снова почти час ночи...

77. Беляев Дмитрий Константинович (1917–1985) — доктор биологических наук (1973), академик АН СССР (1972), в 1959–1985 — директор Института цитологии и генетики СО АН СССР.

78. Гаврилец Юрий Николаевич (1934 г.р.) — доктор экономических наук (1972), в 1964–2008 — профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий Лабораторией экономико-математических методов Центрального экономико-математического института РАН.

“... I am pressed for time now” (Letters of Tatiana Ivanovna Zaslavskaya of 1972–1974)

T.I. Zaslavskaya

Galina I. Reprintseva, PhD (Pedagogy); for more than 40 years, she was conducting research at the Russian Academy of Education, in particular in the Laboratory of Social-Pedagogical Issues of Family Relations at the Institute of Social Pedagogy; for the achievements in the field of pedagogy, she was awarded the medal of K.D. Ushinsky. E-mail: 1946gir@mail.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of the Chayanov Research Center, MSSES. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

The letters of the academician Tatyana Ivanovna Zaslavskaya (1927–2013) describe her life in Novosibirsk and her work at the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (currently the IEIIP SB RAS). These letters present a chronicle of thoughts and feelings of T.I. Zaslavskaya about problems and conflicts in the Soviet science, about paradoxes of economics, culture, education, and everyday life of the Soviet society in the first half of the 1970s. In these letters, T.I. Zaslavskaya's assessments and characteristics of her contemporaries — colleagues in science, politicians, figures of art and culture — are of particular interest. The letters also reveal the identity of their author — a strong and talented woman, hardworking and cheerful, curious and friendly, tender and vulnerable, keenly feeling injustice and rudeness, falsehood and stupidity. The addressee of these letters is a friend of T.I. Zaslavskaya — Yuri Efimovich Sokolovsky (1927–1984) — PhD (Pedagogy), Associate Professor of the Moscow State Institute of Culture, a Cultural Studies scholar, true expert in the historical-cultural heritage of Moscow, prominent researcher of the psychological-pedagogical issues of the artistic creativity and of the organization and development of rural and urban cultural-educational institutions. The letters were provided for publication in the *Russian Peasant Studies* by G.I. Reprintseva, the widow of Yu.E. Sokolovsky. The letters were edited and commented by G.I. Reprintseva and A.M. Nikulin.

Keywords: Zaslavskaya, Soviet society, science, sociology, economics, culture, Academy of Sciences, Novosibirsk, Moscow, rural Russia

Письма Татьяны Ивановны Заславской (1972–1974 годы)

От-чего горожане едут в деревню: феноменология и практика¹

О.Я. Виноградская

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

Статья посвящена анализу феномена, который делает возможным такое явление, как переезд горожан на постоянное местожительство в деревню. Нестандартная грамматическая форма вопроса, вынесенного в заголовок статьи, означает двойной контекст слова «от-чего»: в одном случае — это местоимение с предложением («от чего»), указывающее на какой-то феномен; в другом — вопросительное местоименное наречие («отчего»), синонимичное наречию «почему», вопрошающее о причине такого явления, как переезд в деревню. Масштабы и стремительность развития человеческой цивилизации в течение последних десятилетий изменили прежнюю функциональность места повседневного проживания людей, что подвигает современных исследователей к пересмотру своих прежних подходов к поиску причин миграции домохозяйств из города в сельскую местность. Однако в современной социологической научной литературе, как российской, так и зарубежной, теме переезда горожан на постоянное местожительство в сельскую местность уделяется мало внимания, в отличие от изучения обратного процесса — миграции сельских жителей в город. В статье на основе анализа текстов социологических интервью предпринимается попытка приблизиться к видению того, что делает выбор горожанами нового места своей жизнедеятельности возможным и необходимым в формате сельской повседневности. Подчеркивается, что феномен, который показывает себя, казалось бы, таким рядовым и рациональным явлением, как переезд горожан на постоянное местожительство в деревню, важен прежде всего для понимания эволюции жизненных практик как сельской, так и городской подсистем общества.

Ключевые слова: горожане, деревня, бывшие горожане, сельские жители, миграция, повседневные жизненные практики, сельский мир, феномен, явление

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-140-155

На вынесенный в заголовок статьи вопрос у опрошенных нами респондентов, бывших горожан, переехавших на постоянное местожительство в деревню, как правило, уже наличествует ответ, состоящий из усредненного «набора» претензий к городской повседневности: плохая экология, транспортные пробки, шум, сует-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-50018 а(ф).

та, дороговизна, стресс и т. п. Соответственно, в сельской повседневности эти респонденты надеялись найти все то, чего им не хватало в городе: близость к природе, свободу передвижения, тишину, спокойствие, свежие, экологически чистые продукты питания и т. п.

Однако на практике бывшие горожане «открыли» для себя много *неожиданного*: с одной стороны, в полной мере превзошедших их благостные ожидания, а с другой — *трудного*, не просто, в физическом смысле этого слова, хотя это, безусловно, присутствует, но еще чего-то, что, по их словам, возможно, связано с их неготовностью к эмоциональным и морально-этическим нагрузкам, сопутствующим деревенскому образу жизни. Но, несмотря на все эти трудности, бывшие горожане, опрошенные нами, среди которых есть и вновь прибывшие, и те, кто живет в сельской местности не один десяток лет, пока не собираются возвращаться.

В современной социологической научной литературе, как российской, так и зарубежной, теме переезда горожан на постоянное местожительство в сельскую местность уделяется мало внимания, в отличие от изучения обратного процесса — миграции сельских жителей в город.

Одной из причин игнорирования данной темы является относительная редкость этого явления, которое, по данным исследовательской группы ЦИРКОМ², ограничено пределом статистической погрешности — 3% жителей российских городов готовы переехать в деревню. Хотя 17% горожан из числа участников опроса, проведенного этой группой, в принципе рассматривают такую возможность, но лишь в отдаленной перспективе (Потенциал, 2015: 54). По мнению авторов, результаты этого опроса показали, что «только небольшая часть горожан, не исключающая для себя возможность переселения в сельскую местность, готова к дальним переездам; для большинства же это скорее «дачный» вариант. Следовательно, может быть сделан вывод, что потенциал миграции «город — село» с целью освоения пустующих земель или развития сельскохозяйственного производства на сегодняшний день намного меньше, чем собственно уровень готовности к переезду в сель-

2. Группа ЦИРКОМ в итоговом аналитическом отчете по результатам исследования 2015 года выделяет «группу горожан, которые в принципе в той или иной степени рассматривают для себя возможность переселения в сельскую местность или уже даже готовятся к нему. В совокупности объем этой группы составляет около 20% горожан. Однако это, что называется, «оценка сверху». Если же оценивать уровень готовности городского населения к миграции в село более реалистично, то на сегодняшний день его можно оценить примерно в 3% городского населения страны: это те, кто сообщил в ходе опроса, что уже принял решение и готовится к переезду, и те, кто находится в поиске вариантов переезда» (Потенциал, 2015: 54-55).

скую местность» (Там же: 69). Этот вывод больше говорит о цели самого исследования, чем о намерениях респондентов. Почему вообще горожане должны задумываться о необходимости освоения пустующих земель или развития сельскохозяйственного производства? К тому же последнее сегодня в значительной степени сосредоточено в агрохолдингах, которым не нужно большое количество работников и сельских поселений, для их проживания. Такие холдинги не только обеспечивают доставку своих работников к месту производству из относительно удаленных районов, но в случае необходимости самостоятельно обустраивают жилые поселки для них.

Впрочем, переезд горожан на постоянное местожительство в сельскую местность как явление прослеживается на протяжении многих десятилетий и никуда не исчезает, а скорее меняет форму своего проявления, статистическая редкость которого не может быть поводом к пренебрежению этим явлением как несущественной величиной и отказу от его изучения. Даже по результатам формальных опросов село как местожительство привлекательно для пятой части горожан, что дает основание полагать, что *на основе* этого явления *кажет* себя некий феномен³, присутствие которого показывает свою функциональную необходимость в формате обыденных структур городской и сельской повседневностей. А «неуловимость» данного явления для массовых опросов лишь подчеркивает причастность феномена, показывающего себя на его основе, к глубинным процессам, возможно, ответственным за раскрытие эволюционных возможностей жизненных практик горожан в разные исторические периоды. Вместе с тем зафиксированная во множестве научных публикаций, посвященных поиску причин миграции сельских жителей в города, формальная интерпретационная избыточность позволяет «забалтывать» сущностные аспекты как этого процесса, так и обратного.

Для большинства исследователей еще относительно недавно миграции из сельской местности в города воспринимались как само собой разумеющиеся явления, не противоречащие моделям урба-

3. В рамках данной статьи мы будем придерживаться трактовок, которые терминам «феномен» и «явление» дает М. Хайдеггер в своем труде «Бытие и время». Он считает, что «Греческое выражение *φαινόμενον*, к которому восходит термин «феномен», производно от глагола *φαίνεσθαι*, который означает: казаться; *φαινόμενον* означает поэтому: то, что показывает себя, самокажущее, очевидное» (Хайдеггер, 2011: 28). В то же время он подчеркивает, что «Хотя «явление» никогда не есть казание себя в смысле феномена, все же оно возможно лишь *на основе* какого-то *казания себя*. Но это казание себя, делающее и явление тоже возможным, само не есть явление. Явление есть *давание знать* о себе через нечто, что себя кажет... Феномены поэтому *никогда* не явления, но, конечно, никакому явлению не обойтись без феноменов» (Там же: 29-30).

нистического будущего человеческой цивилизации, описывающим мир, состоящий из эффективных мегаполисов, в которых возможно решить все проблемы, связанные с уровнем жизни людей, энергетикой и изменением климата (Moody, 2010).

Тем не менее в зарубежных научных публикациях последнего времени появляется все больше работ, посвященных изучению противоположного «самой большой миграции в истории человечества»⁴ (Blasiak, 2012) процесса, когда жители густонаселенных городов все чаще предпочитают переехать на новое местожительство в сельскую местность, чем продолжать жить «в пропитанных неонном бетонных джунглях» (Baseel, 2018). Это особенно характерно для развитых европейских стран и высоко урбанизированных азиатских регионов.

Так, например, по результатам одного из последних опросов Ministry of Land, Infrastructure and Transport Японии, в котором было опрошено 5000 городских жителей, 23% респондентов в возрастной группе от 20 до 29 лет ответили положительно на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы правительство приложило больше усилий к программам, помогающим городским жителям Японии переехать в сельскую местность?» Причем этот результат на 5% превышал подобные показатели по другим возрастным группам. А среди молодых людей этой возрастной группы, живущих в трех крупнейших мегаполисах Японии (Токио, Осаке и Нагое⁵), положительно ответили на этот вопрос 25% респондентов. И это при том, что в японских мегаполисах уже функционируют офисы организаций, предлагающих советы и помощь горожанам, желающим переехать в менее населенные регионы Японии. Причем со стороны местных муниципалитетов таких регионов также оказывается помощь вновь прибывающим на жительство в виде разного рода компенсаций или предоставления бесплатного жилья (Baseel, 2018). На этом основании автор аналитического обзора приходит к выводу, что, хотя четверть молодых людей в крупнейших городах Японии и думают переехать в деревню, они тем не менее хотят от правительства большей поддержки в отношении программ, облегчающих горожанам как сам переезд, так и адаптацию к новым условиям жизни в сельской местности. Результаты этого опроса можно интерпретировать по-разному: с одной сто-

-
4. Имеется в виду перемещение людей из сельской местности в города. Автор статьи ссылается на мнение экспертов, которые ожидают, что число людей во всем мире, проживающих в городских районах, вырастет с 3,4 млрд (по данным на 2011 год) до 6,3 млрд к 2050 году, что составит увеличение на 85% (Blasiak, 2012).
 5. По данным ООН на 16.01.2018 года, крупнейшим мегаполисом (городской район и пригороды) мира является Токио (Большой Токио) с населением более 38 млн чел. Во втором по численности населения мегаполисе Японии, Осаке, насчитывается больше 20 млн (The 150, 2019). В третьем — Нагоя — более 10 млн (Токуо, 2018).

роны, четвертая часть молодых жителей мегаполисов уже сегодня *видят* в спокойной, расслабляющей жизни в деревне альтернативу своему настоящему существованию в «неоново-бетонных джунглях»; а с другой — они еще *не готовы* «даром» отказаться от ежедневных культурных и развлекательных возможностей, услужливо предоставляемых им инфраструктурой крупного города, и в случае переезда требуют дополнительных преференций к уже имеющимся. Между тем ни один из этих вариантов интерпретаций не помогает ответить на первый же вопрос, который сразу возникает по результатам опроса: *от-чего* каждый четвертый молодой житель японских мегаполисов думает переехать в деревню? В лучшем случае этот и подобные ему социологические опросы констатируют наличие такого явления, как желание горожан переехать на постоянное местожительство в сельскую местность.

Однако масштабы и стремительность развития человеческой цивилизации в течение последних десятилетий, когда в большинстве регионов мира изменяются не только целые экосистемы, но и прежняя функциональность места повседневного проживания людей, заставляют современных исследователей пересматривать прежние шаблонные подходы к поиску причин миграции домохозяйств из города в сельскую местность. Так, объяснения сущности этого явления посредством разного рода «дачных вариантов», статистических погрешностей, исключений из правил или простого нежелания горожан быть «пресловутыми канарейками в угольной шахте», уже не выглядят достаточно убедительными для специалистов и не могут помочь последним ответить на целый ряд поставленных этим явлением вопросов.

В частности, исследователи предполагают, что причины, по которым домохозяйства покидают города и уезжают в сельскую местность⁶, должны быть «более нюансированными и дифференцированными» по сравнению с теми, что ответственны за «традиционный» и в настоящее время достаточно хорошо изученный тип миграции из села в город. По их мнению, город представляет собой относительно статичную среду жизнедеятельности, населенную узкопрофильными специалистами, совместная деятельность которых удовлетворяет их основные повседневные потребности и обеспечивает таким образом эффективное функционирование их сообществ. Эта эффективность является ключом к экономическому росту последних, но одновременно делает их чрезвычайно восприимчивыми к изменени-

6. По данным статистики, например, только в Республике Корея (РОК) количество домохозяйств, переехавших из городов в сельскую местность в 2011 году, увеличилось на 158% по сравнению с предыдущим годом (Blasiak, 2012).

ям окружающей среды, а значит, и недостаточно устойчивыми⁷ по сравнению с сельскими сообществами. Они проводят параллели с распространением инвазивных и узкоспециализированных видов в дикой природе, например, таких как гигантская панда, рацион питания которой ограничен в основном бамбуком, или пятиигольчатая сосна, произрастающая в канадской провинции Альберта, рассеивание семян которой зависит от одного вида птиц — Шелкунчика Кларка (*Nucifraga columbiana*). Узкая специализация таких видов позволяет им в относительно стабильной природной среде создавать эффективные ниши в экосистеме, но зачастую при изменении условий этой среды они проигрывают другим видам, с более разнообразной специализацией. Поэтому, если в экосистеме доминантными оказываются инвазивные или узкоспециализированные виды, она будет неустойчивой и предрасположенной к деградации. При этом, например, гигантская панда не может внезапно принять решение о разнообразии своего рациона питания, и это становится для нее эволюционным приговором. Но люди, в отличие от видов, обитающих в дикой природе, всегда имеют возможность покинуть то или иное сообщество, изменив при этом свои навыки выживания. Так, в частности, переезд горожан на местожительство в сельскую местность, где нет такой жесткой зависимости от узкопрофильных специалистов, потребует от них освоить такие навыки выживания, как взаимодействие с окружающей природой, местной культурой и сложившимися на протяжении многих поколений сельскими сообществами, но вместе с тем расширит и возможности самих этих сообществ по выживанию. Такая логика рассуждений приводит исследователей к следующему выводу: если сельские общины изначально «по своей природе» являются более устойчивыми, чем городские, которые эффективнее первых с чисто экономической точки зрения, то, возможно, «ручейки людей», переезжающих из городов в сельскую местность, манифестируют некий «элемент» универсального человеческого осознания того факта, что устойчивость, а вовсе не эффективность, по-видимому, представляет для сообществ лучшую стратегию выживания в долгосрочной перспективе (Blasiak, 2012).

Как бы то ни было, но увеличение внимания научной ответственности к явлению переезда горожан на постоянное местожи-

7. В качестве экстремального примера приводится землетрясение 2010 года в Гаити, после которого более 600 тыс. чел были вынуждены покинуть столицу — Порт-о-Пренс, являющуюся одновременно главным внешне-торговым портом страны, в которой по состоянию на 2009 год насчитывалось около 900 тыс. чел. (вместе с пригородной зоной — почти 2 млн 300 тыс.). В результате этого землетрясения жители Порт-о-Пренса потеряли не только жилища и работу, были разрушены или закрыты продовольственные сети и другие виды услуг.

тельство в сельскую местность в последнее время не приближает нас к видению того, что делает это явление возможным.

А что о своем переезде из города в деревню говорят сами респонденты? Почему «соблазнительная» сельская повседневность подвигает на переезд лишь относительно небольшое количество горожан в определенным образом очерченные для них временные рамки? Является ли это явление результатом каких-то глубинных процессов, возникающих в эволюции жизненных практик горожан в то или иное время? Если это проявление чего-то глубинно-го, то каковы его феноменальные характеристики?

В ответах респондентов на вопрос о причинах переезда в деревню иногда звучит осознание готовности к непринужденной жертвенности, растрачиванию себя («*есть такие альтруисты*») на «*тяжесть и неблагодарность... крестьянского труда*», на которое может отважиться далеко не каждый горожанин, желающий изменить свое местожительство. Вместе с тем в этих феноменах жертвенности и отваги заключена благодарность за выпавшую, таким образом, возможность осуществления своей деятельности, как возможность *вкладываться и развиваться*.

«Конечно, человеку из города переехать в деревню очень сложно. Сейчас, конечно, есть такие альтруисты, которые готовы в село переезжать, вкладываться, развиваться. То есть такие фермеры вроде нас с мужем. Мы, когда начали в инстаграме выставлять свою продукцию, то оказалось, что все фермеры по происхождению — люди городские. Все приехали из города. И этому есть несколько причин. Во-первых, это финансовые возможности. Простому сельскому жителю продуктивное хозяйство просто не поднять. Ведь корову надо купить, вырастить, выкормить, а уж потом доить. То есть здесь важна именно финансовая сторона. Плюс — вообще, тяжесть и неблагодарность этого крестьянского труда. Ведь, наверное, мало кто любит животных, чтобы просто смотреть на них, ими любоваться и от них подзаряжаться. Их же, кстати, потом и убить надо. Заколоть. Вроде бы ты их любишь, кормишь, а потом идешь к ним в роли палача. Это ведь тоже большая вредность нашей фермерско-крестьянской профессии. И поэтому далеко не все хотят этим заниматься — это ведь тяжелый физический труд» (Краснодарский край, Каневской район, 2019).

От чего появляется необходимость в этом феномене жертвенности, потребность в нем, возмещаемая в данном случае свободой выбора респондентами нового места своей жизнедеятельности? Для того чтобы при ответе на этот вопрос не увлечься фактологической стороной дела, постараемся проследить, как эта феноменология очевидно *кажет* себя в ответах респондентов.

Респонденты, бывшие горожане, по-разному отвечают на вопрос о том, *отчего* они решились переехать в деревню. Для од-

них — это воля случая, воспринимаемая как данность («так вышло», «подыскивали домик для дачи», «приехал погостить и понял, что хочу здесь остаться»); для других — вынужденное решение, принятое под давлением жизненных обстоятельств («оставили городскую квартиру детям, а сами решили перебраться в деревню»); третьи вообще делают выбор в пользу переезда, руководствуясь разного рода внутренними убеждениями («уехали ради будущего своих детей, хотим, чтобы они выросли здоровыми, на натуральных продуктах и свежем воздухе»); некоторые переезжают, исходя из вполне рациональных соображений, например, для организации своего бизнеса. Следует отметить, что перечисленные выше группы ответов не исчерпывают всего разнообразия причин переезда горожан на жительство в сельскую местность, причем часть респондентов в процессе выбора, на «месте», меняют свои первоначальные замыслы в зависимости от ситуации. Так, человек при переезде не планировал заниматься бизнесом, но на «месте» обстоятельства благоприятствовали тому, чтобы его начать.

Ниже мы приводим несколько цитат из интервью с респондентами, которые, на наш взгляд, приближают нас к видению того, что делает явление выбора ими нового места своей жизнедеятельности возможным и необходимым как в формате городской, так и сельской повседневностей.

«...на городской работе я была вполне успешным специалистом. Но там мне было нехорошо. И я приняла решение уехать из Москвы. И вот прошло уже три года, и я совершенно не жалею, что так получилось. При этом я знаю, что я вполне могу вернуться в ту организацию, где работала до переезда сюда, ведь там знают, что я не к конкурентам ушла, а в деревню, в самый низ жизни, казалось бы... Я уехала открывать свое дело, узнавать что-то новое...»

...сам факт переезда сюда стал самым большим событием для нас. До сих пор мои друзья городские недоумевают: “Как это вы решились на такое? Как вы все это организовали?” То есть само наше появление здесь и есть самое значимое событие в нашей нынешней жизни» (Краснодарский край, Каневской район, 42 года, 2019).

«Я коренная москвичка, выросла и жила в Москве. Потом мы мотались с мужем по командировкам, по всему миру. Когда я уходила на пенсию, и он тоже заканчивал свои дела. И он мне говорит: “...ты лучше меня утопи, но в Москву я не поеду...” Я: “Как так? А пенсия? А все остальное?..” А он мне заявляет: “Давай квартиру продадим и купим что-нибудь, на воле...”»

Вообще, здесь другая социальная среда. Основная масса людей — труженики. Они внутренне благородные. И много таких

здесь! Я люблюсь ими, и они мне нравятся. У них детки растут, к земле приученные. Они знают, где и как что делать. Они здороваться приучены. Ведь в городах это давно уж утеряно.

Тут очень важно, что люди друг друга знают. И поэтому неформальные связи есть. Ну меня уже здесь узнают, как свою. И вот приехала в центр, хочу какую-то вещь взять, а денег не хватает. Мне говорят: “Да ладно, берите, потом отдадите...”

Но, правда, я за калитку (имеется в виду калитка экотуристического центра, где расположены домики отдыха и вся его инфраструктура) редко выхожу... У меня основное общение и жизнь — внизу. Езжу в Каневскую по делам» (Краснодарский край, Каневской район, 56 лет, 2019).

О статистической погрешности количества переезжающих на постоянное жительство в деревню горожан и причинах этого переезда:

«...я считаю, что таких людей, как мы, мало количество, — это просто погрешность... Погрешность в типовом образе жизни. Подавляющее множество людей живут перед телевизором, с бутылкой пива и с сосиской из дешевого сетевого магазина. А кто-то — как мы — телевизор не смотрит, круглый день работает и мясо почти не ест. Вот и все...

А что до нас, то тут так — наступает момент, когда у каждого обозначается свое время. Когда ты понимаешь — либо сейчас, либо никогда. Время, когда ты осознаешь себя — ты кто? На каком уровне ты себя можешь сгармонизировать?» (Белгородская область, Яковлевский район, 49 лет, 2019).

«Я двадцать пять лет проработал в педагогике. И занимался совсем другими вещами, очень далекими от сельского хозяйства. Сам я из города. Родился в слободе, был у нас садик и огородик, только лишь. И у меня совсем другое направление интересов.

...я решил, что буду капитально менять свой образ жизни, который был до этого, и свою деятельность. И у меня обязательно будут в будущем занятия сельским трудом... Они уже есть... И они должны быть! У каждого... И я решил — в будущем это все должно быть мое. И мой дом, который я сейчас строю, и моя земля — в частной собственности. И вот мы здесь будем жить, рядом с друзьями...» (Белгородская область, Яковлевский район, 52 года, 2019).

* * *

Осенью 1933 года в Германии 44-летний немецкий философ Мартин Хайдеггер пишет доклад под названием «Schöpferische Landschaft:

Warum bleiben wir in der Provinz?»⁸ (Heidegger, 1983), который впервые в качестве выступления был зачитан им по Берлинскому радио в марте 1934 года, незадолго до его отставки с поста ректора Berliner Universität в апреле того же года (Heidegger, 1983: 246). Это выступление было неоднозначно воспринято в немецком обществе того времени: одни обвиняли его в публичном отречении от Берлина, другие, по словам Р. Сафрански, в «этом докладе часто усматривали лишь приправленный идеологическим соусом романтический идеал любви к родине и крестьянской жизни» (Сафрански, 2005: 374). Однако в этом докладе Хайдеггер на основе *своего собственного* опыта подтверждает важность поднятых им еще в 1927 году в «Бытии и времени» (Хайдеггер, 2011) вопросов, стоящих перед человечеством на его пути в поисках *своего собственного дела*.

Тема «одиночества» является основной в докладе и позволяет автору ответить на вопрос, вынесенный в его заголовок: «Творческий пейзаж: Почему мы остаемся в провинции?», в заочной полемике с городскими жителями: «Городские жители часто недоумевают по поводу моей долгой, однообразной изоляции в горах среди крестьян. Однако это не изоляция, а скорее, *одиночество*. В больших городах человек легко может быть *изолирован*, как *навряд ли* где-либо еще, но он никогда не может быть там одинок. Потому что одиночество имеет подлинную (свою собственную) силу, ту, что не *изолирует* нас, но *возвращает* присутствие к целому, в котором оно достигает близости к существованию всех вещей» (Heidegger, 1983: 11).

Эта же тема еще отчетливее звучит в «Бытии и времени»: «... одиночество возвращает присутствие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможности его бытия. Эти основовозможности присутствия, которое всегда мое⁹, кажут себя в ужасе словно на самих себе, незаслоненно внутримирным сущим, за которое присутствие ближайшим образом и обычно цепляются» (Хайдеггер, 2011: 191).

По Хайдеггеру, человек может вернуться к себе, к своему миру, собственным возможностям только через подлинное одиночество. Респонденты, уехавшие из города на новое место жительства в сельской местности, почти через сто лет после представленных выше аналитических рассуждений Хайдеггера, по разным, с их точки зрения, причинам («...на городской работе... мне было нехорошо», «...квартиру (в городе) продадим и купим что-нибудь, на воле...», «...наступает момент (о переезде в село), когда у каждого обозначается свое время», «...я ре-

8. В русском переводе А.В. Михайлова он имеет название «Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции?» (Хайдеггер, 2008).

9. Из заметок на полях (маргиналий), сделанных М. Хайдеггером: «Не эгоистически, но как брошенное для взятия на себя» (Хайдеггер, 2011: 440).

шил, что буду капитально менять свой образ жизни, ...свою деятельность. ...у меня обязательно будут... занятия сельским трудом»), никогда ничего не слышавшие о его феноменологии, говорят в своих интервью о том же самом: об одиночестве, о возвращении в свой мир, свое время, к своей новой деятельности на воле и, открывающихся перед ними возможностями, которые они берут на себя.

Перед бывшими горожанами в сельской местности открывается всегда новый пейзаж возможностей, в котором каждый находит, зачастую не сразу, свое дело, уже подготовившее для каждого из них в качестве дара настоящее сокровище, утаенное до времени повседневностью сельского мира. Подобраться, подкрасться к этому сокровищу, по словам респондентов, можно разными маневрами, но только через подлинное одиночество, которое и показывает им их собственный путь к этому сокровищу. Это то самое одиночество, которое, по Хайдеггеру, не изолирует, а «возвращает присутствие к целому, в котором оно достигает близости к существу всех вещей» (Heidegger, 1983: 11). Почти все респонденты отмечали, что за время пребывания в деревне их круг общения, по сравнению с городом, значительно расширился, причем не только за счет online-, но в большей степени, — offline-контактов. (*Люди приходят в нашу жизнь, некоторое время побудут в ней, а потом уходят. И каждый из них идет своим делом заниматься.*) Поэтому такого явления, как скука, здесь, в деревне, в отличие от города, для бывших горожан просто не существует — каждый занимается своим делом.

«Я знаю, чем все закончится в городе. Здесь все иначе. Мир наш, здешний, сельский — никогда не дает готовых ответов. И ты никогда не знаешь, чем все закончится. И ты действуешь — либо вот так, галсами, либо вот так, напрямки, либо вот так, с тыла. Обходным маневром. Но ты здесь понемножку, ориентировочно, подбираешься, подбираешься, подходишь, подкрадываешься к этому сокровищу.

А город... Вот если я смотрю фильм, и при этом знаю его финал... Можно уже и не смотреть. Так же и в городе — все ясно и понятно.

Наши знакомые, которые тоже переехали из города и занимаются в деревне своим делом, чем-то отличаются от нас, но это не различие, принципиальное. Просто каждый из них идет своей дорогой. И периодически мы пересекаемся. Люди приходят в нашу жизнь, некоторое время побудут в ней, а потом уходят. И каждый из них идет своим делом заниматься. Мы с упоением с ними общаемся, делимся опытом, смотрим, кто чего достиг. А потом они уезжают в свою деревню.

И у нас здесь скуки нет. Скука в городе, вся, целиком. А здесь нам не скучно. Нам просто некогда. Потому что много всяких

идей, всяких мечтаный и хотелок...» (Белгородская область, Яковлевский район, 49 лет, 2019).

«И я хочу здесь, на своей земле, такого рода программу запустить. Здесь будет лагерь разбит, будут жить ребята по десять дней... Я их буду обучать навыкам поведения в лесу — что такое лес, как с ним взаимодействовать, как укрыться, как развести костер... И кроме этой программы мы будем приучать детей к сельскому хозяйству. Будем водить их на экскурсии к нашим друзьям-фермерам... На теплицу, на пчельник, на кроликов и бычков... На полбу — археологическую древнюю пшеницу.

Но это на первое время. А в будущем мы планируем на своей усадьбе сделать сельскохозяйственную практику — посадка, прополка, косяба, уход за животными, сбор урожая. В зависимости от времени года, от сезона. Игровой блок — обязательно! Народные русские игры, позабытые из-за городской жизни. Ланта, горюшки, клёк, штандер, вышибалы и прочее...

Надо сказать, что я сейчас очень пересмотрел свою прошлую деятельность. Я около двадцати лет занимался большей частью спортивной работой с детьми. А вот сейчас хочу научить ребят понимать мир, себя в этом мире, научиться взаимодействовать в этом мире. Это уже не телесная механика, а что-то совсем иное. Разобраться, почему люди поссорились, почему конфликтовали... А можно ли этот конфликт разрулить, можно ли сделать по-другому?

У меня взрослый сын в Москве работает — психолог. Я его зову сюда перескаться, у него двое детишек. Тут есть для него поле деятельности, земля наша, дом наш. Есть где развернуться...» (Белгородская область, Яковлевский район, 52 года, 2019).

Одним из интересных и очень актуальных начинаний горожан в деревне являются детские лагеря для отдыха и обучения, причем внесезонные. Современные дети не хотят проводить свои каникулы в скучных, огромных «лагерях-резервациях», представляющих собой «кальку» с советских пионерских лагерей. Они одним прикосновением к экрану какого-нибудь гаджета мгновенно оказываются в любой виртуальной реальности, поэтому их трудно чем-либо удивить или заинтересовать. А вот если опытный и грамотный педагог-наставник на природе, почти в семейной обстановке, будет учить «*ребят понимать мир, себя в этом мире, научиться взаимодействовать в этом мире*», в реальном, а не виртуальном, это для городских детей может стать настоящим открытием, прежде всего себя.

Вместе с тем деревня учит бывших горожан ценить забываемые каждодневные ощущения, даром предоставляемые им природным пейзажем, сельским миром, которые невозможно купить ни за какие деньги в городе. Поэтому к сельским жи-

телям, соблазненным сиянием огней большого города, решившимся на переезд туда, они испытывают искреннее сочувствие и жалость.

«И действительно, люди мимо идут, здороваются, все такие приветливые. И мне это было настолько по душе, что я здесь попала в свой желанный мир. А закаты здесь какие?! Вот, мы специально на бровке лавочки поставили, чтоб эту красоту наблюдать. Закат не повторяется никогда, каждый раз что-то новое. Я здесь с 2006 года живу, и всегда наблюдаю закаты — по цвету, по фигуре. Солнце здесь падает за горизонт особым образом — оно сперва подскакивает, а потом проваливается. Я первое время прямо визжала от удовольствия. Просто не передать это ощущение» (Краснодарский край, Каневской район, 56 лет, 2019).

«Вот городские видят рекламу домика в деревне, чистенькую благородную старушку в передничке, сметану горкой в глиняной гладкой миске. И умиляются... А местные, наоборот, видят, как сияют огни Москвы, как люди гуляют в модных одеждах и в белых кроссовках, как летают разноцветные салюты над водой... А потом они едут в город и не сразу понимают, в какую они в общем-то кабалу попадают. Да, конечно, зарплата высокая. Если здесь зарплата 10 тысяч, то в городе она минимум 50. Но эти 50 тысяч быстренько уходят на дорогу, на красивый костюмчик и на красивые туфельки, в которых надо прийти на совещание, на прическу. Приготовить покушать ты уже не успеваешь, надо идти в кафе, а это дорого. Этот безумный стресс, который ты получаешь на работе, надо как-то сбросить, и ты идешь в фитнес-клуб... Фактически эти деньги быстро улетают на оплату этого самого города, его среды обитания. И получается, что жить в городе сейчас, в сущности, бессмысленно. Вот почему мы приняли такое решение — переехать на жительство в село? Потому что те деньги, которые зарабатывались там, они не давали ничего дополнительно. Мне не удавалось ничего скопить. И я поняла бессмысленность такого существования, такого круговорота. А здесь у меня — свежий воздух, бесплатный фитнес, свежие продукты, которые ты в Москве даже за деньги не купишь» (Краснодарский край, Каневской район, 42 года, 2019).

Итак, от-чего горожане едут в деревню? От нужды по настоящему *одиночеству*, недоступному в городе из-за *изоляции* человека от самого себя. Город своей «телесной механикой» не только изолирует человека от мира, но и разрушает его изнутри созданием разного рода суррогатов и эффективных систем, превращающих его в один из своих узкоспециализированных видов. Городская

жизнь оказывается автоматическим организационно-технологическим предприятием, в будущем эффективном пределе которого уже сегодня просматриваются самоорганизующиеся в обменно-информационную систему специализированные виды разного рода «беспилотников», не нуждающихся в человеке даже в качестве «пассажира». Поэтому феномен, который *кажет* себя за таким рядовым и рациональным явлением, как переезд горожан на постоянное местожительство в деревню, важен для понимания эволюции жизненных практик и сельской, и городской подсистем общества.

Библиография

- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 24(1). С. 101–135. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945/5310> (дата обращения 05.08.2019).
- Потенциал (2015) организованной внутренней миграции «город-село» в России. Стимулы и барьеры к коллективному переселению граждан на пустующие территории: Итоговый аналитический отчет по результатам исследования. Исследовательская группа ЦИРКОН. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/gcc/Migration_city-country_Final_report2015t.pdf (дата обращения 05.08.2019).
- Сафрански Р. (2005). Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Молодая гвардия.
- Хайдеггер М. (2011). Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект.
- Хайдеггер М. (2008). Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции? // Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект. С. 368–371.
- Baseel C. (2018). One in four young people in Japan's biggest cities thinking of moving to countryside. SoiraNews24. URL: <https://japantoday.com/category/features/lifestyle/one-in-four-young-people-in-japan%E2%80%99s-biggest-cities-thinking-of-moving-to-countryside> (дата обращения 06.08.2019).
- Blasiak R. (2012). Return to rural communities: Resilience over efficiency / United Nations University. URL: <https://unu.edu/publications/articles/return-to-rural-communities-resilience-over-efficiency.html> (дата обращения 06.08.2019).
- Heidegger M. (1983). Schöpferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz? (1933) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 13. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. M. S. 9-13.
- Moody A., Lan L. (2010). Focusing on future urbanization. China Daily Information Co. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2010-03/22/content_9621374.htm (дата обращения 21.08.2019).
- The 150 Largest Cities In The World (2019). WorldAtlas. URL: <https://www.worldatlas.com/citytops.htm> (дата обращения 12.08.2019).
- Tokyo, the City with the World's Largest Population Density: 18 Times Japan?! (2018). LIVE JAPAN. URL: <https://livejapan.com/en/article-a0002533/> (дата обращения 12.08.2019).

Why and from what townspeople move to the village: Phenomenology and practice

СОБРЕМЕННОСТЬ

Olga Ya. Vinogradskaya, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

The article considers reasons that determine the very possibility of the townspeople moving to the village for permanent residence. The non-standard grammatical form of the question in the title in Russian stresses the double context of the Russian word “why — from what”: on the one hand, it is a pronoun with a preposition (from what) indicating a certain phenomenon; on the other hand, it is an interrogative pronoun (why), a synonym of the adverb “wherefore” asking about reasons for moving to the village. In recent decades, the scale and speed of the civilizational development have changed the functionality of the place of residence, which makes the researchers reconsider their previous approaches to the study of the reasons of migration from the city to the countryside. However, in contemporary sociological works, both Russian and Western, little attention is paid to the issue of the townspeople moving to permanent residence in the countryside, as compared to the studies of the reverse process — the migration of villagers to the city. Based on the analysis of the interviews data, the article focuses on the reasons that determine the possible and necessary decisions of the townspeople to choose a new place of residence under the current conditions of everyday rural life. The author emphasizes that such reasons, which explain a seemingly ordinary and rational fact of the townspeople moving to the village for permanent residence, help to understand the evolution of life practices in both rural and urban social systems.

Keywords: townspeople, village, former townspeople, villagers, migration, everyday practices, rural world, phenomenon, fact

References

- Zvyagintsev V.I., Neuvazhaeva M.A. (2015) *Pereselentsy iz goroda v selskuyu mestnost: fenomen “obratnoj migratsii” v sovremennoj Rossii* [Migrants from the city to the countryside: The “reverse migration” phenomenon in contemporary Russia]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 101-135.
- Potentsial organizovannoj vnutrennej migratsii “gorod-selo” v Rossii. Stimuly i bariery k kollektivnomu pereseleniyu grazhdan na pustuyushchie territorii: Itogovy analitichesky otchet po rezul'tatam issledovaniya (2015) [The potential of the organized urban-rural migration in Russia. Incentives and barriers to the collective migrations of citizens to empty territories: Final analytical research report]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/9cc/Migration_city-country_Final_reportp2015t.pdf.
- Safranski R. (2005) *Heidegger: germansky master i ego vremya* [Heidegger: German Master and His Time]. Per. s nem. T.A. Baskakovoj, Moscow: Molodaya gvardiya.
- Heidegger M. (2011) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Per. s nem. V.V. Bibikhina, Moscow: Akademicheskyy Proekt.
- Heidegger M. (2008) *Tvorchesky landshaft: Pochemu my ostaemsya v provintsii?* [Creative landscape: Why do we stay in the provinces?] *Istok khudozhestvennogo tvoreniya*. Per. s nem. A.V. Mihajlova, Moscow: Akademicheskyy Proekt, pp. 368-371.
- Baseel C. (2018) One in four young people in Japan's biggest cities thinking of moving to countryside. *SoiraNews24*. URL: <https://japantoday.com/category/features/lifestyle/one-in-four-young-people-in-japan%E2%80%99s-biggest-cities-thinking-of-moving-to-countryside>.
- Blasiak R. (2012) Return to rural communities: Resilience over efficiency. URL: <https://unu.edu/publications/articles/return-to-rural-communities-resilience-over-efficiency.html>.

- Heidegger M. (1983) Schöpferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz? *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann, pp. 9-13.
- Moody A., Lan L. (2010) Focusing on future urbanization. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2010-03/22/content_9621374.htm.
- The 150 Largest Cities in The World (2019). URL: <https://www.worldatlas.com/city pops.htm>.
- Tokyo, the City with the World's Largest Population Density: 18 Times Japan?! (2018). URL: <https://livejapan.com/en/article-a0002533>.

Изменение пешеходных троп в сельской местности как индикатор трансформации образа жизни сельчан¹

Г.А. Пивовар, М.С. Савоскул

Галина Александровна Пивовар, менеджер образовательных программ Московской школы управления СКОЛКОВО. 43025 Московская область, Одинцовский район, Сколково, ул. Новая, д. 100. E-mail: pivovar.gal@gmail.com

Мария Сергеевна Савоскул, доктор географических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1. E-mail: savoskul@yandex.ru

В статье на примере Ивановковского сельского поселения Ясногорского района Тульской области показана трансформация пешеходных троп в сельской местности, что может служить индикатором изменений в образе жизни людей на селе и самой сельской местности. Исследование можно отнести к микрогеографическим социальным исследованиям, которые не так часто встречаются в отечественной географии. Основным методом стали глубинные интервью с постоянными резидентами, а также с «летними» жителями сельского поселения, с представителями администрации Ясногорского района и Ивановковского сельского поселения. Дополнительно применялся метод натурального наблюдения. В качестве гипотезы была выдвинута идея, что индикатором происходящих изменений в сельской местности на самом низовом уровне может быть трансформация сети сельских дорог, включая и пешеходные тропы и тропинки.

Пешеходные тропы являются индикаторами трансформации хозяйственной активности жителей внутри населенного пункта. В связи с возрастанием уровня автомобилизации они переходят в разряд реликтовых форм связанности сельских территорий. Сельские пешеходные тропы заметно реагируют на изменение хозяйственного ландшафта: ухудшается их качество, они зарастают и исчезают, разветвление сети дорог свидетельствует о появлении новых форм деятельности на территории.

Ключевые слова: сельская местность России, пешеходные тропы, трансформация образа жизни

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-156-166

1. Статья написана при финансовой поддержке РФФИ проект № 18-011-00725, проект № 18-05-00394

*Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастали мохом-травой,
Где мы гуляли, милый, с тобою².*

157

*Г.А. Пивовар,
М.С. Савоскул*
Изменение пешеходных троп в сельской местности как индикатор трансформации образа жизни сельчан

Конечно, в песне из эпитафия речь идет не о проблемах сельской местности в начале XXI века. Песня, записанная в Тульской губернии более ста лет назад, как нельзя лучше отражает невозможность для современного человека воспользоваться «стежками-дорожками», потому что исчезли и продолжают исчезать пешеходные тропы в современной сельской местности. Полностью меняется микрогеография сельского мира, и это происходит не только, а часто и не столько из-за того, что сокращается число жителей, а потому что жители ведут совершенно иной образ жизни, уже не подразумевающий пешеходные походы в близлежащие деревни. Данная статья — результат лонгитюдного наблюдения за локальной сельской территорией на границе Московской и Тульской областей, являющейся периферией как для Тульской области, так и для Московской агломерации.

В сегодняшней деревне, находящейся под влиянием агломерации, обеспечивающей как приток внешних людей на постоянное или сезонное пребывание, трудовые миграции сельского населения, непрерывающаяся трансформация или вымирание традиционных «сельских отраслей» выражена очень явно. Давно не существует собирательного образа «сельского жителя» или домохозяйства. Даже задача выделить ряд подобных образов, с базовыми жизненными стратегиями и характеристиками форм занятости, сельских жителей кажется практически нереализуемой.

Для внешнего наблюдателя фенотип деревни трансформируется очень медленно, практически незаметно. Это связано в том числе с «размазанностью» проходящих процессов по значительной территории. Зачастую внешний исследователь затрудняется ответить на вопрос, на что следует обратить внимание во время полевых экспедиционных выездов, чтобы собрать максимально полную и достоверную информацию и сформулировать какие-то выводы.

В ходе изучения трансформации образа жизни населения в сельской местности нами была выдвинута гипотеза, что индикатором происходящих изменений на низовом уровне исследования может быть трансформация сети сельских дорог, включая пешеходные тропы и тропинки.

В данной статье рассмотрены прежде всего пешеходные тропы, именно они чаще всего являются индикаторами трансформации хозяйственной активности жителей внутри населенного пунк-

2. В качестве эпитафия взяты строки из популярной народной песни XX в. романского склада (записано Т.С. Шумиловой в 1945 г. в Тульской области) (Русские народные песни, 1957).

та. В связи с возрастанием уровня автомобилизации они все больше переходят в разряд реликтовых форм связанности сельских территорий. Сельские пешеходные тропы заметно реагируют на изменение хозяйственного ландшафта, так как исключительно быстро ухудшается их качество, они зарастают и исчезают. Кроме того, разветвление сети дорог свидетельствует о появлении новых форм деятельности на территории.

Обзор ранее проведенных исследований. Географы в своих работах не так часто обращаются к изучению сельского поселения на локальном уровне, хотя эта традиция была заложена еще в конце XIX — начале XX в. Так, к классическим исследованиям можно отнести работу О.П. Семеновой-Тянь-Шаньской «Жизнь «Ивана»» (2010). В советский период к этой тематике обращались в своих работах А.И. Алексеев (1990), С.В. Федулов (1987), в постсоветское время к таким публикациям можно отнести работы Т.Г. Нефедовой (2003, 2006), А.А. Фомкиной и др. (2016).

Среди социологов к локальному уровню сельской местности проявляют интерес представители Центра крестьяноведения, созданного Т. Шаниным. Они проводили длительные исследования в населенных пунктах, относящихся к разным типам сельской местности России (Голоса крестьян, 1996), также представители Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге под руководством В. Воронкова (Вдали от городов, 2012).

Практически не встречается работ, посвященных развитию пешеходной инфраструктуры в сельской местности. Любопытным примером подобного исследования в городе может служить статья Е.А. Вагнер (2012).

Методы исследования. Специфика локальных сельских исследований в социальной географии сегодня такова, что объект чрезвычайно сложно прочувствовать «в цифрах». На уровне сельских поселений статистическая информация практически не представлена в официальных статистических сборниках, ее возможно собрать только во время полевых исследований. Основным источником сбора количественной информации становятся похозяйственные книги, которые заполняются в сельских населенных пунктах на каждое домохозяйство. Даже тщательно проанализировав похозяйственные книги, можно в итоге получить формальную и зачастую оторванную от реальности информацию. Так, например, численность и возрастной состав приводятся только в отношении постоянного населения, а данные о сфере занятости сельских жителей, их реальных доходах, формах хозяйственной деятельности, трудовых миграциях, временном «дачном» населении — никак не отражаются в статистической отчетности.

На помощь приходят проверенные социологические методы: опросы, глубинные интервью (Уйти, чтобы вернуться, 2009; Штейнберг и др., 2009), натурные географические наблюдения. Эти

методы эффективны, хотя и чрезвычайно время- и трудозатратны. Есть и еще одна сложность использования качественных методов сбора информации: часто сельские жители стараются выдать некоторую «версию для стороннего наблюдателя», это правило работает по отношению ко всем «пришлым людям», даже к тем, кто живет в селе не одно десятилетие.

Наше исследование проводилось в Ясногорском районе, расположенном на севере Тульской области, на границе с Московской (граница между двумя областями проходит по р. Оке). Численность населения района составляет чуть более 30 тыс. человек, из них в сельской местности проживают около 10 тыс. человек. Несмотря на то что район расположен в зоне влияния Московской агломерации, это сказывается только на увеличении числа летнего населения района.

По мнению региональных экспертов, часть района, характеризующаяся наиболее благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, находится в депрессивном состоянии. В районе практически не осталось крупных сельскохозяйственных производителей, показатели производства постоянно снижаются, сегодня в аграрном секторе занято около 500 человек. И если природный потенциал позволяет вести сельскохозяйственную деятельность, то трудовых ресурсов для восстановления сельскохозяйственного производства в районе не хватает.

Основная часть полевого исследования проходила в приокской части района на территории сельского поселения Ивановское. В него входят 23 сельских населенных пункта. Самые крупные: Ивановское, где проживают 950 чел. постоянных жителей; Есуковский (290 жителей); Григорьевское (135 жителей). В остальных деревнях или нет постоянных жителей, или их численность не превышает 15–20 человек³. В большинстве населенных пунктов проживают 1–2 старожилы преклонного возраста, некоторое оживление происходит лишь в дачный сезон.

Колхоз, обрабатывавший пойменные земли, на протяжении 1990-х годов постепенно деградировал: поля обрабатывались и засеивались, но на сбор урожая, как правило, средств уже не хватало. Таким образом, трудоспособные жители села, помимо своего индивидуального хозяйства, не имели возможности трудоустройства на близлежащих территориях, что усилило отходничество и вахтовую работу селян в городах.

Поток как маятниковых, так и постоянных мигрантов ориентирован преимущественно на близлежащие города Московской области — Ступино и Каширу, поскольку приокские территории Ясногорского района транспортно более тяготеют к Московской, нежели к Тульской области. Дефицит трудовых ресурсов и фактически заброшенная земля, при непосредственной близости к Московской

3. Данные на январь 2017 г.

агломерации, спровоцировали появление новых форм сельскохозяйственной деятельности, организованных трудовыми мигрантами из стран СНГ, Кореи и Китая.

В рамках исследования нами были проведены 10 интервью с экспертами районного уровня (руководителями сельскохозяйственных организаций, специалистами сельскохозяйственного управления). Основными темами этих бесед с экспертами стали следующие: развитие сельскохозяйственного производства в Ясногорском районе, социально-экономическая ситуация в районе, трудовые миграции населения. Также были взяты глубинные интервью со старожилами, постоянно проживающими в сельских населенных пунктах Ивановского сельского поселения. Помимо метода глубинных интервью в ходе эмпирического исследования активно использовался метод натурного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение. Разветвленная пешеходная сеть троп и тропинок в сельской местности становится практически реликтовым элементом сельского ландшафта. Обширная сеть пешеходных троп в конце 1980-х — середине 1990-х годов значительно сократилась в 2000-е годы. Причин этому достаточно много. На одном из первых мест находится резкое сокращение численности постоянного населения и увеличение среднего возраста постоянно проживающих жителей. Например, в дер. Белугино в 1993 году постоянные жители проживали в 65 домах, а в 2017 году всего в трех.

Даже среди постоянных жителей наблюдается массовый отказ от личного приусадебного хозяйства. В той же дер. Белугино численность коров в личных хозяйствах с 1993 по 2017 год сократилась с 50 до одной коровы. Ритм сельской жизни и внутренних перемещений внутри сельского населенного пункта еще в 1990-х годах в значительной мере определялся содержанием крупного рогатого скота. В начале 1990-х годов самая протоптанная тропа в селе привела бы вас на выгон, где с 13 до 14 часов непременно происходила дневная дойка коров. Когда стадо в деревне сократилось до 10 голов, местные жители перестали их отгонять и стали привязывать на общественных территориях, напротив собственных домов. В 2007 году в сельском поселении подобные общественные территории были переведены в категорию индивидуально-жилищного строительства и разделены на участки по 10 соток. Это отражено на кадастровом плане, так что приусадебные хозяйства даже при необходимости уже не смогут быть реанимированы в прежнем виде.

Существовал также еще один важный эффект от содержания крупного рогатого скота — регулярная заготовка кормов. Луга вокруг деревни постоянно окашивались, что создавало развитую сеть летних троп «на сенокосы». Такие летние тропы активно использовались жителями сел для походов в лес и способствовали доступности территорий вокруг деревень в радиусе до 5–6 км. В результате

сокращения поголовья скота луга практически перестали окрашиваться, что привело к деградации даже тех пешеходных маршрутов, которые пользуются популярностью у сезонного дачного населения, — в грибные и ягодные места. В большинстве грибных и ягодных мест в 2000-е гг. стало невозможно добраться пешком, в том числе и поэтому все более распространенным является выезд «по грибы» на автомобиле (табл. 1).

Важнейший элемент внутренней сельской инфраструктуры, к которому необходим пеший доступ, — колодец. В изучаемых в двух сельских населенных пунктах колодцы находятся в их центральной части (дер. Макаровка, Кашино). В дер. Белугино колодец на значительном отдалении от одной части деревни, но там у большинства есть центральное водоснабжение, поэтому тропа к нему также почти утеряна.

В крупных деревнях в пешем доступе имелись такие элементы сельской инфраструктуры, как школа, магазин, медицинский пункт. Большая часть социальной инфраструктуры исчезла в начале 1990-х годов, что также привело к сокращению пеших троп внутри населенного пункта.

В середине 1990-х годов еще практиковались пешие походы в соседний населенный пункт «по коротку», т. е. не по автомобильной дороге. Сегодня часть элементов инфраструктуры, например, плотины, делающие эти походы возможными, во многих местах пришли в негодность.

Таблица 1. Дорожная и социальная инфраструктура населенных пунктов Ивановского сельского поселения Ясногорского района Тульской области, 2017 г.

Населенный пункт	Численность населения/сезонного населения (приблизительная)	Качество дорожного покрытия	Субцентр	Субцентр советского периода	Объекты социальной инфраструктуры	Дачная функция	Является периферией города	Фактор
Аргуново	2(6)	грунтовая дорога — полное бездорожье	Есуковский	совх. Жерновка	отсутствует	пассивная	Пушино	периферия
Акуловка	0	грунтовая дорога — полное бездорожье	Есуково	совх. Жерновка	отсутствует	пассивная	Пушино	периферия
Белугино	42/70	насыпная дорога	Иваново	совх. Жерновка	часовня	развивающаяся	Кашира	
Большое Хорошово	6	грунтовая дорога(сеть)	Тарасково	совх. Григорьевское	отсутствует	выраженная	Кашира	близость к Оке
Вкшневая	0	грунтовая дорога	Иваново	совх. Жерновка	отсутствует	выраженная	Кашира	

Населенный пункт	Численность населения/сезонного населения (приблизительная)	Качество дорожного покрытия	Субцентр	Субцентр советского периода	Объекты социальной инфраструктуры	Дачная функция	Является периферией города	Фактор
Восемское	21	бетонка	Иваново	совх. 17-го Партсъезда	отсутствует	выраженная	Кашира	примыкает к центру сельского поселения
Григорьевское	135	бетонка	Кашира/Тарасково	совх. Григорьевское — центр	магазин (4), часовня, сельсовет, кладбище	выраженная	Кашира	отрезано от Тульской области
Есуковский	293	бетонка	Есуково	совх. Жерновка — центр	магазин, ларьки (2), газовая подстанция, клуб, библиотека	развивающаяся	Пушино	быстро деградирующее поселение
Жерновка	12	асфальт	Прончищево	совх. Жерновка	магазин, церковь	выраженная	Пушино	находится на территории двух областей
Иваново	954	асфальт	Иваново	совх. 17-го Партсъезда — центр	школа, сад(ясли), фельдшерский пункт, аптечный киоск, магазин продуктовый (4), хозяйственный магазин (3), строительный магазин (2), магазин автозапчастей (1), газовая подстанция, церковь, клуб (библиотека), кладбище	пассивная	Кашира	центр сельского поселения
Кашино	2	грунтовая дорога — полное бездорожье	Иваново	совх. Жерновка	отсутствует	пассивная	Кашира	периферия
Княжино	0	бетонные плиты	Иваново		отсутствует	выраженная	Кашира	современный поселок
Красно-Убережное	15	грунтовая насыпь	Иваново/Тарасково	совх. Григорьевское	отсутствует	выраженная	Кашира	близость к Оке
Кучуй	0	грунтовая дорога — полное бездорожье	Тарасково	совх. Григорьевское	отсутствует	пассивная	Кашира	глушь

Г.А. Пивовар,
М.С. Савоскул
Изменение пешеходных троп в сельской местности как индикатор трансформации образа жизни сельчан

Населенный пункт	Численность населения/сезонного населения (приблизительная)	Качество дорожного покрытия	Субцентр	Субцентр советского периода	Объекты социальной инфраструктуры	Дачная функция	Является периферией города	Фактор
Кулуково	5	грунтовая дорога — полное бездорожье	Иваново	совх. Григорьевское	кладбище	пассивная	Кашира	
Макаровка	4	бетонные плиты	Иваново	совх. Жерновка	отсутствует	выраженная	Кашира	близость к Оке, отсутствие пространства для роста поселения
Подосинки	5	грунтовая дорога	Иваново	совх. Жерновка	отсутствует	пассивная	Кашира	
Подосинки лед	0	насыпная дорога (качественная)	Иваново	не существовали	отсутствует	выраженная	Кашира	
Савкино	0	грунтовая дорога — полное бездорожье	Иваново	совх. Жерновка	отсутствует	пассивная	Кашира	
Толша	3	бетонные плиты	Иваново	совх. Жерновка	отсутствует	выраженная	Кашира	
Федоровка	21	бетонные плиты	Есуковский	совх. Жерновка	кладбище	пассивная	Пушино	
Хорошовка	1	бетонные плиты (плохое состояние)	Есуковский	совх. Жерновка	отсутствует	выраженная	Пушино	
Хотаваки	9	грунтовая дорога — полное бездорожье	Есуковский	совх. Жерновка	отсутствует	пассивная	Пушино	наличие исторического наследия (монастырь, гимназия в прошлом)

Составлено Г.А. Пивовар по данным натуральных наблюдений и интервью с жителями сельского поселения

В результате поколение, для которого пешие походы в соседние населенные пункты было обыденным делом, сменилось, а их дети и внуки в большинстве случаев уже используют для этого исключительно автомобили. По нашим наблюдениям и по словам местных жителей, в настоящее время пешком между деревнями передвигаются только одинокие люди старше 70 лет и только в исключительных случаях.

Проведенное исследование показало, что в 1990-е — начале 2000-х годов произошло существенное сокращение сети

пешеходных троп в сельской местности Ясногорского района. Это наблюдается и внутри населенных пунктов, и между ними. В итоге близлежащая территория вокруг деревень оказывается практически выведена из повседневной жизни современных сельских жителей и летнего населения. Зарастают лесные и полевые тропы, которые активно использовались для сбора ягод и грибов.

Пешие маршруты сохранились только к местам летней рекреации — в случае их непосредственной близости от деревни, например, к пляжу на реке Оке в дер. Макаровка, Большое Хорошево, Краси́но, Убережное.

В результате снижается интенсивность коммуникации между жителями села, они уже не составляют единой территориальной общности, объединенной, как ранее, хозяйственной активностью, такой, например, как выпас скота.

Современное село, сменяя свою «традиционную деревенскую идентичность» на «селитебно-дачную», фактически перестало быть целостным образованием и сузилось до совокупности дворов с непрерывным автомобильным доступом. Такой образ жизни уже более напоминает образ жизни горожан, чем сельских жителей.

Библиография

- Алексеев А.И. (1990). Многоликая деревня. М.: Мысль.
- Вдали от городов (2012). Жизнь постсоветской деревни / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя.
- Вагнер Е.А. (2012). Процессы урбанизации и развитие пешеходных коммуникаций (на примере формирования городов Центральной Европы, России и планировочных зон г. Красноярск) // Архитектон: известия вузов. № 38. С. 5–18.
- Вихрёв О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. (2016). Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. М.: издательство Моск. ун-та. № 2. С. 30–37.
- Уйти, чтобы вернуться (2009): социолог в поле / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя.
- Голоса крестьян (1996). Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обраб. Е.М. Ковалев. М.: Аспект-Пресс.
- Нефедова Т.Г. (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство.
- Нефедова Т.Г., Пэллот Д. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство.
- Русские народные песни (1957). Вступ. статья, сост. и примеч. А.М. Новиковой. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Семенова-Тян-Шанская О.П. (2010). Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М.: Ломоносов.
- Федулов С.В. (1987). Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты). Дис... канд. геогр. наук (11.02.02). М.: МГУ.
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. (2009). Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя.

Changes of footpaths in rural areas as an indicator of the rural lifestyle transformations⁴

Galina A. Pivovarov, Manager of Educational Programs, Moscow School of Management Skolkovo. Novaya St., 100, Skolkovo, Odintsovsky District, Moscow Region, 43025. E-mail: pivovarov.gal@gmail.com

Maria S. Savoskul, DSc (Geography), Head of the Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninsky Gori, 1, GSP-1, Moscow, 119991. E-mail: savoskul@yandex.ru.

The article presents the results of the field study in the Ivankovsky rural settlement of the Yasnogorsk District in the Tula Region. The case study proves the changes of footpaths in rural areas, which can serve as an indicator of the transformations of the rural lifestyle and an indicator of the transformations of the rural areas functions. The study is an example of the micro-geographical-social approach that is not popular in the Russian geography. It is based on in-depth interviews with permanent and summer residents in rural settlements. In-depth interviews were also conducted with representatives of the administration of the Yasnogorsk District and Ivankovsky rural settlement. Rural roads (footpaths) are indicators of the changes in economic activities of rural residents. Due to the increasing motorization of rural areas, footpaths become an outdated way to connect rural areas. Rural footpaths respond very quickly to changes in the economic landscape — respectively, they grow or disappear. Moreover, the growth of the road network indicates the emergence of new forms of rural activities as new residents move to rural areas and use rural territories differently, i.e. change the types of use of rural areas.

Keywords: Russian rural areas, walking (pedestrian) paths (footpaths), lifestyle transformations

References

- Alekseev A.I. (1990) *Mnogolikaya derevnya* [Many-Faced Village], Moscow: Mysl.
- Bogdanova E., Brednikova O. (Eds.) (2012) *Vdali ot gorodov. Zhizn postsovetskoj derevni* [Away from Cities. Life of the Post-Soviet Village], Saint-Petersburg: Aleteya.
- Fedulov S.V. (1987) *Geograficheskoe izuchenie obraza zhizni (metodologicheskie i metodicheskie aspekty)* [Geographical study of the lifestyle (methodological and technical aspects)]. PhD Thesis. Moscow: MGU.
- Kovalev E.M. (Comp.) (1996) *Golosa krestyan: Selskaya Rossiya XX veka v krestyanskij memuarah* [Voices of Peasants: Rural Russia of the 20th Century in Peasant Memoirs], Moscow: Aspekt-Press.
- Nefedova T.G. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputie: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads. Geographical Essays], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T.G., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe hozyajstvo, ili Zachem nuzhna korova?* [Unknown Agriculture, or Why is a Cow Needed?], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Russkie narodnye pesni* [Russian National Songs] (1957) Vstup. statiya, sost. i primech. A.M. Novikovej, Moscow: GIKhL.
- Semenova-Tyan-Shanskaya O.P. *Zhizn "Ivana". Ocherki iz byta krestyan odnoj iz chernozemnyh gubernij* (2010) [Life of "Ivan". Essays on the Life of Peasants in One of the Black-Earth Provinces], Moscow: Lomonosov.

4. The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Projects No 18-011-00725 and 18-05-00394.

- Shteinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Kachestvennye metody. Polevye sociologicheskie issledovaniya* [Qualitative Methods. Field Sociological Studies], Saint-Petersburg: Aletejya.
- Vagner E.A. (2012) *Protsessy urbanizatsii i razvitie peshekhodnyh kommunikatsij (na primere formirovaniya gorodov Tsentralnoj Evropy, Rossii i planirovochnyh zon g. Krasnoyarska)* [Processes of urbanization and development of pedestrian communications (on the example of the cities of Central Europe, Russia and planning zones of Krasnoyarsk)]. *Arhitekton: Izvestiya VUZov*, no 38, pp. 5-18.
- Vikhryov O.V., Tkachenko A.A., Fomkina A.A. (2016) *Sistemy selskogo rasseleniya i ikh tsentry (na primere Tverskoj oblasti)* [Rural settlement systems and their centers (on the example of the Tver Region)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 30-37.
- Voronkova V., Chikadze E. (Eds.) (2009) *Ujti, chtoby vernutsya: sociolog v pole* [Leave to Return: Sociologists in the Field], Saint-Petersburg: Aletejya.

«В совместных сравнительных исследованиях мы еще многому научимся друг у друга»¹

С. Шнайдер, А.М. Никулин

Сержио Шнайдер, доктор социологии, профессор Федерального университета Рио Гранде-де-Сул. Просп. Пауло Гама, 110, Порту Алегри, Бразилия, 90040-060. E-mail: schneide@ufrgs.br

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Сержио Шнайдер — ведущий бразильский социолог в области социологии сельского развития, профессор Федерального университета Рио Гранде-де-Сул, в автобиографическом интервью рассказывает о своем становлении как ученого, размышляет о драматических изменениях в жизни сельских и городских сообществ в Бразилии конца XX — начала XXI века. Особое место в интервью занимает описание возникновения и развития сельской социологии в Бразилии, процессов ее институализации, характеристики различных бразильских ученых-обществоведов, определивших пути развития сельской социологии, многие из которых были учителями Сержио Шнайдера.

Развитие сельской социологии в Бразилии рассматривается в связи с влиянием на нее немецкой, французской, американской и английской историко-социологических традиций изучения аграрного вопроса и взаимодействия города и села. Важное внимание в интервью уделяется значению интеллектуального наследия А.В. Чаянова как на формирование мировоззрения самого Сержио Шнайдера, так и на бразильских сельских социологов.

Автор интервью подчеркивает огромное значение личной активистской жизненной позиции, которая всегда помогала ему в поисках взаимодействия между политикой и наукой. В заключение Шнайдер ставит вопрос о развитии компаративистских сельско-городских исследований между Бразилией, Россией и Китаем, в которых он в настоящее время принимает самое непосредственное участие.

Ключевые слова: Бразилия, социология, регионы, крестьянство, университетская наука, сельское развитие, марксизм, Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-167-185

-
1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

А.М. НИКУЛИН: Сержио, пожалуйста, охарактеризуйте основные этапы и вехи Вашей интеллектуальной биографии, начав свой рассказ с истории Вашей семьи и Вашего детства.

С. ШНАЙДЕР: Итак, меня зовут Сержио Шнайдер, я из семьи фермеров. Фамилия матери — Беккер, фамилия отца — Шнайдер. Мои отец и мать оба из семей мелких фермеров старинной колонии немец-иммигрантов юга Бразилии в Риу-Гранди-ду-Сул. Мои прабабушки и прадедушки прибыли в Бразилию в 1827 году.

А.М. НИКУЛИН: Вы так точно все это знаете?

С. ШНАЙДЕР: Да, я точно это знаю, потому что как-то работал над статьей о 150-летней иммиграции в Бразилию, изучал записи о прибытии иммигрантов в наш муниципалитет, где до сих пор существует список имен людей, прибывших из Германии. Эти немцы прибыли в 1827 году в Бразилию, но покинули Германию за несколько лет до этого. Дело в том, что они пострадали от сильного шторма в проливе Ла-Манш. Когда они выехали из Гамбурга, намереваясь прибыть в Рио-де-Жанейро, на море начался сильный шторм. Даже капитан покинул корабль, но все же их спасли, и им пришлось провести два-три года в городе Плимут в Англии. Только через несколько лет у людей появилась возможность вернуться в Германию, но они отказались. Они наняли другого капитана, который наконец доставил всю эту группу немецких иммигрантов в Бразилию. 29 сентября в день Архангела Михаила они сошли на бразильский берег — до сих пор этот день является главным праздником в моем родном городе. Сегодня он называется Dois Irmãos — Дойз-Ирманз, но вначале носил имя Baumschneitz, поскольку фамилия первой немецкой семьи, колонизировавшей это место, была Баум, а «шнайтц» по-немецки означает небольшой вход в джунгли.

А теперь позвольте рассказать о моей семье. Итак, моя семья — из Шнайдеров и Беккеров. У меня есть еще три брата, и я старший сын.

А.М. НИКУЛИН: Итак, вас четыре брата.

С. ШНАЙДЕР: Да, и я самый старший. У моей мамы не было ни братьев, ни сестер, она в семье была единственным ребенком, и это немаловажно для моей жизни, ибо я в детстве часто жил у бабушки и дедушки по материнской линии — в семье Беккер. И хотя моя фамилия Шнайдер, люди в моей деревне по привычке признают во мне внука Беккеров.

В детстве дома мы всегда говорили на немецком диалекте хунсрюк. Регион, откуда мы родом, регион Хунсрюк в Германии, между реками Мозель и Рейном, на границе между Германией и Францией в Эльзасе. Столица Хунсрюка — город Трир, родина Карла Маркса. Впрочем, на своей исторической родине в Трире я до сих пор еще так и не побывал.

В детстве мы жили на маленькой ферме. В самом деле, это была небольшая ферма, но мой дедушка Бакер Эдмундо был очень мудрым крестьянином. Он был вторым младшим сыном из четырех сыновей своей семьи, а в те времена семьи были очень большими,

около 10 детей. Так вот, мой дедушка, любивший заниматься ремеслом, продавая продукты своего ремесленного труда, прикупал на вырученные деньги побольше земли. Таким образом он унаследовал не только участок земли моего прадеда, но увеличил его размеры почти вдвое (напомню, что 24 га, это стандартный размер семейного земельного надела, который иммигранты получали при колонизации этого бразильского края с начала XIX века). Таким образом, я вырос в семье, у которой было 45 гектаров земли. Мы на нашей ферме выращивали всего понемногу, да еще занимались молоком — у нас всегда было около 20–25 коров, а также свиньи, курицы, утки, кролики. Наши основные продукты для продажи на рынке, кроме молока, — лук, картофель, маниока. Немного мы продавали и свинины. В общем, это была такая мелкотоварная ферма. Жили мы в небольшом сообществе под названием *Picada dos Nabos* между двумя муниципалитетами, один — город Дуйс-Ирман, а другой — Сапиранга, в каждом сообществе было около 25–30 семей. Позже, когда я учился в университете и прочитал работы Шанина и Чайнова, я обнаружил, что, оказывается, мое детство прошло в типичном крестьянском сообществе.

Родился я в 1968 году, и в годы моего раннего детства в нашей сельской общине не было даже электричества, оно появилось только в 1975 году. А ведь мы жили в нескольких десятках километрах от Порто-Алегри, столицы целого штата, и у нас еще не было электричества! И я хорошо помню те времена, когда каждый фермер забивал животных, особенно крупный рогатый скот и свиней, и тут же производил из этого мяса колбасу и даже жареное мясо, потому что ведь у нас не было возможности хранить столько мяса без электричества — без электрохолодильников. Это традиционно приготовленное прожаренное мясо, сохранявшееся в жире, было чрезвычайно вкусным.

Но знаете, нельзя быстро пожарить 200 кг мяса. А значит, фермеры обычно дожидаются времени, чтобы убить животное и разделить куски этого мяса с соседями, а соседи, когда придет черед убивать своих животных, возвращают мясо тем, кто уже одаривал их своим мясом. Так что мы здесь видим любопытную систему взаимобменов между членами сельского сообщества, причем не только продуктами, но и трудом. Я хорошо помню, как иногда отец говорил мне: «Эй, Сержио, сегодня ты должен работать у нашего соседа. Вы должны вместе сделать там такую-то работу».

Я вырос в таком сообществе, где все друг с другом знакомы, все друг другу известны. Позже, когда я изучал систему сельского мира в России, и особенно книгу Анри Мендра о том, что такое коллективизм крестьян в небольшой крестьянской общине во Франции, мне было легко понять эти сельские особенности, потому что я вырос в семье среди подобного сообщества.

Также мне была ясна, исходя из моего личного опыта, логика чайновской теории демографической дифференциации крестьян-

ских семей. Я в своей собственной жизни прошел все эти возрастные этапы семейного крестьянского труда. А уж когда мне исполнилось 14–15 лет, я почти наравне с взрослыми работал на ферме, управляясь с волами, занимаясь вспашкой и другими видами работ, где действительно нужна физическая сила. При этом я хорошо помню, что мои отец и дед всегда оказывали на меня большое влияние, постоянно твердя: ты должен быть ответственным в своем труде.

А.М. НИКУЛИН: Но эта тема ответственности в труде, возможно, была связана и с Вашим традиционным религиозным воспитанием?

С. ШНАЙДЕР: Да, кстати, у меня и католическая, и протестантская семья одновременно. Мой отец был протестантом, а мать — католичкой. Я получил образование в католической религии, но с сильной связью с протестантизмом. Хотя в местности, где я родился, католикам и протестантам не пристало связываться узами брака друг с другом. Но в моем случае, когда одна моя прабабушка умерла во время родов, дед-протестант снова женился на католичке. И кстати, тогда же перешел из протестантизма в католицизм.

Я учился в школе и каждый день ходил пешком от фермы до школы 5,5 километра в одну сторону, что означает 11 километров туда и обратно. Я должен был просыпаться очень рано утром, поскольку занятия всегда начинались утром, зимой в нашем регионе бывает холодно, так что я всегда вспоминаю об этом холоде, когда представляю свои школьные годы. Я учился в частной католической школе, где вообще не разрешалось пропускать занятия, иначе оставят на второй год, не дадут сдавать экзамены, это все было очень серьезно. Позже, когда я прочитал Макса Вебера, я лучше понял, какая рациональность сложилась во мне из моего образования и воспитания, как все это выстраивается в уме, все то, что Бурдьё называет габитусом. Все это сформировалось в моей голове, в моей личности человека, который родился в немецкой семье, получил образование в небольшом католическом сообществе. И все это до сих пор оказывает на меня большое влияние.

Тем временем в начале 1990-х годов мое сельское сообщество начало сталкиваться с кризисом. Я позже описал этот феномен в моей магистерской диссертации. Кризис случился именно потому, что фермеры использовали систему аграрного производства, основанную на определенных севооборотах. На нашей семейной ферме мы так же чередовали посевы, давая земле отдыхать, и это привело к тому, что очень скоро фермерам стало не хватать земли.

Но главная причина состояла все-таки в том, что в начале 1980-х годов вся бразильская экономика входила в глубокий кризис. В то время мы все еще находились под властью диктаторского режима, и экономика просто начала сходить с ума, особенно в условиях гиперинфляции и нестабильности. Цены на продукты питания в начале 1970-х годов были стабильными, в особенности на кар-

тофель и лук. Но начиная с 1982–1984 годов эти цены стали совершенно сумасшедшими и резко пошли вниз. Моя семья, особенно когда стали подрастать мои братья, больше не могла позволить платить за образование детей в школе, а в 1983 году мой отец был вынужден покинуть ферму ради работы в городе. Тогда я был вынужден взять на себя своего рода руководство хозяйством, потому что мой дедушка уже был стариком, — мне пришлось очень тяжело трудиться с 1983 по 1985 год на ферме. В 1985 году мой отец снова вернулся на ферму, а там я уже закончил школу и мне хотелось продолжить учебу дальше. Мой дедушка предложил мне стать священником, потому что в это время я уже мог пропускать работу на ферме, я хорошо учился, и, кроме того, у меня обнаружился талант «оратора-проповедника». Дедушка спросил: «Сержио, почему бы тебе не пойти по пути религиозной жизни и стать священником?»

Имейте в виду, что для крестьянской семьи на юге Бразилии в то время было очень престижно иметь кого-то из членов семьи в качестве священника. Но все же это был не мой путь. И я попросил разрешения у моего отца на продолжение учебы. Он мне ответил: «Ну хорошо, но тогда ты должен дальше всего добиваться сам, потому что я больше не могу тебя поддерживать, у меня нет на это денег, теперь ты должен содержать себя сам».

А.М. НИКУЛИН: И как Вы восприняли этот ответ?

С. ШНАЙДЕР: Было мне тогда 15 лет, и я был просто шокирован этим заявлением моего отца. Куда я должен идти один за образованием в 15 лет? Тогда я решил покинуть ферму и уехать в город. Я нанялся на работу в компанию, где были места для проживания сотрудников в одном общем доме на 40 человек и где душевые кабины были на улице. Я был одним из самых молодых среди всей этой группы рабочих. Я работал днем и учился по вечерам: работал с 7 утра до 11.30, а потом с 13.00 до 17.30, а вечерние занятия шли с 19.00 до 23.30. Я прошел через все это. На самом деле, я должен сказать, что это было чрезвычайно важно для моей дальнейшей судьбы и карьеры.

Даже когда я еще учился в базовой школе, у меня уже были некоторые опыты участия в политической жизни, я был активистом. Два раза я избирался президентом союза учащихся при школе. Я побеждал на выборах, мне было приятно выступать в качестве лидера. Мне удавалось вызывать интерес у окружающих, истолковывая высказывания таких крупных философов, как Руссо, или таких политиков, как Ганди, а также различных поэтов. В то время мы обязаны были вести школьный дневник, в нем нам каждый день давали какую-нибудь цитату для интерпретации. Перед началом занятий учитель спрашивал: кто и как понимает это предложение? Я помню, что некоторые мысли Руссо, Локка западали мне в душу и я радовался, что у меня есть стремление размышлять над ними. Я был довольно хорош в публичных выступлениях,

*С. Шнайдер,
А.М. Никулин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

что делало меня своего рода лидером в моей группе в старшей школе. Одновременно, покинув дом своей семьи, я стал жить отдельно, как взрослые работники. Надо сказать, что в очень раннем возрасте я стал взрослым молодым человеком. Тем временем в 1984 году Бразилия начала переход от диктатуры к демократии. Тогдашняя политическая атмосфера очень повлияла на меня.

А.М. НИКУЛИН: Интересно, почти одновременно с СССР у вас началась своя перестройка?!

С. ШНАЙДЕР: Да, пожалуй, так, если бы мы попытались сравнить СССР и Бразилию. Наше правительство тогда демилитаризовалось, оно неумолимо становилось все слабее и слабее. После падения диктатуры наш национальный парламент выбирает нового президента Хосе Сарни.

В экономическом и политическом плане кризисные времена, с которыми столкнулась Бразилия, повлияли на нашу повседневную жизнь, и все, кто имел склонность к политическому мышлению, были вовлечены в политику. В это же время я стал участником движения теологии освобождения. Именно под влиянием общения с представителями теологии освобождения я юношей участвовал в некоторых акциях протеста, одновременно все больше и больше увлекаясь марксистской литературой. Обычные люди тогда узнали о пытках и других преступных вещах, которые скрывались от общественности в годы правления диктатуры. Конечно, все это особенно бурно обсуждалось в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, в больших городах Бразилии.

А.М. НИКУЛИН: Это также обсуждалось и в вашем городке?

С. ШНАЙДЕР: Не в такой степени. В небольших городах более недоверчиво относятся к радикальным политическим новостям.

Но в моем родном городе в середине 1980-х годов стремительно ускорился еще один социальный процесс, который способствовал важным социальным изменениям в сельской жизни. Это процесс индустриализации и урбанизации. В регионе Вале-дус-Синос, где я жил, вплоть до 1980-х годов экономика полностью зависела от сельского хозяйства и производства продуктов питания, а с 1980-х годов и особенно в 1990-е начинается процесс индустриализации. Это было очень важно для меня. Я хорошо помню, когда читал книгу Энгельса о положении рабочего класса в Англии, то находил в ней много параллелей с окружавшей меня тогда действительностью. Тогда и в нашем регионе стремительно развивается обувная промышленность, рекрутируя на свои предприятия рабочих из сельской местности, и затем даже привлекая множество мигрантов из-за пределов нашего региона. Происходит очень быстрая урбанизация. Например, за 15 лет количество жителей в моем городе Дойз-Ирманз возросло с 5000–6000 жителей до 15 000–20 000. Были созданы новые муниципалитеты, их создание сопровождалось потоком социальных изменений. Именно благодаря таким отношениям между городом и деревней большинство мелких фермеров, подобных моей семье, моим

родственникам и друзьям, оставили сельское хозяйство, перебравшись в города. В нашей семье сначала ушел с фермы в город в 1983 году отец, потом я, а затем мои братья, один за другим, — все мы покинули сельскую жизнь, сельское хозяйство и остались жить в городе, работая на предприятиях обувной промышленности. Все эти социальные процессы переосмысливались в моей голове, они были важны для меня и как магистра социологии, и для формирования моих политических взглядов. Так, в 1985 году из Дойз-Ирманз я отправился в Порту-Алегри в университет, чтобы изучать социологию.

А.М. НИКУЛИН: Почему именно социологию?

С. ШНАЙДЕР: Это интересный вопрос. Вы знаете, я был политическим лидером в молодежных союзах и подумывал о карьере политика. Но когда я представил себя среди заматерелых политиков, я сказал себе: нет, я не хочу быть похожим на этих парней! Я лучше пойду изучать политику, при этом, может быть, я тогда стану и лучше их. Это было довольно идеалистично, но, безусловно, это была важная часть моего решения.

Возможно, надо упомянуть и другую причину, приведшую меня в социологию. Она заключалась в моем увлечении теологией освобождения: в 1984 году я стал участником католической молодежной организации. Именно тогда я определенно решил поехать в Порту-Алегри, чтобы поступить в государственный университет на факультет социологии, обучение на котором было бесплатным. Я закончил бакалавриат в области социальных наук, а во время учебы посещал курсы по антропологии, социологии, политологии.

А.М. НИКУЛИН: В каком возрасте Вы стали учиться в университете?

С. ШНАЙДЕР: Мне было тогда 18–19 лет, я еще выходил на работу с некоторыми моими родственниками. Должен сказать, я был хорошим работником и очень быстро продвигался по карьерной лестнице, получал очень приличную зарплату и занимал хорошую должность. Кстати, эта обувная компания жива до сих пор, сейчас она самая большая в Дойз-Ирманз.

Но с 1985 года в университете началась новая фаза моей жизни. Отмечу, что в 1986 году у нас в Бразилии были первые с 1964 года прямые выборы. Мы избрали Танкреду Невеса первым президентом Бразилии после диктатуры, но он умер до того, как пришел к власти. В этой связи следует также вспомнить 1988 год, когда в Бразилии была принята новая конституция, которая действует и со сих пор. Я очень активно участвовал в процессе ее обсуждения в Дойз-Ирманз, где мы создали группу из 10 или 15 молодых парней и проводили встречи каждую субботу, где зачитывали тексты, документы с целью расширить дискуссии. На самом деле это была своеобразная исследовательская группа, но в то время мы выступали скорее в качестве политической партии. А Рабочая партия в Бразилии была социалистической, партией Лулы. Лúла да Сílва был в то время уже известным лидером. Его известность началась

в 1979–1981 годах во время больших забастовок в Сан-Паулу. Все знали о Луле, но он не был парнем, который нравился всем, потому что казался символом красной коммунистической угрозы. Наша группа была тесно связана с Рабочей партией того времени, я первым из нашей группы вступил в нее. Это было в 1986 году.

Но одновременно в университете я все еще был католическим, левокатолическим прогрессивным молодым активистом, борющимся за идеи теологии освобождения. Правда, вскоре я порвал с религией, под влиянием философии Платона. Я хорошо помню, и это всегда то, что я всем говорю, что знаменитый миф о пещере Платона изменил всю мою жизнь... интерпретация этого мифа очень важна для меня. После этого я по-другому стал воспринимать реальность, увлекся марксизмом, ставшим таким важным для меня.

В первом университетском семестре произошло мое знакомство с социологией и философией, на занятиях по темам морали и справедливости. Кроме того, в наших университетах есть обязательный курс «Бразильские социальные проблемы». В то время я еще совмещал работу и учебу, работал на некоторых из моих родственников, благодаря чему мог платить арендную плату за жилье. Тогда экономическая ситуация была очень сложной, просто сумасшедшей, и я снимал квартиру еще с двумя университетскими парнями.

А.М. НИКУЛИН: Итак, у Вас с юности был богатый социальный опыт?

С. ШНАЙДЕР: Да... Когда я сравниваю себя сегодня со своими студентами, я вижу много различий. Им иногда 22–23 года, но они все еще такие незрелые, у них мало жизненного опыта, они не представляют, насколько тяжелой может быть жизнь.

Итак, если религиозную веру я потерял в первом семестре благодаря Платону, то свои наивные политические верования я утратил благодаря статистике. Во втором семестре я прошел курс статистики, и мой преподаватель по ней оказался очень хорош (лишь позже я осознал, насколько это было важно для моей карьеры). Моим учителем была Джандира Фахель, чей отец также был сельским социологом. Она учила нас, как использовать прикладную статистику в социальных науках, и подарила мне множество идей, как научиться социологии, поскольку до этого момента мое понимание социологии было весьма примитивным. Как и многие, я тогда считал, что социология — «служанка политики», обучающая людей разбираться в идеологиях, что социология — это просто тренинг для политиков. Курс статистики полностью перестроил мои представления. Я осознал, что социология — это действительно наука, способная интерпретировать и анализировать самые разнообразные социальные явления. А затем сразу же после этого курса статистики я сделал небольшой исследовательский проект о социальном развитии в моем городе Дойз-Ирманз, о трансформации сельской местности в городскую. И я при этом применял статистику в моем родном регионе, в моем родном городе! Именно так!

Тема моего проекта находилась под влиянием идей Э. Хобсбаума и знаменитой книги Е.П. Томпсона «Формирование английского рабочего класса». В то же время я встретил Зандера Наварро, профессора, который позже стал моим научным руководителем. Он был главным сельским социологом в нашем университете, и только что вернулся из Англии с докторской степенью Университета Сассекса. Он считал себя учеником марксиста Иштвана Месароша, автора книги об онтологии социального бытия и развивал идеи Георга Лукача. Так я записался на курс Зандера Наварро, который обучал меня пониманию процессов модернизации сельского хозяйства, миграции, социальной дифференциации. После его курса я сказал: ха-ха, вот теперь-то я многое понимаю! Теперь я ясно мог видеть вещи, о которых он говорил как о социальных процессах теоретически. Все это имело отношение к моей собственной жизни. Например, я хотел понять, что такое рабочий класс. И во время моих штудий мне становится ясно, что рабочий класс — это не та однородная группа людей, которые объединяются в отрасли, а за этим понятием стоят самые разные мужчины и женщины.

А.М. НИКУЛИН: То есть это отнюдь не однородно дисциплинированная армия ленинских «батальонов пролетариата»?

С. ШНАЙДЕР: Да. И тогда я обнаружил, что на самом деле понимание бразильским марксизмом рабочего класса было чем-то очень однолинейным, очень радикальным. С этого момента начинаются мои размышления о радикальном марксизме.

А.М. НИКУЛИН: А как насчет Вашего политического активизма в это время?

С. ШНАЙДЕР: Я отказался от своей политической карьеры, хотя все еще был частью студенческого союза. Но моим главным «активистским достижением» в то время стала поддержка моего брата. Мой брат в Дойз-Ирманз организовал группу людей, выступившую против лидера, который был у власти в профсоюзе работников пищевой промышленности. И мы сделали это! Мы выиграли выборы. И это во многом благодаря активистскому марксизму. В то время наши марксисты размышляли над всем, что касается Интернационала и Троцкого. И тогда важным автором для меня оказался Грамши, его идеи о гегемонии. Я сказал себе: «Идеи Грамши можно использовать, например, чтобы изменить профсоюз в моем городе». Я попытался объяснить это моему брату и группе единомышленников: «Эй, ребята, почему бы не организовать нам для следующих выборов и не побороться с этими парнями — их профсоюз просто обслуживает интересы большой элиты, старается для буржуазии. Давайте мы создадим союз, который действительно связан с рабочим классом». Итак, мой брат побеждает. А потом я начинаю вовлекать в нашу организацию других людей, и это становится массовым движением с точки зрения организации местного рабочего класса. В то время мы верили, что изменим Бразилию. И все больше и больше становилось значимым в Брази-

*С. Шнайдер,
А.М. Никулин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

лии имя Лулу. Я бы сказал, что пиком его популярности стали выборы 1989 года после принятия конституции. Лулу тогда впервые баллотировался на пост президента. Он был настоящим вожаком профсоюза: бородатый, просто одетый, говорящий жестко и прямо. Это были очень интересные выборы, и мы были рады поддержать Лулу в то время. Я даже был арестован из-за нашей политической активности, именно в 1989 году, ровно за год до окончания учебы.

Но в то же время я был твердо привержен поискам научного объяснения происходящего. И не для того, чтобы тупо повторять социальные гимны про классы и революции. Я подготовил проект по изучению рабочего класса в Дойз-Ирманз, который получил поддержку, а Зандер Наварро стал моим научным руководителем. Это была большая удача: студенту в университете было тогда очень трудно получить стипендию для научной деятельности, а я ее получил, и она была больше, чем три минимальных зарплаты. Мне тогда казалось, что я живу как король, ведь я смог накопить кучу книг для своей библиотеки. Да, у меня появились деньги, и я был свободен: еще без семьи и серьезных отношений с подругами, так что я все свое время я посвящал науке и политике, удачно сочетая научную карьеру с политической активностью. Тогда же я и прочитал книгу Шанина «Крестьяне и крестьянские общества» из библиотеки профессора Зандера. У него был большой кабинет с огромным количеством книг. Поскольку он защитил докторскую степень в Лондоне, он получал оттуда всю свежую литературу об исследованиях крестьян и был в курсе актуальных дискуссий. Однажды он сказал мне: «Сержио, если ты действительно хочешь стать настоящим ученым, ты должен знать английский». Он стал одалживать мне книги на английском, я их читал и по ним же изучил английский язык. Так, кроме книги Шанина он подарил мне книгу Нормана Лонга «Введение в социологию сельского развития». Это две работы — основополагающие, классические в нашей области исследований. В хрестоматии Шанина я обнаружил очень интересный фрагмент текста, написанный ученым по имени Франклин. Несколько позже я нашел саму книгу, написанную на основе глубоко фундаментальной диссертации о небольшом сельском сообществе в Германии, с описанием того, как эти немцы-крестьяне начинают работать в промышленности, потому что промышленность притягивает к себе рабочую силу. А ведь то же самое происходило в моем регионе, где обувная индустрия начала привлекать в промышленность детей крестьян. Эти процессы в значительной степени меняют смысл жизни всей сельской общины, в которой фактически разрушаются взаимопомощь и солидарность. Ну это примерно так же, как идеи Дюркгейма о социальном разделении труда, переход от механической солидарности к органической солидарности. С тех пор я всегда в лекции о том, что такое социология, рассказываю, как социальное разделение труда ведет к тому, что общество становится более индивидуализированным, жизнь становится

более организованной благодаря новым социальным институтам, а не местному образу мышления или отношениям между королями. Когда прибавочная стоимость становится нормой, начинается «нормальная» капиталистическая жизнь — коммодификация общества. И этот кусочек из Франклина о сельско-городских трудящихся-работниках стал для меня ниточкой, за которую я потянул для прояснения предмета моей магистерской диссертации, а впоследствии и моей докторской диссертации.

В ленинской теории, да и в ортодоксальной марксистской теории у вас не может быть сельско-городских работников. Там только или рабочие, или крестьяне. Не существует взаимопереходов от одного к другому. Но я-то видел иное в моем родном регионе, а Франклин увидел это в Германии: не существует чистого рабочего класса.

Позже я прочитал книгу, которая так же сильно на меня повлияла: это работа британского марксиста Е.П. Томпсона, где изложена идея протоиндустриализации. В классической марксистской литературе описывается сначала процесс первоначального накопления, а уже за ним — индустриализация. Однако в Великобритании среди историков идет дискуссия о том, что Маркс недостаточно учел одну из тенденций этого процесса. Идеи Томпсона в определенной степени развил Максин Берг в своей книге, которая так и называется «Протоиндустриализация». Он исследовал что-то вроде небольших производств в Бельгии, Фландрии, Великобритании, в Северной Европе, в период, когда там начиналась индустриализация. И ему удалось великолепно показать нюансы взаимоотношений между производственной и сельской деятельностью. Он доказал, что в период протоиндустриализации в Европе была огромная масса людей, которые уже не крестьяне, но все еще трудятся и на селе. Они и не рабочие и не крестьяне, они и рабочие и крестьяне?! Вот подобного рода литература оказала на меня влияние.

А.М. НИКУЛИН: Итак, тут речь идет не просто о каком-то сельско-городском континууме, а о некотором рабоче-крестьянском континууме или что-то в этом роде?

С. ШНАЙДЕР: Именно так. И я штудировал эти дискуссии о соотношении «орабоченности» и «раскрестьянности» в процессах индустриализации. По результатам моего исследовательского проекта меня приняли в университет Кампинас, Сан-Паулу. Я стремился туда попасть, поскольку это был самый известный бразильский марксистский университет, например, в нем работал наш знаменитый марксистский политэконом Грациано да Силва, впоследствии возглавивший ФАО.

Итак, в 1990 году в Сан-Паулу я начал работать над магистерской диссертацией. Это было замечательное время. Моими учителями в социологии стали крупнейшие бразильские социологи Отавио Янни и Флорестан Фернандес. В 1960-х годах они были в изгнании, их выслали тогда из Бразилии. Флорестан Фернандес был в свое время научным руководителем Фернандо Энрике Кардосо,

*С. Шнайдер,
А.М. Никулин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

да и многих других впоследствии крупных профессоров Университета Сан-Паулу, и я был его учеником, и во многом использую тот способ мышления, которому он нас обучал. К сожалению, Флорестан Фернандес и его коллеги в значительной степени не смогли полностью реализовать свои замыслы по политическим причинам. Их традиции, их школа в социологии Сан-Паулу, конечно, сильна, но они очень мало публикуются на английском языке. Самый известный из них — Фернандо Энрике Кардозо, выдвинувший свою версию теории зависимости.

А в целом я бы сказал, что бразильская социология действительно хороша, и одна из причин заключается в том, что она получила в разное время «прививки» социологического образования в традициях большой французской школы, а также немного американской и немного немецкой.

Ведь у нас здесь, в Бразилии, были Леви-Стросс, Ролан Барт, Эмиль Уильямс. У нас в Сан-Паулу преподавали многие европейские и американские историки, социологи, антропологи. Конечно, самый знаменитый из них Леви-Стросс. И я бы сказал, что получил доступ к интеллектуальным идеям этих ученых через моих профессоров Отавио Янни и Ренато Ортиса.

Там же, в Сан-Паулу, я познакомился с группой аграрных социологов, а именно: Грациано да Силва, Сержио Силва, а также Мария Назаре Вандерли. В Порту-Алегри у меня были профессиональные контакты с Зандером Наварро, находившимся в то время под сильным влиянием Теодора Шанина. Во время моего обучения в магистратуре я изучал марксизм-ленинизм, прежде всего благодаря Грациано (ох, он всегда был стойким ленинцем). Наконец, самый знаменитый сельский социолог Бразилии, которого больше всего уважают, это Хосе де Соуза Мартинс, также из Университета Сан-Паулу. Под его руководством работала исследовательская группа, издавшая более 25 книг по сельской социологии в Бразилии. Почти каждый год Хосе де Соуза Мартинс выпускает собственную новую книгу, по которой в наших университетах проходят широкие дискуссии.

А.М. НИКУЛИН: А как происходило ваше знакомство с российской аграрной мыслью? Вы сейчас уже являетесь ответственным редактором пары чаяновских монографий, переведенных на португальский язык и подготовленных для публикации в Бразилии.

С. ШНАЙДЕР: Вот здесь и позвольте мне немного рассказать о том, как Чайнов вошел в мою жизнь. Знаете, Теодор Шанин посетил Порту-Алегри первый раз в 1985 году, у нас к тому времени в Порту-Алегри уже была магистерская программа по сельской социологии, которой занимались профессор Зандер Наварро и его коллеги. В настоящее время все они на пенсии, все это люди теперь старше 70 лет, но большинство из них были именно моими профессорами в то время. Я лично присутствовал на выступлении Шанина у нас в Бразилии в 1989 году.

А до того впервые имя Чаянова я услышал от моего профессора Аниты Брюмер, которая также была отличным знатоком сельской социологии (она из Израиля, получила докторскую степень в Тель-Авивском университете, где и занималась чаяновской теорией). В моей жизни именно она прочла первую лекцию по теории Чаянова.

Первая статья, которую я прочитал у Чаянова, была «К вопросу теории некапиталистических систем». Как же меня тогда поразило Чаянов! Оказывается, возможно помыслить себе существование различных систем организации труда. Система при капитализме заключается в специфических экономических категориях, связанных с куплей-продажей рабочей силы. Но могут быть и другие экономические системы. Тогда я себе сказал: «Эй, парень, смотри! Это именно то, среди чего ты жил и работал в Дойз-Ирманз, — это окружавшее тебя параллельное сосуществование различных экономических систем». Да, тот чаяновский текст был для меня откровением. И мне также было приятно видеть, как в лекции Шанина в Порту-Алегри в 1989 году удачно развивались и применялись к современности чаяновские идеи. Именно после прочтения Чаянова я задался вопросом: каким же сельским социологом я хочу быть? Каков на самом деле мой путь в сельскую социологию? Тогда в начале 1990-х я решил: надо как следует изучать и Ленина, и Чаянова одновременно.

Я перестал читать литературу по тогда входившим в моду темам, посвященным всяческим символическим вопросам, обсуждению идентичности, например, и так далее. Я немного сторонился расплывчатости и неопределенности этих тем. И тогда я сказал себе: нет, я продолжу изучение дискуссий о социальных изменениях между сельским и городским населением, о рынках труда, а также о том, как в конечном итоге формируется социальный класс. Я пошел в библиотеку, взял книгу Ленина «Развитие капитализма в России», читал ее главу за главой, делая очень тщательные выписки. Я был так увлечен Лениным, что мог обсуждать его тексты до каждой запятой. Но одновременно я работал и над чаяновской книгой о теории крестьянского хозяйства. Казалось, что это теория совершенно противоположна ленинскому подходу. Именно маневрируя между этими двумя теоретическими подходами я создавал свою магистерскую диссертацию. В ней я определил для себя, что называть капитализмом, когда и как он развивается, какова динамика социальных изменений, которые он создает внутри себя. При этом, я подчеркну, я не согласен с ленинской идеей о том, что результатом развития капитализма является лишь классовая дифференциация, состоящая из трех групп: бедняки, середняки, кулаки. Да еще в результате поляризации этой дифференциации — середина — середняки в конце концов исчезают.

А.М. НИКУЛИН: Какой-то фатальный раскол сельского общества на крайние страты.

С. ШНАЙДЕР: Да, именно. Я очень четко осознавал, что в реальности этого не происходит. Но я двигался дальше, читал лите-

*С. Шнайдер,
А.М. Никулин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

ратуру о современности. В Сан-Паулу через Грациано я познакомился с его аспирантом Дэвидом Гудманом, который только что вернулся из Лондона. У него я поинтересовался: «Привет, Дэвид, каковы основные дебаты в Европе о сельском развитии?» Дэвид ответил: «Есть несколько важных тем. Одна из них — общая сельскохозяйственная политика стран ЕС. И вторая, это с точки зрения социальных последствий, — социальная трансформация некоторых сельских регионов, то, что называют «новой сельской местностью» или «размытостью» сельской местности». Об этом тогда стали писать Ван дер Плуг из Нидерландов и Терри Марсен из Великобритании. Все эти профессора в 1980-х были молодыми людьми, в Европе они восставали против ортодоксальных мнений, которые, например, поддерживал Генри Бернштейн и другие, твердившие в ленинском ключе о принципиальной неизменности социальной дифференциации в сельской местности. А Плуг и Марсен смотрят на Европу и доказывают: да нет же, не идет здесь социальная дифференциация, о которой говорил Ленин. В современной Европе люди живут в сельской местности, работают в городах, но возвращаются на землю и живут в своих семьях. В то время была большая дискуссия в европейских академических журналах о том, что такое сельская семья. Что, в конце концов, представляет собой семейный фермер?

Я хорошо помню, тогдашние дебаты во Франции о процессах индивидуализации фермеров: например, если один фермер имеет высоко модернизированное сельское хозяйство со шлейфом разнообразной техники. Что происходит? Сын, дочь, жена и другие члены семьи могут устроиться работать вне фермы. Какова здесь тогда новая семейная динамика? Много вопросов, много обсуждений было тогда. Но главный финальный вывод: хотя люди работают и вне фермы деньги, которые они зарабатывают, возвращаются и помогают сельской семье оставаться единым целым.

Опять же, что можем мы вычитать у Чаянова по этому поводу? Крестьяне не считают свое хозяйство — просто единицей производства. Крестьяне думают, что она одновременно и единица производства, и единица потребления. У крестьянского хозяйства есть обе эти стороны. И тогда Чаянов пишет: «Есть оптимум, на который сельская семья ориентируется, принимая решение больше или меньше работать». Вокруг этого оптимума формируется местный сельский стандарт благосостояния, который люди принимают за ориентир в своей повседневной жизни.

Обратимся теперь к вопросам государственной политики в сельском хозяйстве. К сожалению, в большинстве случаев сельскохозяйственная политика, технологическая политика направлены на то, чтобы всячески гомогенизировать фермеров. Чтобы всех их сложить в одну коробку и подталкивать их к какому-то одному варианту развития. Я и мои коллеги стремились и стремимся отстаивать возможности разнонаправленного развития для разных групп фермеров, опять же в духе чаяновских мировоззренческих подходов.

В этом смысле идеи Е.П. Томпсона, а также А.В. Чаянова, никогда не изучавших человека-одиночку, но исследовавших его как члена малой группы, или семьи, или сообщества, или члена социального движения, мне очень близки. В современной социологии такого человека называют актором. Людей надо понимать как акторов. В этом смысле мне очень нравится подход Нормана Лонга о значении ролей социальных акторов. И с этим, конечно, связано изучение институтов через взаимодействие между структурами и субъектами. Тут я в долгу у Карла Поланьи. Карл Поланьи для меня — просветитель с точки зрения установления связи между макро- и микроструктурами. В последнее время о том же говорит нам экономическая социология, исходящая из исторического институционализма, такого как у современного британского экономиста Джеффри Ходжсона, а также я полагаю и у Элинор Остром, которая исследует, как различные учреждения связаны с управлением общественными благами.

В этой связи себя самого я могу определить как социолога, изучающего структуры, институты и акторов в их различных взаимодействиях. На этом пути мы, кажется, должны следовать завету Маркса о диалектике конкретного и абстрактного. Наблюдайте за тем, как действуют акторы, но при этом не теряйте представление о структуре. В этом смысле я бы сказал, что такова моя методология. Какова моя эпистемология? Я бы сказал, что я все еще социолог, который верит в диалектику. Что такое диалектика? Диалектика берет в расчет противоречивое взаимодействие различных сторон процесса.

Так и в моей диссертации я изучал, какие важнейшие показатели помогают понять, что является наиболее важным для социального воспроизводства семей в сельской местности: возраст, образование, доход, активы на рынке труда. Я сравнивал при этом семьи с различной трудовой занятостью, например, когда хотя бы один или несколько человек в семье работают вне сельского хозяйства. Я проводил эти сравнения на примере двух регионов: Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул. И тогда проявляется сила сравнительного анализа. В бразильской социологии я много работаю со сравнительным анализом различных регионов. Сейчас я делаю сравнительный анализ противоречий между большой глобальной продовольственной системой, где господствует крупный агробизнес, и локальными инициативами сельских сообществ.

После защиты диссертации я провел год в Великобритании в Кардиффе, работая с Терри Марсдейном, где я встретил группу европейских ученых, изучающих проблемы развития отдельных сельских районов. Именно в Европе эта проблематика детально проработана лучше всех и здесь нам есть чему поучиться.

Относительно недавно я уточнил и дополнил мою исследовательскую повестку. Где-то с 2012 года я оказался первым профессором в Бразилии, который стал читать новый университетский курс по социологии питания. Я первый в Бразилии занялся изучением

*С. Шнайдер,
А.М. Никитин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

социологии еды. Сейчас этому моему образовательному курсу будет 8 лет. Я собрал большую группу исследователей, которая работает в моем университете с проблемами питания. Я курирую более 40 магистрантов и около 40 аспирантов из Бразилии, Нидерландов, Испании, Аргентины, Мозамбика, Анголы, Чили, Эквадора. Был также приглашенным профессором в Эквадоре и периодически консультирую проекты Всемирного банка начиная с середины 1990-х годов, работаю также с другими международными организациями: с ФАО, Всемирной организацией здравоохранения, с Европейским сообществом, международными организациями Латинской Америки, Канадским агентством по развитию.

А.М. НИКУЛИН: Все-таки в этой деятельности заключаются и элементы публичной, активистской деятельности социолога.

С. ШНАЙДЕР: Конечно, когда я обращаю внимание студентов на значение активизма, я стараюсь также продолжать сам следовать ему в течение всей моей жизни. Когда я был студентом, мой активизм был связан с партией. Теперь моя активистская деятельность заключается в том, что я работаю на общественные организации, особенно семейные фермерские союзы. Я даю им различные рекомендации, разумеется, без всякой оплаты. Они также часто приглашают меня выступить с докладами и лекциями. И это тоже моя карьера. Это моя жизнь.

А.М. НИКУЛИН: Вы охарактеризовали развитие сельских районов, аграрное развитие в 1980–1990-х годах в Бразилии. Используя свой междисциплинарный опыт, подходы и методологию, что можете сказать о текущей ситуации в развитии сельских регионов, каково Ваше видение этой эволюции?

С. ШНАЙДЕР: Очень интересный вопрос. Я стремлюсь быть представителем современной бразильской социальной науки. Посмотрите, бразильская обществоведческая наука начинается где-то после Второй мировой войны и до начала диктатуры 1964 года проходит 20–25 лет, когда у нас формируется первое поколение бразильских ученых-обществоведов, являвшихся прежде всего учениками иностранцев. Итак, это была наша первая школа.

Во время диктатуры ничего не было позволено делать в развитии социальных наук. Тогда просто импортировалась господствующая технократическая сельская социология из США, очень прагматичная, исследовавшая лишь развитие аграрных технологий. В моем университете в Порту-Алегри до сих пор существует именно такой курс сельской социологии, созданный всеми этими спикерами-технократами. И не только в Порту-Алегри, есть что-то подобное и в других университетах. А вот сельская социология Университета Сан-Паулу с более критической, марксистской перспективой была просто закрыта, ее ведущим представителям было предложено в годы диктатуры покинуть Бразилию. В Рио-де-Жанейро у нас в годы диктатуры сформировалась школа североамериканской городской экологии и антропологии, но она также не могла при диктатуре особо разви-

ваться. И так, в этих двух фазах: 1945–1964 и 1965–1984 годы, в двух поколениях бразильских обществоведов формировалась сельская социология, но она не имела особого влияния.

Лишь к 1990-м годам, преодолев наследие диктатуры, у нашей сельской социологии появились новые направления развития. В бразильских университетах подготовлены свои магистры и доктора наук по сельской социологии. До этого времени у нас было невозможно заниматься критически ориентированными общественными науками, для этого приходилось отправляться за границу, но это могли себе позволить лишь несколько человек, потому что это было дорого.

А у моего поколения молодых ученых 1990-х годов (я отношу себя к нему) главной научной темой была модернизация сельского хозяйства, Зеленая революция. И наши исследования являлись, по существу, критикой модернизации сельского хозяйства. В течение 1990-х годов формируется и новая группа исследовательских тем. Особенно после того, как Фернандо Рикардос вступил в свою должность в правительстве, стала разрабатываться тема социальных движений: движение безземельных крестьян, женское движение, профсоюзное движение. Это была вершина критической социологии периода с середины 1990-х годов до прихода к власти Лулы, и, конечно, все это было связано с нашими исследованиями крестьянства и семейных фермеров в Бразилии.

Далее настал черед социологии, занимающейся экологическими проблемами. Впервые тема экологии у нас громко прозвучала в 1992 году в связи с организованной в Бразилии конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию.

И начиная с 2000-х годов и по настоящее время бразильская повестка дня в области изучения развития сельских районов по-прежнему состоит из социологии социальных движений, сельско-городской миграции, но все успешнее изучаются гендерные отношения, проблемы молодежи, традиционных общин и коренных народов, чернокожего населения. Над этими проблемами работает много людей, в методологическом плане, использующих различные направления постколониальных исследований.

Для меня и моих коллег ключевым в сельской социологии остается понятие самой сельской местности. Сельская местность — это более обширное понятие, чем сельское хозяйство. Сельская местность включает в себя и сельское хозяйство и самую разнообразную социальную жизнь в сельской местности. Сейчас такие ученые, как я, работают над социологией новой сельской местности, стараясь иначе взглянуть на рынки труда и аграрную политику.

Еще, я бы сказал, отдельная, третья группа социологических сельских исследований в Бразилии занимается продовольственной системой: это рост земельной аккумуляции, захваты земли, в целом проблемы эффективного земледелия.

Пожалуй, можно выделить четвертую группу ученых, которые работают на границе сельской социологии и экологических иссле-

*С. Шнайдер,
А.М. Никитин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

дований. Агроэкология — действительно ведущая тема в «новой сельской социологии», которая занимается проблемами окружающей среды. Сейчас если вы приедете на сельский конгресс в Бразилию, то обнаружите, что агроэкологи там составляют большинство. Итак, это основные темы бразильской сельской социологии. Я сам работаю по трем направлениям. Первое — продолжаю исследования социальной дифференциации в сельской жизни; занимаюсь классическими темами социальной дифференциации, семейного хозяйства и рынков труда, социологией продуктов питания.

Я убежден, что изменения в сельской местности в ближайшие десятилетия будут происходить и благодаря тому, как городские жители питаются, воспринимают и представляют еду. Если XX век после Второй мировой войны был веком, когда социальные изменения в сельской жизни и в сельском хозяйстве происходили через внутреннюю модернизацию фермерских хозяйств, их механизацию, изменения в местной общественной жизни, и все это происходило преимущественно внутри самой фермы и деревни, то в настоящее время изменения внутри сельских сообществ и ферм не столь значительны, как изменения за их пределами. Сейчас действительно социальными изменениями на селе движет прежде всего город — демографическими и продовольственными путями. Или молодые люди из села уходят в город, или люди из городов возвращаются в сельские районы. Так, например, теперь проблема продовольствия важна не столько тем, как и что вы производите, а тем, как вы перерабатываете продовольствие в конкретные продукты и торгуете ими. Сейчас важнее то, что происходит за пределами фермы, а не внутри фермы. Например, подрядное сельское хозяйство, которому многие фермеры полностью подчинены.

А.М. НИКУЛИН: И какие же тут могут быть альтернативы сельского развития?

С. ШНАЙДЕР: Ну во-первых, альтернативы приходят от самой гастрономии, ее новых продовольственных практик. Тут и новые требования, стандарты, и новые опасения. Итак, все это ключевые темы социологии питания, которая во многом определяется продовольственными рынками. Продовольственные рынки — теперь одна из моих главных тем исследования. Это вторая область моих исследований. И третья область моих исследований — сравнительная динамика развития сельских регионов. Это то, что я делаю в Бразилии в контексте компаративистских исследований стран БРИКС. В этих сравнительных исследованиях мне действительно дорого наше сотрудничество с Россией². Я надеюсь, тут мы сможем добиться мно-

2. Нидерле П., Куракин А.А., Никулин А.М., Шнайдер С. (2019). Концепция «Продовольственных режимов» как модель объяснения стратегий аграрного развития (на примере России и Бразилии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 19. № 2. С. 261-276.

гого уже в течение ближайшей пары лет. И я продолжаю начавшиеся ранее сравнительные сельские исследования с Китаем. Это мои приоритеты — сравнение сельского развития Бразилии, Китая и России, несмотря на все различия между этими странами. В совместных сравнительных исследованиях мы еще многому научимся друг у друга.

*С. Шнайдер,
А.М. Никюлин*
«В совместных
сравнительных
исследованиях
мы еще много-
му научимся друг
у друга»

“In the joint comparative studies, there is much we can learn from each other”³

Sergio Schneider, DSc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul. Av. Paulo Gama, 110, Porto Alegre, Brazil, 90040-060. E-mail: schneide@ufrgs.br

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of the Chayanov Research Center, MSSES. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

In the autobiographical interview, Sergio Schneider, a leading Brazilian sociologist in the field of sociology of rural development and professor at the Federal University of Rio Grande do Sul, reconstructs his scientific career and considers dramatic changes in the life of rural and urban communities of Brazil in the late 20th — early 21st century. In particular, the interview focuses on the development of rural sociology in Brazil, its institutionalization, and research interests of those Brazilian social scientists that determined the development of rural sociology and were the teachers of Sergio Schneider. The development of rural sociology in Brazil is presented as influenced by the German, French, American and English historical-sociological traditions of the study of the agrarian question and interaction of the city and the village. The interview emphasizes the significance of A.V. Chayanov’s intellectual heritage for the worldview of Sergio Schneider and Brazilian rural sociology in general. Sergio Schneider stresses the importance of his personal activist position that has always helped him in the search for interaction between politics and science. In conclusion, he raises the question of the development of comparative Brazil-Russian-Chinese rural-urban studies, in which he currently participates.

Keywords: Brazil, sociology, regions, peasantry, university science, rural development, Marxism, Chayanov

3. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project “The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists’ findings through the actualization of their heritage”.

Рецензия на книгу: Агарин Е. Трудрами рук своих: Толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России. М.: Common Place, 2019. — 382 с. (Вершки и корешки) ISBN 978-999999-0-84-4

И.А. Гордеева

Ирина Александровна Гордеева, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062, Москва, ул. Покровка, д. 29. E-mail: gordnepl@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-186-194

Эта рецензия — уже не первый отзыв на книгу издательства Common Place, который печатается в журнале «Крестьяноведение»¹, и это не случайно. Common place — молодое, маленькое, но плодотворное DIY-издательство, не имеющее ни директора, ни редколлегии, которое выпускает книги с помощью волонтеров². Участники этого проекта считают важным публиковать тексты (как первоисточники, так и исследовательские работы) на тему низовой самоорганизации — в историческом, теоретическом и практическом измерениях, а также работы, посвященные жизни и формам протеста социальных низов, народно-анархическим и другим автономным движениям, социальным экспериментам, этическим альтернативам и радикальным биографиям, полагая, что подобная проблематика актуальна для современной России.

1. Рышков В.М. (2019). Примат общественного над личным, или Российская деревня через юридическо-антропологическую оптику Владимира Безгина // Крестьяноведение. Т. 4. № 1. С. 145–158. Рец. на книги: Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common Place, 2017; Безгин В. (2017). Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносов.
2. «Закапывание стоптанных башмаков — древнейшугурский ритуал, цель которого — соединить мир живых с миром мертвых и не дать расплзтись ветхой ткани времени. Чем-то похожим занимается и независимое издательство Common place, выпускающее книги мертвых для живых и книги живых для того, чтобы крепче стоять на ногах сегодня, через неделю, месяц и год», — такие слова предваряют интервью с основателями издательства на ресурсе krot.me (Сандалов Ф. Закопай свои башмаки. URL: https://krot.me/articles/common_place).

Серия «Вершки и корешки» (отсылка к Е. Летову), в которой вышло исследование Агарина, задумана в народническом ключе, для публикации исследований и материалов, отражающих поиск связи между народными низами и интеллектуалами, опыт тех общественных деятелей и движений, которые ставили перед собой цель устранить разрыв между образованным меньшинством и народом. В ней выходили, например, такие книги, как «Иностранцы: Очерки дореволюционной этнографии», «Сектанты: Очерки по истории народных религиозных движений» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, «Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян» В. Безгина, а также переиздание моей собственной монографии «Забутые люди», посвященной истории российского коммуитарного движения последней четверти XIX в.

Таким образом, проект Common Place может заинтересовать всех, кто, подобно крестьяноведам, занимается историей «снизу», ставит перед собой цель «сделать историю народной»³, написать ее с точки зрения угнетенных, обнаружить в событиях прошлого политическую субъектность простого народа.

Ефим Владимирович Агарин — молодой историк, выпускник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), в настоящее время — преподаватель Приволжского медицинского университета в Нижнем Новгороде. В 2016 году он защитил диссертацию на тему «Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России»⁴, переработанной версией которой и является рецензируемая монография.

Толстовское движение — это этическое течение и религиозно-общественное движение, возникшее в России и во всем мире в конце 1880-х годов под влиянием работ Л.Н. Толстого и получившее особенно широкое распространение в первой трети XX века. Первые российские толстовцы, принадлежа к мирному течению в русском народничестве, противопоставляли свой общественный идеал революционному и ставили перед собой цель изменить общество путем мирного нравственного самосовершенствования в сельскохозяйственных общинах (колониях, коммунах). Толстовское коммуитарное движение просуществовало до конца 1930-х годов, когда последние толстовские коммуны были уничтожены, а их участники — репрессированы. Еще одно движение, организаторами кото-

-
3. См. круглый стол, организованный ФБ-ресурсом «Сама пойдет», «Как сделать историю СССР народной?», целью которого было инициировать дискуссию о возможностях написания «народной истории» (истории с точки зрения угнетенных классов и групп) СССР в духе Г. Зинна «в качестве альтернативы как либерально-западной, так и национал-сталинистской, а также формирующейся национал-либеральной позиции»: URL: <https://www.facebook.com/samapoidet/videos/497077524362017/>
4. Агарин Е.В. (2016). Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: Дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Нижний Новгород.

рого стали толстовцы, — радикально-пацифистское — зародилось на рубеже XIX–XX веков и ставило перед собой цель радикальной трансформации международных, социальных и межличностных отношений в духе любви и ненасилия с помощью всемирной ненасильственной революции братства. Помимо этого, толстовцы были участниками самых разных религиозно-этических течений, например, вегетарианского, эсперантистского и т. п.

Социальный состав толстовского движения был пестрым и имел определенную динамику: зародившись преимущественно в кругах образованных людей и даже в среде аристократии, со временем демократизировалось, распространившись на широкие слои горожан и крестьян, оказав особенное влияние на сектантов и богоискателей из народа.

За кажущейся известностью этого движения скрывается удручающая неизученность. Как до Революции, так и в советское и постсоветское время толстовство подвергалось резкой критике с позиций сначала охранительного крыла православной церкви, а позднее ленинских трудов о Толстом, что препятствовало научному исследованию этого явления и привело к почти полному забвению толстовской этики, коммунитаризма и пацифизма, опыта практической реализации идеалов, несмотря на удивительное богатство архивов толстовцев.

Лишь в позднее советское время началось научное освоение истории толстовского движения. В рамках «оттепельной» советской исторической науки вопрос о связи толстовцев с русским сектантством изучал А.И. Клибанов⁵, чуть позже, в середине 1970-х, советские диссиденты открыли для себя толстовскую народную традицию сопротивления⁶. Работы М. Поповского о толстовцах и публикация воспоминаний крестьян-толстовцев А. Рогинского уже в период перестройки вызвали большой общественный резонанс как в России, так и за рубежом, активизировали научные исследования этого движения⁷. Тем не менее, несмотря на наличие значи-

5. *Клибанов А.И.* (1969). Религиозное сектантство и современность: (Социологические и исторические очерки). М.: Наука. С. 181–187, и др. работы данного автора.

6. *Поповский М.* (1983). Русские мужики рассказывают: Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918–1977: Документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР: По материалам вывезенного на Запад крестьянского архива. London: Overseas Publications Interchange (OPI); Воспоминания крестьян-толстовцев (1989) 1910–1930-е гг. / Сост. А.Б. Рогинский. М.: Книга; английский перевод: *Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia* (1993) / Trans. by William Edgerton. Bloomington: Indiana University Press.

7. Вот перечень лишь самых значимых работ либо целиком посвященных истории толстовства, либо уделяющих этому течению значительное внимание: Эткинд А.М. (1989). Русские секты и советский коммунизм: Проект Владимира Бонч-Бруевича // *Минувшее*. Т. 19. С. 275–319; *Он же* (1998). *Хлыст: (Секты, литература и революция)*. М.: НЛЮ; *Edgerton W.* (1988).

мых результатов, большого исследования по истории толстовского движения, обобщающего как дореволюционные, так и послереволюционные материалы, пока не появилось, и главное, уже имеющиеся результаты исследований еще не интегрированы в более общую историографическую проблематику.

Работа Агарина — это первая попытка обобщающего исследования толстовских колоний дореволюционного периода. Он рассматривает толстовство как систему, «в широком смысле — как исторически сложившуюся систему религиозных, этических, социальных и иных принципов, которые разделяли как Толстой, так и его последователи» (с. 8). Для автора исследование носит личностный, этический характер, по его мнению, «толстовство — это не просто вегетарианство или “опрощение”, и даже не только пацифизм и земледельческие колонии. Толстовство — это вера в то, что благополучие человеческого общества начинается не столько с мудрой политики и справедливого социального устройства или религии, сколько с самого человека; это вера в то, что, начав с себя, каждый из нас может изменить мир к лучшему» (с. 7).

Исследователь собрал огромный фактический материал, работал во множестве архивов и библиотек Москвы и Нижнего Новгорода, за ним стоит качественная источниковедческая школа, он любит и умеет работать с источниками. Множество неопубликованных документов он вводит в научный оборот впервые, хотя, к сожалению, в монографии отсутствует общий обзор и характеристика использованных материалов.

Во введении Агарин утверждает, что толстовское движение имело «яркий национальный колорит» и что «некоторые черты, отразившиеся в толстовском мировоззрении, по-прежнему можно обнаружить среди наших национальных особенностей. Таковы

И.А. Гордеева

Рецензия

на книгу:

Агарин Е. Тру-

дами рук своих:

Толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России

The Social Influence of Lev Tolstoy in Bulgaria // American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Sofia, September. Vol. 2, Literature. Columbus, Ohio. P. 123–138; *Brock P.* (1997). Testimonies of Conscience Sent from the Soviet Union to the War Resisters' International 1923–1929. Toronto: Printed privately; *Brock P.* (1999). Soviet Conscientious Objectors, 1917–1939: A Chapter in the History of Twentieth-Century Pacifism. Toronto (и многие другие работы данного автора); *Гетель Е.И.* (1997). Объединенный Совет религиозных общин и групп как одно из проявлений русского религиозного пацифизма // Долгий путь российского пацифизма. М. С. 301–317; *Гордеева И.А.* (2003). «Забытые люди»: История российского коммунитарного движения. М.: АИРО–XX (2-е изд.: М.: Common Place, 2017); *Кранивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатова А.Г.* (2003). Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). СПб.: Изд-во СПб. ун-та; *Редькина О.Ю.* (2004). Сельскохозяйственные религиозные коллективы в 1917-м — 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград: Изд-во ВГУ; *Петухова Т.В.* (2008). Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.). Ульяновск; *Alston Ch.* (2014). Tolstoy and His Disciples: The History of a Radical International Movement. L., N.Y.: I.B. Tauris.

идеализация прошлого, вера в «особую миссию» народа и страны, непредсказуемое сочетание индивидуализма и традиционного коллективизма, политический индифферентизм, в некотором роде даже стремление сохранить связь с землей, существующее вопреки развитию рыночных отношений» (с. 11–12). В основной части работы эта сомнительная тема больше не поднимается.

Формулируя цель и задачи исследования, автор колеблется между поиском «сущностей», «закономерностей», «объективных факторов» и исследованием в духе социологии знания К. Мангейма, и эта сумбуренность теоретического языка сохраняется на всем протяжении работы. Наивный эссенциализм, обилие теоретических фикций («довольно простой факт», «закономерное слияние социальных течений», «обочина мировоззрения», «религиозно-философские постулаты», «достаточно простая и очевидная причина» и т. п.), отсутствие единой и сколько-нибудь внятной теоретической и методологической линии исследования сильно затрудняют чтение книги даже для тех, кто с большим интересом относится к толстовскому движению.

В «Обзоре литературы» Агарин дает подробный очерк истории изучения религиозно-общественного учения Толстого и толстовства в российской и частично англоязычной историографии. В поисках «объективного», «беспристрастного» и «целостного образа» толстовства он проделал огромную работу, которая послужит хорошим библиографическим путеводителем для всех, кто начинает исследование толстовского движения.

В первой главе «Сущность и истоки толстовства» рассматриваются народнические истоки движения, его связь с сектантством и «альтернативными» движениями. Обращаясь к истории толстовских земледельческих колоний, Агарин ставит вопросы об идеологической природе толстовства, общественном идеале толстовцев, мотивах их движения «на землю», пытается выявить характерные черты толстовских колоний. Он убедительно показывает, что толстовское движение было мирной разновидностью («историко-генетической формой», как он выражается) народничества «в широком смысле» (с. 80–81), однако в дальнейшем тексте неоднократно противопоставляет толстовское и российское народническое движение, ассоциируя последнее то с революционным народничеством, то с коммунитарным движением. Эта часть работы убедительно демонстрирует, что рассказ о толстовском движении давно уже должен стать обязательной частью общих курсов по истории народнического движения, в котором у нас традиционно недооцениваются мирные, культурнические течения.

Агарин пишет и о влиянии на толстовское движение «альтернативных — новых социальных движений», в то время как, на мой взгляд, правильно было бы утверждать, что толстовское движение само было альтернативным движением и предтечей некоторых новых социальных движений (большинство толстовцев одновременно

были пацифистами, вегетарианцами, эсперантистами и приверженцами многих других идей и ценностей, характерных для движений подобного типа). Точно так же нельзя развести толстовское движение и коммунитарное (с. 78) — начиная с 1880-х годов толстовцы стали самыми активными проводниками коммунитарного идеала, при этом нередко они создавали поселения совместно с любителями земледельческого труда, которые не являлись толстовцами. Что касается утверждения Агарина, согласно которому для толстовцев община не была «доминирующим принципом», в отличие от участников коммунитарного движения, — оно основано на неверном понимании коммунитаризма, для которого, как показано в моей диссертации, были характерны самые разные формы воплощения идеала, включавшие, помимо поселений на земле, дружеские кружки единомышленников.

Неверным представляется утверждение автора, согласно которому у толстовского движения отсутствовала организационная основа, и «более тридцати лет толстовское движение существовало лишь благодаря личным контактам людей, группировавшихся вокруг Л.Н. Толстого и его активных последователей» (с. 74). Мощной объединяющей основой для толстовцев явились их издательские проекты, и прежде всего «Посредник» и «Свободное слово»; Московское вегетарианское общество и толстовские журналы также играли важнейшую объединяющую и координирующую роль, и это никак не отменяет «субкультурности» и «альтернативности» движения.

Также спорно утверждение, будто толстовское движение было абсолютно аполитичным, эскапистским и даже экстрархистским, то есть внегосударственным (с. 57). Этот давний стереотип был опровергнут как в статье итальянской исследовательницы А. Саломони⁸, так и в моих последних работах о радикально-пацифистском движении толстовцев.

Доказать аполитизм толстовства, противопоставить его народничеству и коммунитарному движению можно, только чрезвычайно сузив понятие толстовства до движения «на землю». Его анализу автор посвящает целиком вторую главу «Толстовство и движение “на землю”». Здесь он использует старое разделение толстовцев на «светлых» и «темных», или на «теоретиков» и «активистов» (с. 101–105)⁹. Эта часть работы полна логических противоречий: согласно Агарину, «теоретики» «видели в концепции Толстого преимущественно религиозно-философское учение и меньше внимания

8. Саломони А. (1997). Эмигранты-толстовцы: между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб. С. 112–127.

9. Разделение толстовства на «теоретиков» и «практиков», которое присутствовало в моей диссертации 2000 года, я в настоящее время считаю ошибочным.

уделяли ее социальным идеалам, поэтому своей повседневной жизни кардинально не изменяли», они более известны своей общественной деятельностью (издание литературы для народа, защиты сектантов от гонений, распространение работ Толстого) — на самом деле, этот перечень побуждает назвать «теоретиков» практиками. «Активисты» же «напротив, ярче воспринимали социальную направленность учения Толстого и стремились вести трудовой земледельческий образ жизни» (с. 104–105). Списков «теоретиков» и «практиков» автор не приводит, упоминая лишь отдельные имена, причем среди «теоретиков» оказывается, например, П.И. Бирюков, который хотя и не занимался никогда земледельческим трудом, но всегда вызывал восхищение своего окружения простотой и неприхотливостью повседневной жизни и жизни его семьи. И таких несоответствий можно найти огромное множество, если попытаться применить предложенную классификацию для исследования биографий толстовцев.

Исследуя динамику первых земледельческих поселений толстовцев, Агарин делает вывод, что постепенно участники движения отказались от «общинного идеала» в пользу артелей, соседских поселений и хуторов (с. 134–136). К сожалению, описание этих форм, которое дается автором в последующих главах, не содержит в себе информации о том, на какие интеллектуальные источники опирались толстовцы в выборе форм поселений, как они сами их концептуализировали, с какими традициями связывали.

Возможно, этот недостаток связан со слабой изученностью «социалистического словаря» российской истории. В советское время этот словарь был целиком заимствован из марксизма и не отражал всего богатства форм народно-коммунистического творчества. В ранний постсоветский период историки пренебрегали подобной проблематикой, поэтому у нас практически нет исследований того, какими смыслами в российской интеллектуальной и социальной истории наделялись такие понятия, как «колония», «община», «коммуна», «поселение», «кооператив», «артель», «социализм», «коммунизм», «братство» и т. п., и как эти смыслы трансформировались в разные исторические периоды. Как показывает работа Агарина, история толстовского движения предоставляет богатый материал для подобного исследования.

Агарин утверждает, что толстовцам был свойственен крайний индивидуализм, который и привел к тому, что форма общины сменялась на индивидуальные поселения, и движение приняло эскапистский характер (с. 137). При этом остается неясным, что произошло с этим индивидуализмом на следующем этапе, когда толстовцы вновь вернулись к форме общины и даже коммуны, и остается пожалеть, что 1917 год был выбран в качестве верхней хронологической рамки работы. Нет никаких оснований считать этот год точкой разрыва в истории толстовского движения, поскольку толстовцы были активными участниками революционных процессов 1917-го и последующих лет.

Третья глава — «Коллективные колонии толстовцев в 1881–1917 гг.», думается, должна была бы открывать исследование, поскольку она знакомит нас с «внешней» историей толстовских поселений (поэтому новым читателям книги рекомендую начинать чтение именно с нее). Это самая ценная часть работы Агарина, она представляет собой тщательную реконструкцию истории толстовского движения «на землю», выполненную на основе архивных документов и материалов периодической печати. И если история движения до начала XX века в основном повторяет мое собственное исследование, то материалы начала XX века были собраны и систематизированы впервые. В данной главе Агарин опровергает «стереотипное представление» о том, что «история земельных колоний целиком состоит из провалов и является историей крушения толстовских надежд» (на материалах советского периода этот тезис уже был неоднократно опровергнут исследователями).

Четвертая глава посвящена «индивидуальным колониям» толстовцев и странничеству и также содержит массу нового фактического материала. Однако из нее остается неясным, какое отношение к движению «на землю» и трудовым идеалам имеют «странствующие» толстовцы, с большой симпатией описанные в одном из параграфов.

В пятой главе даются общие замечания о движении толстовцев «на землю» в указанный период, в ней наиболее значимой частью является параграф о социальном составе колоний, изменение которого автор считает самой важной переменной в истории движения. Агарин анализирует социальное происхождение участников толстовских поселений и доказывает заметное увеличение численности крестьян и рабочих в движении после Первой русской революции. Однако авторский вывод, что интеллигенция отходит от толстовства (с. 275), на мой взгляд, не обоснован, так как численность интеллигенции также росла, хотя ее удельный вес и снижался. Это интереснейший момент в истории движения (в данном случае не важно, как мы его назовем — толстовским, коммунитарным, движением «на землю» или как-то иначе), поскольку фиксируется начало процесса массового сознательного участия представителей «низов» в современном, уже не просто религиозном, а религиозно-общественном движении. При всей важности количественных подсчетов автор совсем не исследует материалы крестьян — участников движения, не ставит вопроса об их мотивации, о взаимоотношениях толстовцев-интеллигентов и крестьян, не пытается определить «сущность» движения на новом этапе с новой социальной базой. Между тем крестьян уже никак нельзя считать народниками, а их обращение к толстовству — стремлением к опрощению жизни как следованию социальному идеалу Толстого.

В приложениях к книге приводятся поименные списки участников толстовских колоний с указанием их социального происхождения, список толстовских поселений (общий и разбитый на колонии),

И.А. Гордеева

Рецензия

на книгу:

Агарин Е. Тру-

дами рук своих:

Толстовские зем-
ледельческие коло-
нии в дореволюци-
онной России

публикуются отдельные документы, связанные с организацией колоний, а также редкие фотографии известных толстовцев.

По прочтении книги остается так много вопросов, что, я надеюсь, они спровоцируют особенно пристрастных читателей пойти в архив, познакомиться с богатейшими и малоисследованными личными фондами и коллекциями толстовцев¹⁰ и, может быть, предпринять новое самостоятельное исследование.

Book review: Agarin E. By the labor of one's hands: Tolstoyans' agricultural colonies in pre-revolutionary Russia

Irina A. Gordeeva, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret's Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062. E-mail: gordnepl@gmail.com

-
10. С конца XIX в. и до конца 1930-х годов толстовцы целенаправленно собирали материалы по истории российских религиозно-общественных движений. Богатейшие личные фонды толстовцев хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ), Научно-историческом архиве Государственного музея истории религии (НИА ГМИР), Архиве Международного общества «Мемориал», в ряде региональных архивов.

О пользе консерватизма, или Чему обязаны?..

Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: изд-во «Техно-Декор», 2016. — 136 с. ил., портр., цв. ил., портр.; ISBN 978-5-903357-86-4

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-195-200

Есть в русском языке изящное выражение: «Чему обязан?», отсылающее к такому смыслу: чему, какому счастливому обстоятельству обязан я удовольствием видеть Вас? Применительно к теме этих заметок я бы поставил вопрос о том, чему обязаны историки, ведущие сегодня острые споры о сущности и логике Русской революции XX века? Возможностью составить при этом вразумительное представление о низовых крестьянских организациях и умонастроениях самого многочисленного сословия России на самых острых изломах той революции? Потребно ли вообще такое знание? И если да, то к каким смыслам отсылает нас оно? И к чему обязывает?

Среди достижений отечественной историографии по этой проблематике особняком стоит творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко, чему и посвящена книга его друга и ученика известного самарского историка-аграрника П.С. Кабытова. Его талантливому перу принадлежит целая галерея портретов историков, и это — одно из тех начинаний, которые с готовностью поддерживаются его учениками и коллегами¹.

О Г.А. Герасименко он пишет не впервые. И очень хорошо, что вышло отдельное издание, на страницах которого немало свидетельств тому, что его герой вполне заслужил такое внимание. Читая книгу, понимаешь: для автора очень важна связь между личной и профессиональной, научной биографией героя. И уже этим Кабытов вольно или невольно выходит за флажки того, что на страни-

1. См.: *Кондрашин В.В.* (2014). Историки-аграрники России XX — начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество: Выпуск первый. Прага.

цах своей работы по старинке именуется «марксизмом-ленинизмом» (с. 56, 68, 129). В «Кратком курсе истории ВКП(б)» черным по белому записано: «Наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология» — в известном смысле эта установка была доведена в советской историографии до абсурда. В жизни Герасименко удавалось держаться подалеже от этой абсурдистики. Выходец из крестьян, что уже ко многому обязывает, учитель, военный летчик, хлебнувший лиха на Корейской войне, наконец, историк, чрезвычайно дотошный в деталях, изначально избравший объектом своего профессионального интереса низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 года в деревнях Нижнего Поволжья, — все это вместе вступало в диалектическое противоречие с необходимостью строго придерживаться догм «научного коммунизма». Ну какая, скажем, «вторая социальная война» в деревне, если ты в деталях знаешь, что там происходило? Какие крестьянские исполнительные комитеты как органы, создаваемые «буржуазной» властью, если ты точно установил, кто, как и зачем создавал эти органы?

Но в таком подходе содержится противоядие и против аксиоматики той общественной науки, которая как-то очень уж лихорадочно спешила на смену научному коммунизму в отечественной историографии в конце 1980-х годов. Ну какие, к примеру, были перспективы «демократического» развития у страны, где «постановления сельских сходов, резолюции волостных, губернских и всероссийских собраний и съездов крестьяне рассматривали как закон»² (с. 77)? А ведь крестьяне — львиная доля населения страны. И, как выясняется, не пассивная, безграмотная и ведомая политическими партиями и идеологами, но вполне активно и организованно принимавшая участие в *своей* революции. Именно стремление поглубже вникнуть в вопросы крестьянских организаций во время Русской революции позволило английскому историку-социологу Т. Шанину сформулировать концепцию крестьянской революции в России 1902–1922 гг.³, горячо поддержанную его русским коллегой и другом В.П. Даниловым⁴. Поэтому зря, я считаю, автор книги о Г.А. Герасименко сетует по поводу того, что его герою в 1970–1980-е гг. приходилось считаться с жесткими идейно-теоретическими ограничителями «марксизма-ленинизма». Чем более скрупулезно исследуются детали, тем меньше остается места для таких ограничителей. А Герасименко подробно изучал именно ту

2. Герасименко Г.А. (1974). Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов. С. 95.

3. См.: Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг. М.

4. См.: Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 177–178, 341–347.

область социально-политической истории нашей страны, в которой скрепы вульгарного марксизма были особенно хилыми.

И в этой связи я бы не переоценивал то обстоятельство, что «его исторические взгляды, конечно же, претерпели эволюцию в 90-е годы XX и в начале XXI вв.» (с. 6). Эволюцию претерпевают взгляды любого нормального историка. Если она сводится к дальнейшему углублению в изучение фактов и факторов истории в той области, в которой ты специализируешься, к стремлению осмыслить логику их взаимодействия, такая эволюция — лучшая страховка от революции. Волны идейно-политических штормов, бушующих на поверхности, на глубине утрачивают свою разрушительную силу. Как тут не вспомнить, как совсем недавно «переобувались на бегу» многие бывшие советские обществоведы. «Г.А. Герасименко не было ни среди защитников Белого дома, ни среди тех, кто поддерживал ГКЧП, — пишет П.С. Кабытов. — Ему претили такие жесты некоторых партийных вождей, как публичный выход из КПСС. Его не было и среди тех историков, которые еще вчера рьяно отстаивали марксистско-ленинские постулаты (как директор Института военной истории генерал Волкогонов), а уже 22 августа (1991 г. — В.Б.) побежали в архивы с тем, чтобы найти в истории России побольше “жареных фактов”» (с. 56).

Среди предпосылок такой метаморфозы автор вспоминает пьесу М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», пропагандистскую шумиху «перестроечной» прессы вокруг нее, а также статью в «Правде» Г. Герасименко в соавторстве с О. Обичкиным и Б. Поповым. «Историки — авторы статьи, — пишет он, — отмечают, что эта пьеса, “еще не поставленная ни одним театром, ...была объявлена выдающимся событием общественной жизни с претензиями, выходящими далеко за литературно-художественные рамки.” ...Авторы статьи критиковали М. Шатрова за то, что он, поставив в центр внимания пьесы вопрос о роли народных масс и личности в историческом процессе, “увел народ со сцены изображаемых им действий”. А драматичнейший момент в развитии общества представлен в пьесе как бойкая возня политиканов, “ни о чем другом, кроме собственных амбиций и своего облика в глазах будущих поколений, не думающих”. Острой критике подвергли историки автора пьесы за то, что все строительство социализма “в нашей стране представлено кабинетным спором в предельно запутанном историческом контексте, где нет ни врагов, ни союзников, ни правых, ни виноватых — есть подсудимые большевики и их судьи — белые генералы, меньшевики и эсеры”» (с. 52–53).

Кому как не историку крестьянской революции особо остро прочувствовать всю нелепость подобной историософии: народ уведен со сцены, революция представлена в виде болтовни партийных элит? А судьи кто? Да те самые меньшевики и эсеры, которые в глазах народа на съезде крестьянских и солдатских депутатов в мае 1917 года расписались в своей принципиальной неспособности

В.В. Бабашкин
О пользе консерватизма, или Чему обязаны?..

решить главный вопрос революции — земельный. А подсудимые? Большевики, т.е. единственная политическая сила в стране, оказавшаяся в состоянии дать Общекрестьянский наказ о земле в форме декрета «О земле» от имени II Всероссийского съезда Советов. Г.А. Герасименко было слишком хорошо известно, что происходило тогда в деревне, в «толще народных масс», чтобы не стать в оппозицию этой новой версии отечественной истории, явно стремившейся занять освободившееся место тоталитарной идеологии. В его исследованиях подробно описано, какие организации создавались крестьянством с целью радикального решения земельного вопроса в интересах общин. Подробно разбирая содержание его работы «Первый акт народовластия в России» (М., 1992), Кабытов резюмирует: «В монографии Г.А. Герасименко убедительно доказано, что низовые общественные исполнительные комитеты были созданы не буржуазией, не помещиками, не городскими думами и земствами, они возникли в результате правотворчества масс и сыграли видную роль в демократизации жизни страны в 1917 году» (с. 116). Они «были широко распространенной формой народовластия. Они покрыли страну густой сетью на губернском, уездном и сельском уровнях» (с. 111).

Такой взгляд на весьма важный период Русской революции, который приходится в ее славной и драматичной истории на 1917 год, вступает в явное противоречие как с научным коммунизмом «Краткого курса», так и с современным антикоммунизмом. Обе тоталитарные идеологии стремятся вывести общинно-крестьянский народ России за скобки анализа исторических событий. Первая делает это под псевдопролетарским соусом, вторая — под либерально-интеллигентским. Исследования Герасименко разоблачают этот трюк, показывая, что не пролетарии (и их партия, разумеется) и не интеллигенты с их многочисленными партийными программами несли крестьянам демократию — институты народовластия быстро развивались в деревне в революционные годы несколько в иной логике. В монографии «Народ и власть» он с сожалением пишет, что на смену массовой историко-партийной литературе советского периода в 1990-е гг. пришли публикации эсеровских, меньшевистских, кадетских и многих других авторов: «Каждый из них откровенно преувеличивает роль и оправдывает действия своей партии и к тому же смотрит на народ как на объект истории»⁵.

И здесь, наверное, будет уместно сказать несколько слов о пользе консерватизма. Дело в том, что практически все научное творчество Г.А. Герасименко прямиком выводит нас на проблематику крестьянской революции в России. А такая революция консервативна по определению. Не является ли словосочетание «консервативная революция» оксюмороном? С точки зрения вульгарного марксизма наверняка является. Определение же такой революции

5. См.: Герасименко Г.А. (1995). Народ и власть (1917 год). М. С. 4–5.

разработано в рамках того направления историко-социологических исследований, которое в 60-е гг. прошлого века получило в западном гуманитарном знании название *Peasant Studies*. Прежде всего это работы американца Э. Вульфа и англичанина Э. Хобсбаума. Кивок за Запад здесь необходим по той простой причине, что у нас в эпоху тотального господства «марксизма-ленинизма» подобные взгляды были совершенно исключены. Попытки сосредоточить внимание на институтах внутридеревенской демократии, связанных с общинными традициями крестьян, сталкивались с настороженностью идейно-политического руководства исторической наукой, а то и жестко пресекались⁶.

Однако и в советское время такие взгляды, так или иначе, развивались в аграрной историографии, которая в лучших своих образцах не могла не воспринимать хрестоматийный консерватизм изучаемого ею общественного сословия. Первым о революции подобного типа применительно к анализу событий отечественной истории заговорил В.П. Данилов. Рассматривая смысл и суть так называемых «аграрных беспорядков» накануне тех событий, которые было принято обозначать как Первая Русская революция, он писал: «В России начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г. ...Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. — до 1922 г. включительно. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам. ...Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни»⁷.

Знаю, что многие из коллег-историков, даже специализирующихся в области изучения аграрных отношений, скажут, что все это бесспорно. Так и очень хорошо. Главное, чтобы спор в историографии о крестьянской революции в России не утихал. С моей точки зрения, именно к этим смыслам отсылают исследования Г.А. Герасименко о низовых крестьянских организациях революционного периода. И знание об этом обязывает к полемике с теми, кто отстаивает расхожее ныне утверждение об отсутствии каких бы то ни было демократических начал в истории России прошедшего столетия. Поэтому считаю вышедшее из-под пера П.С. Кабытова отдельное издание о жизни и творчестве замечательного нашего соотечественника, историка Григория Алексеевича Герасименко очень нужным и своевременным.

6. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / Под ред. В.В. Бабашкина. М. С. 317–324.

7. Данилов В.П. (1992). Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М. С. 314, 319.

**On the benefits of conservatism, or To what do we owe...?
Kabytov P.S. Life and Work of Professor Grigory Alekseevich
Gerasimenko. Saratov: "Tekhno-Decor" Publishing House,
2016. — 136 p.**

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Пути сельского развития России и Китая

А.А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-201-207

20 мая 2019 года в РАНХиГС (Москва) состоялась вторая китайско-российская конференция аграрников. Первая — в рамках сотрудничества БИКАС — прошла в 2018 году в Пекине, и через год настало время ответного визита.

В докладах китайских коллег красной нитью проходила тема сельского возрождения, что явилось реакцией на принятую на очередном съезде КПК конкретную программу сельского развития. Российские коллеги сосредоточились на структурном описании состояния сельского хозяйства и сельских территорий, а также динамике их изменений. Исходя из этого мы попытались структурировать описание докладов по страновому принципу.

Программа сельского возрождения Китая

Рассмотрению крестьянского вопроса в Китае посвящен доклад *Лю Пан* (Китайский сельскохозяйственный университет). Автор рассмотрела меняющиеся роли и место крестьянства в социально-экономической трансформации китайской экономики и китайского общества. Крестьянство занимало и занимает центральное место как в китайском обществе, так и в социальных науках Китая. Первоначально крестьянство считалось наиболее подчиненным и эксплуатируемым классом, который нужно освободить. В ходе коммунистической революции крестьянство следовало сделать союзником в революционной борьбе, а в дальнейшем дать крестьянам образование. Начиная с 1950-х годов крестьянство стало рассматриваться как главная сила экономического развития. Автор последовательно фокусируется на различных сторонах крестьянского вопроса, которые выходили на передний план развития китайского общества: 1) крестьянский вопрос как вопрос производства, 2) крестьянский вопрос как вопрос политический, 3) крестьянский вопрос как вопрос аккумуляции. Решение всех этих накопившихся вопросов ле-

жит в основе программы сельского возрождения, проводимой в современном Китае.

Профессор Китайского народного университета *Тьехун Вен* представил доклад о том, как крестьяне спасали Китай. По его словам, это случалось три раза: в 1950-х, 1980-х и 2010-х годах. Спасть же Китай, по словам профессора, нужно было от кризисов модернизации. В каждый из периодов кризис имел свои особенности, но выход из них начинался с проведения земельных реформ. В результате на селе был создан обширный класс мелких собственников земли (конечно, с китайской спецификой прав собственности), которые и вытаскивали Китай из вышеупомянутых кризисов, а также послужили основой для полувекового процесса индустриализации страны. В 1950-х годах глубокая инфляция была погашена за счет того, что около 100 млн сельских домохозяйств абсорбировали 70% избыточной денежной массы при инвестировании в собственное сельскохозяйственное производство. В 1980-х годах грянул острейший кризис бюджетного дефицита, который был разрешен посредством либерализации рынка труда, в результате чего более 100 млн сельских жителей стали наемными работниками в создаваемой сельской промышленности, расширив тем самым внутренний спрос и составив костяк бурно развивавшихся негосударственных предприятий. В 2010-х годах в разгар мирового финансового кризиса заработала программа возрождения села, которая предполагает перелив избыточного капитала в сельскую местность, для чего право владения землей было отделено от права использования земли.

Последний сюжет теоретически развил *Цзинцун Е* (Китайский сельскохозяйственный университет) в своем выступлении о стратегии сельского возрождения в Китае. Он описал видение этой программы с позиции КПК и правительства, представил основные решения и официальные документы, а также кратко изложил историю появления программы возрождения села, связав ее с предыдущими моделями сельского развития Китая. Основное содержание доклада составил анализ программы возрождения села с точки зрения различных теоретических концепций аграрного развития. Для того чтобы можно было корректно сравнивать теоретические подходы, профессор Е выбрал четыре измерения: 1) сельское хозяйство, 2) сельская местность, 3) земля, 4) крестьяне. В качестве теорий, которые предлагают свои ответы и решения по вышеупомянутым четырем измерениям, Е рассмотрел марксизм, народничество, неоклассическую и неинституциональную экономическую теории, постмодернизм/постструктурализм и устойчивое сельское развитие. Е делает вывод, что сложная природа процессов сельского возрождения приводит к необходимости междисциплинарного анализа, когда ни одна из рассмотренных теорий не может полностью объяснить объект, но в то же время предлагает ценные идеи. Тем не менее, учитывая социалистическую природу Китая, в качестве системообразующего подхода Е предлагает марксизм.

Иной фокус рассмотрения китайской аграрной политики представил в своем докладе *Лейжен Данг* (Китайский сельскохозяйственный университет). Он изучил то, как освещаются вопросы сельского хозяйства и сельского развития в официальной китайской прессе. В качестве объекта он взял «Народную газету» — рупор партии и правительства КНР. Вопросы сельского хозяйства и сельских территорий рассматриваются в этой газете главным образом в контексте социальной стабильности, экономического развития и борьбы с бедностью. Акцентирование сельской тематики в прессе четко связано с проведением тех или иных реформ и решений партии, которые затрагивают вопросы села. Иными словами, газета является инструментом управления вниманием населения, поэтому ее анализ может предсказывать то, насколько важное место занимают сельские вопросы в повестке дня китайского правительства.

Хуйфанг Ву (Китайский сельскохозяйственный университет) представила результаты антропологического исследования одной деревни на юго-востоке Китая. За период с 1980-х по 2019 год деревня прошла 5 этапов аграрных трансформаций: 1) формирование системы ответственности домохозяйств, когда каждая семья получила долю в коллективной земельной собственности, 2) трудовая миграция и неформальная передача земли, 3) приход капитала в сельское хозяйство, формальная передача земли и возникновение крупных ферм, 4) уход капитала из сельского хозяйства и заброшенные земли, 5) новый приход капитала в сельское хозяйство, регулирование передачи земли и диверсификация сельскохозяйственного производства. Даже перечисление этапов, во время которых каждый раз переформатировалась жизнь в деревне, подсказывает крайнюю зависимость села от внешних факторов (будь то государство или капитал). На сегодня пришло понимание, что жизнестойкость деревни зависит от появления нового поколения крестьян и превращения деревни из места, где живут сельхозпроизводители, в место, где живут владельцы земельных долей.

Аграрные структуры России

Наталья Шагайда (РАНХиГС) представила обзорный доклад о структуре сельского хозяйства России и динамике ее изменений. В качестве начальной точки докладчик выбрала реформы 1990-х гг., описала основные принципы этих реформ и их результаты. Структурная динамика рассматривалась с точки зрения типа сельскохозяйственных предприятий (СХО, КФХ, ЛПХ) и региональной дифференциации. В качестве центральной темы автор выбрала вопросы концентрации (земли, капитала, производства, доходов), приватизации, деколлективизации. Характерной чертой современного состояния сельского хозяйства автор считает очаговую или точечную концентрацию. В связи с этим автор ставит на обсуждение два во-

проса, которые пока не имеют ответа. Вопрос первый: возможно ли устойчивое развитие при точечном росте, когда за пределами точек роста развития не наблюдается? Вопрос второй: ограничивает или стимулирует развитие сельского хозяйства в масштабах страны концентрация государственной поддержки, производства и новых технологий в руках ограниченного числа частных предприятий?

Татьяна Нефедова (Институт географии РАН) рассказала о социальной трансформации сельских пространств в России. Красной нитью в докладе проходит тезис о поляризации пространства. Это экономическая поляризация на богатые и бедные сельские территории и предприятия, а также социальная поляризация, связанная с миграционными процессами и старением сельского населения, с разрушением сельской инфраструктуры и заброшенными сельскими поселениями. Это поляризация между севером и югом страны, а также между центром и периферией (стягивание социальной и экономической жизни к центрам и запустеванием периферийных территорий). Отдельно автор поднимает вопрос внутренней периферии, т.е. староосвоенного пространства между центрами. Нефедова утверждает, что остается крайне мало внутренних ресурсов для того, чтобы переломить тенденцию к сельскому запустению в периферийных районах (в этом плане она отдельно рассматривает феномен дач, безусловно, интересный для незнакомых с этим явлением китайских коллег).

Штефан Мерль (Билефельдский университет) представил доклад «Сельскохозяйственная трансформация в России с 1987 по 2019 год», рассматривая объект, как он сам выразился, «с немецкой точки зрения». Подчеркивая крайне неэффективное сельское хозяйство СССР, Мерль не берется однозначно оценивать и рыночные реформы 1990-х годов. С одной стороны, общую идеологию реформ он считает правильной, но результаты ее довольно неоднозначны. Во-первых, проблемы 1990-х годов, да и сегодняшние также, в определенной степени проистекают из наследия коллективного советского сельского хозяйства, которое еще не преодолено. Во-вторых, Мерль считает, что опасения в начале 1990-х гг., что сельское хозяйство не способно произвести достаточное количество продовольствия, оказались неверными, а пустые прилавки были следствием иных причин (потерями при уборке, транспортом, хранением, переработкой, торговлей). В результате совершались ошибки в аграрной политике. Успех фермерского движения также трудно оценить из-за недостатка надежной информации. Несмотря на противоречивость современной аграрной политики, по формальным показателям современное сельское хозяйство России переживает, видимо, лучшие времена, если рассматривать ее в исторической перспективе.

Вызовам сельского развития, стоящим перед российским правительством, посвящен доклад *Евгении Серовой* (НИУ ВШЭ). Автор перечислила основные проблемы, решение которых требует прове-

дения определенной социально-экономической политики: 1) слабое освоение азиатской части страны, 2) исчезновение сельских поселений (особенно на Севере и в Нечерноземье), 3) непривлекательные условия жизни на селе по сравнению с городами, 4) ухудшающийся человеческий капитал на селе (старение, низкое образование, алкоголизм и девиантное поведение). Автор проанализировала государственные программы по развитию села начиная с 2015 года и предлагает подход, в рамках которого: 1) новая колонизация сельской местности возможна лишь при создании там достойных условий жизни, 2) более серьезная задача — выравнивание условий жизни по сравнению с городами (подобные программы разрабатывались еще в советское время), 3) новые критерии к созданию удовлетворительной физической и социальной инфраструктуры, как то: широкополосный интернет, удаленный доступ к образовательным и медицинским услугам, автономные источники воды и энергии, 4) поддержка местных инициатив, проектный подход.

Вопросам трудоустройства сельских жителей и сельским рынкам труда в Европейской России был посвящен доклад *Ксении Аверкиевой* (Институт географии РАН). Автор представила структуру занятости на селе (как по сфере занятости, так и по типу занятости) и различные количественные оценки элементов данной структуры. В качестве основных тенденций занятости в сельском хозяйстве Аверкиева отмечает следующие: 1) уменьшение занятых в сельском хозяйстве (из-за модернизации и территориально-структурной перестройки отрасли), 2) индустриализация сельского хозяйства, который перестраивает сельский образ жизни, 3) увеличение числа городских жителей, занятых в сельском хозяйстве, 4) увеличение доли мужчин, занятых в сельском хозяйстве, 5) сельскохозяйственные работники озабочены не столько уровнем зарплат, сколько условиями труда. В результате сельское хозяйство в России уже потеряло доминирующее положение на сельских рынках труда, и одновременно сельские жители теснятся горожанами в сельскохозяйственной занятости. Значительной остается доля неформально занятых в сельском хозяйстве (самозанятые на своих ЛПХ), но их число неуклонно снижается.

Александр Куракин (НИУ ВШЭ, РАНХиГС) в своем выступлении обрисовал положение КФХ и ЛПХ в сложившейся в российском сельском хозяйстве системе государственного капитализма. Динамика была продемонстрирована на сравнении результатов двух сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов. Можно отметить следующее. Начавшиеся еще в советское время процессы урбанизации и появления излишка рабочих рук в сельском хозяйстве продолжают и еще не завершены. В связи с этим сельское хозяйство и сельский образ жизни перестают быть синонимами, и чем скорее это разъединение станет учитываться при проведении социально-экономической политики, тем эффективнее она окажется. Сельские районы Севера и Центрального Нечернозе-

мя являются наиболее уязвимыми, т.к. сельское производство от туда неумолимо уходит и не замещается ничем (вследствие этого уходят и люди). Сельское производство переместилось на юг, создавая там конфликты и напряженность. ЛПХ в целом испытывают стагнацию и дифференциацию, т.е. возникновение, с одной стороны, крупных, специализированных ЛПХ и, с другой, отказ от сельскохозяйственного производства в принципе. КФХ, несмотря на все трудности, оказались жизнестойкими и демонстрируют хорошие результаты в последнее время. Среди них также идет специализация и дифференциация, но в целом наблюдается тенденция к превращению их в стандартных капиталистических производителей.

Алексей Наумов (МГУ, НИУ ВШЭ) рассказал о вызовах развития сельского хозяйства и сельских территорий российского Севера. Он выделяет три этапа сельскохозяйственного освоения северных территорий: 1) традиционное крестьянское хозяйство, 2) подсобное сельскохозяйственное производство при промышленных предприятиях, 3) «умное» устойчивое сельское хозяйство. Автор показал динамику производства различных культур в регионах Крайнего Севера и севера Европейской части России, демонстрируя значительные перемены и адаптацию производства к современным условиям (в частности, отказ от производства ряда культур, ранее производившихся в советском плановом хозяйстве). Применительно к подобным несельскохозяйственным регионам особую важность приобретает разделение вопросов развития села и сельского хозяйства. Решение проблем сельского хозяйства и сельского развития Наумов показал на примерах Якутии и Карелии.

Рената Янбых (НИУ ВШЭ) в своем докладе объяснила, почему государственная поддержка сельскохозяйственных кооперативов в России не приводит к положительным результатам. Данные исследований кооперативов Костромской, Пензенской и Ульяновской областей привели автора к выводу о том, что основные трудности лежат в области взаимоотношений между членами кооператива. Если не сложились отношения, благоприятные для осуществления кооперативной деятельности, то никакая государственная поддержка не поможет, а лишь спровоцирует создание фейковых кооперативов, нацеленных на освоение государственных средств. Автор выделяет три типа кооперативов согласно их целеполаганию: бизнес-ориентированные, социально-ориентированные и смешанные. Социально-ориентированные кооперативы не способны функционировать без постоянной поддержки и опеки со стороны местной администрации. Но даже в бизнес-ориентированных кооперативах их члены не всегда понимают особенности кооперативной организации и ведут себя как будто являются членами обычной коммерческой организации. Дополнительные трудности вызывает увеличение масштабов кооператива, т.к. приводит к необходимости

формализовать многие управленческие процессы, которые должны поддерживать кооперативные принципы. Без понимания последних формализация приводит к ускоренному вырождению кооператива.

207

А.А. Куракин
Пути сельского
развития России
и Китая

Ways of rural development of Russia and China

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, 101100, Moscow, Myasnitskaya St., 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

Крестьяноведение

2019. Том 4. № 3

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1342.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ